

Кто ищет...

Мать и дочь. Последняя в свои двадцать продолжает витать в облаках и жить мечтами, первая — ищет счастья в личной жизни, на которую все эти годы не оставалось времени. Они ругаются и мирятся, совершенно не замечая, что это и есть гармония семейных отношений. Но одна из них скрывает то, что способно разрушить жизнь другой. Какая тайна пылилась двадцать лет в запертом ящике стола и что делать, если мать превращается в чужого человека, а мечты — оборачиваются кошмаром?

Кто ищет...

г. Калинин (Тверь), 1985 год

Марина брела по пустым улицам, размазывая слезы по щекам. Июльская жара выжила прохожих с тротуаров и площадей в парки, поближе к спасительной прохладе деревьев и фонтанов. Там, наверняка, стоит тележка мороженщика и автоматы с газированной водой с сиропом и без. Неспешные беседы бдительных старушек на скамейках, споры студентов, рассеявшихся на траве, визг и радостные крики детей, бегающих босиком... Вот только от подобного зрелища Марине стало бы только хуже.

Перед глазами стояли темно-зеленые больничные стены, плакаты с правилами гигиены, и мужчина в белом халате. Его слова до сих пор звенели в ушах: «двусторонняя трубная непроходимость... бесплодие... к сожалению, не поддается лечению»...

Марина то шла, еле переставляя ноги, то бежала без оглядки, спотыкаясь и хватая ртом обжигающий воздух. Дети! Она никогда не сможет родить ребенка! Мысли об этом впивались иглами в виски, разрывали душу. Хорошо еще, под машину не бросилась. А может, потому и удержалась, что по дороге не попалось ни одного автомобиля?

Куда идти? В пустую квартиру? Да будь она проклята! Из-за нее они с Петей решили повременить с детьми. Год, другой, третий... Врач сказал, что тогда и надо было начинать лечение, теперь же не поможет и операция...

Марина плелась, рассматривая витрины магазинов, равнодушно переводя взгляд на голубое, почти прозрачное небо с налетом белых облаков. Ни одной птицы, видимо, пернатые тоже прятались от зноя. Картинка перед глазами расплывалась пятнами. Как она хотела детей! Мечтала о смышленном карапузе, делающем первые шаги и лепечущим «мама». Часами простаивала у прилавков с распашонками и ползунками, с упоением нянчилась с детьми подруг и знакомых...

Вот только после семи лет брака чуда не произошло. Врачи, знахари, бабки-шептухи — все напрасно! Только ширилась тоска, заставлявшая по ночам выплескивать слезы на подушку. И вот теперь, спустя столько лет бесплодных надежд ей все-таки вынесли приговор, который она и так знала, но боялась произнести вслух. Рыдания рвали легкие, голову окутал туман, сквозь который реальность стала казаться призрачной выдумкой. Если бы Марина знала, как от нее очнуться!

Мимо торопливо прошла женщина с коляской. Поравнявшись с ней, Марина заглянула внутрь — там беззаботно спал кроха в чепчике. Сердце зашло в приступе отчаянной злобы — почему у кого-то есть все, а ей не дано? Ведь маму малыша и женщиной-то назвать можно с трудом — курносая девчонка, наверняка, еще не отучившаяся в институте. Ей бы над учебниками сидеть, а не детей рожать! Ярость захлестнула. И Марина уже не знала, на кого злиться — на эту девчонку, врачей, мужа, себя или на Бога, в которого никогда не верила. Сейчас же все сильнее из груди рвался вопль «за что?». За что, Господи? Почему кто-то получает все, не ударив пальцем о палец, а ей пришлось пройти через унижения и боль, и все напрасно?!

Женщина с коляской прибавила шаг, скрываясь за поворотом. Скорее всего, тоже спешит в парк, — устало подумала Марина. — И почему она вообще решила гулять в такую жару? Остановилась, провожая взглядом приземистую красную коляску. У нее была бы не

хуже...

Вынырнувшая из-за поворота машина лихо промчалась мимо. Свеженасыпанная дорожная галька разлеталась в стороны, со звонким стуком ударяясь о тротуар. Марина проследила и за автомобилем. Вот его тряхнуло на кочке, когда проезжал мимо незнакомки с коляской. Как раз в этот момент женщина наклонилась, поправляя слетевшую туфлю. Обострившимся зрением, словно в замедленной съемке Марина увидела, как один из камешков из-под колес отскакивает прямо незнакомке в висок.

Не давая себе отчета, рванула туда. Буквально в два звериных прыжка оказалась рядом и застыла. Женщина лежала на тротуаре с согнутыми ногами, откинутой правой рукой и ссадиной на виске. Тонкая струйка крови стекала на пыльный асфальт. Глаза незнакомки застыли стеклянным блеском. Марина отшатнулась, схватилась за голову. Собственное горе и случившееся только что подтолкнули на грань безумия, лишили возможности рассуждать. Она даже пошевелиться не могла. Мысли лениво заворачивались в голове, заворачивая совершенно в непредсказуемое русло. Она мертва? А что с ребенком? Что ей делать? Марина поразилась следующей догадке — неужели ее злобные выпады в адрес Бога всему виной? Страх раздувал грудь, налил живот свинцом.

На негнущихся ногах Марина подошла к коляске. Кроха по-прежнему мирно спал, улыбаясь во сне. Маленькое чудо, лишившееся самого дорогого в жизни... А может, это не наказание, а дар? — мелькнула шальная мысль. Всевышний сжалился и дал Марине шанс обзавестись малышом? Мысль обожгла простотой и беспринципностью. Конечно, именно так все и есть на самом деле — это ее ребенок, долгожданный, выстраданный! Не раздумывая больше ни секунды, Марина аккуратно вытащила кроху из коляски и чуть ли не бегом помчалась домой...

г. Москва, 2006 год

Тесная комната с черно-белыми фотографиями на бледно-оранжевых обоях, пузатые горшки с размашистыми цветами на подоконниках... Аня одетая лежала на кровати, блуждая взглядом по высокому белоснежному потолку. Знакомая с детства обстановка сквозь призму хорошего настроения и фантазии казалась горницей сказочного терема. Вот, в окно запрыгнул солнечный зайчик, прошелся по мятым джинсам на спинке стула, скользнул по столу и метнулся вверх, рисуя узоры на свежей побелке. Аня с улыбкой наблюдала за непрошеным гостем. Лет пять назад она без раздумий схватилась бы за зеркальце, но переступив двадцатилетний порог, подобное стало казаться глупостью. Пусть и приятной, и озорной, но глупостью, которые взрослые люди себе не позволяют. Аня зажмурилась, в темноте прикрытых век следя за мигающими пятнами, какие всегда встают перед глазами, когда долго смотришь на свет. В груди сладко и томно ныло сердце, напоминая про недавнее расставание и грядущую встречу.

Это ощущение не было новым. Нечто похожее уже случалось в ее жизни: когда сосед по парте робко предлагал донести портфель; на дискотеке приглянувшийся парень приглашал на медляк; на выпускном — мальчик, нравившийся чуть ли не с детского сада, сбивчиво и путано признавался в любви, дыша в лицо перегаром... Теперь все это казалось пустым и незначительным. И каждый раз, предаваясь с подругами воспоминаниям о школьных годах, Аня неизменно шутила над собой и сама же смеялась — ведь когда-то она и впрямь верила, что подобные глупости обернутся в настоящую любовь. Сейчас детские «розовые очки» свалились с носа, обнажая истинные намерения большинства потенциальных кавалеров. Может, поэтому Аня и не встречалась с парнями дольше месяца? Походы в кино, ночные клубы и одинокие алые розы неизменно приводили к намекам, а потом и к откровенным разговорам об «этом».

Аня с легкостью справилась с подростковой ломкой — по крайней мере, так говорила мама. И в университете направление взяла не на покорение однокурсников, а на учебу. Правда, среди интересовавшихся ею парней, никого подходящего Аня не приглядела. Конечно, она исправно влюблялась «по мелочам» — просто чтобы не тусоваться одной на вечеринках и в кафешках. Болтовня по телефону обо всем сразу и ни о чем конкретном, непринужденный флирт и страстные поцелуи напоказ — этим все и ограничивалось.

Правда, сейчас у нее появился Женька из параллельного потока. По придуманной на пару с подругой классификации, он принадлежал к категории «надежный». Добродушный, заботливый, галантный, верный... Ане нравилось прижиматься к его широкой груди, обнимать за мускулистую шею, трепать тонкую косичку на выстриженном затылке. И что самое главное — месячный срок перевалил, а Женька до сих пор не заикнулся про секс. Ане даже стало казаться, что именно таким и должен быть ее принц, но...

Но два дня назад мир перевернулся — в просторную обшарпанную аудиторию вошел мужчина, от которого Аня не смогла оторвать взгляд. Среднего роста, слегка сутулый с широкими плечами, щетиной, глазами лазурного цвета и ямочкой на подбородке. Внешность, далекая от ее представлений о красивом мужчине, но почему-то невыносимо притягательная. Строгий взгляд, звонкий голос с хрипотцой — от этого мурашки бежали по

спине, и ныло в груди. Она не запомнила, что на нем надето, какие слова он говорил — так и сидела практически с открытым ртом и любовалась на нового преподавателя. Не утерпела и тут же призналась подруге, а в ответ услышала: «В кого ты влюбилась? В этого старпера общипанного? Ну ты даешь!». Вот только Аня все равно не переставала о нем думать.

Вот и сейчас, скользя взглядом по комнате, она вспоминала полные губы, крупный прямой нос, густые брови и исполненный печали взгляд. Тогда ей показалось, что в его глазах сквозит загадочная грусть — наверняка, последствия страшного горя, свалившегося на крепкие плечи. «Здесь кроется какая-то тайна», — шептала она одними губами фразу из любимой с детства сказки «Буратино». И как тряпичных кукол из театра Карабаса, Аню манила эта неизвестность. Она снова зажмурилась, представила, как проводит ладонью по небритой щеке, касается мягких губ... Почему-то даже думать об этом казалось стыдным, хотя со сверстниками Аня без зазрения совести много раз проделывала подобное. Но теперь все эти обжимки и поцелуйчики казались баловством — детской игрой. А с Виктором Андреевичем все будет иначе...

Аня почувствовала, как краска заливает лицо. Между ними не меньше пятнадцати лет разницы, а она позволяет себе подобные вольности. Наверняка, он женат и воспитывает детей. Разве может она позволить себе отбивать чужую половинку? Мысль отрезвила и расстроила. Аня села, поджав под себя ноги и подперев щеку рукой. Если он женат, то на попытки привлечь внимание придется наложить табу. Она не хочет сделать несчастной незнакомую женщину, как какая-то поганка позволила себе поступить с ее отцом. Аня ни разу его не видела — только на фотографии. И ту мама прятала в шкаф повыше, а потом, когда дочка подросла и вовсе убрала неизвестно куда.

Раньше Аня пыталась представить, каково это, когда тебя бросают и как можно уйти от жены с ребенком? Вот только подобные размышления всякий раз заставляли кипеть от негодования. Да попадись ей бессовестный папаша — плюнула бы в лицо и послала куда подальше! Может, поэтому мама не хочет про него рассказывать? Для нее он остался единственным мужчиной, зачем рушить образ любимого?

— Нет, — вслух произнесла Аня. — Если ты женат — на пушечный выстрел не подпущу!

Собственные слова рассмешили — Виктор Андреевич ни единым взглядом, ни единым жестом не проявлял интереса к студенткам. Более того, с подопечными он вел себя строго и требовательно — даже парни делали вид, что слушают, под его суровым взглядом. А она надумала себе невесть что! Станет он к ней приставать — как же!

Аня вздохнула с сожалением и грустью. Каким глупым все это кажется со стороны! Пока в тайну «запретной» влюбленности посвящена только подруга Карина. Но и она не воспринимает всерьез увлечение «закадычной». Конечно, не смеется, но за два дня отпущено уже столько острот в адрес нового преподавателя, услышав которые, современные юмористы повесились бы от зависти! А Аня все равно ничего не может с собой поделаться... Виктор Андреевич манил, словно запретный плод на дереве познания добра и зла...

— Ви-тя, — произнесла по слогам, будто пробуя имя на вкус.

— Анята, я дома! — донеслось из прихожей.

Аня вскочила с кровати и рванула в прихожую. Чувствовала себя нашкодившим котенком. Хорошо еще, что мама не умеет читать мысли, а то бы упала в обморок прямо посреди комнаты. Уж чего-чего, а воздыхания дочери по сорокалетнему мужчине она вряд ли примет спокойно. Наверное, это будет первый секрет, который Аня маме не расскажет ни

за что в жизни.

Глава 2

Летнее солнце неспешно ползло над головой, обливая ярким светом московские улицы. Марина мчалась на старенькой темно-вишневой ауди, нагло подрезая автомобили попроще и сигналив пешеходам. Мобильный, брошенный на соседнее сиденье, замигал, а потом запел голосом Меладзе «Я не могу без тебя...». Марина тут же схватила трубку, продолжая держать руль левой рукой.

— Подъезжаю, — коротко произнесла и нажала кнопку отбоя.

Уже через десять минут она сидела в летнем кафе со стаканом сока в руках. Напротив — симпатичный плотный мужчина в ядовито-оранжевой футболке и длинных клетчатых шортах. Бритая голова, гладкие щеки, курносый, со светло-кариими глазами. Щурясь от солнца, которое без труда доставало посетителей под кола-коловскими зонтами, он отхлебывал пиво из запотевшего стакана.

Марина вздохнула, скользнув по нему взглядом. Она следила за собой, исправно посещая салоны красоты и бассейн, но все равно смотрелась гораздо старше спутника. Ухищрения помогали «спрятать» лет пять-семь, но в ее случае этого было недостаточно. К тому же, массажи и питательные маски помогали выглядеть моложе, но не чувствовать себя так.

Марина то и дело косилась по сторонам, выискивая заинтересованные взгляды. Малейшие улыбки в их сторону грозили вызвать истерику. Казалось, что прохожие смеются над ее желанием «на старости лет порезвиться с молодым любовником». Наверное, судила по себе — именно так и думала, если раньше видела женщину в возрасте в обнимку с тридцатипятилетним мужчиной. Теперь же, когда встретила любимого человека, совершенно забыла о возрасте. Вот только то и дело общие знакомые, случайные прохожие или собственное отражение намекали, что долго такие отношения не продлятся. Подобные мысли выматывали, доводили Марину до иступления, но избавиться от них оказалось непросто.

— Лапуль, — спутник отставил стакан и взял ее за руку. — Ты чего такая грустная?

— Да, ничего, — вяло ответила она.

На самом деле настроение было испорчено еще с утра. А все из-за телефонного разговора с подругой. Как она убеждала Марину расстаться с Сергеем! Чего только не приплела: что он — альфонс, и бросит ее ради беременной подружки и все в таком духе. «Ты только подумай, — вещала в телефонную трубку Вита. — У тебя дочка молоденькая. А если он не получит от тебя должного секса и ее совратит?!» После подобных выпадов Марина бросила трубку и больше на звонки подруги не отвечала. Неужели Вита и впрямь думает, что она не сможет оградить себя и дочку от охочего до денег извращенца? И самое обидное, что Сергей — не такой! Он — настоящий мужчина. Верный, надежный, ласковый, заботливый — язык сотрешь, пока перечислишь все достоинства. Конечно, Марина смотрела на него сквозь призму влюбленности, но даже в таком состоянии она думала, что сумеет отличить дерьмо от конфетки.

— Я же вижу — что-то случилось.

Марина пытливо заглянула ему в глаза.

— А ты правда меня любишь? — выпалила на одном дыхании. Голос предательски дрогнул, слезы подступили к горлу.

— Конечно, лапуль. — Сергей погладил ее по руке. — Откуда вообще сомнения? Мы вместе, нам хорошо...

— Вита мне такого наговорила! Что ты — бабник, которому от меня нужны только деньги, и прочие гадости. Повторять — и то противно! Я уже запуталась, кому верить, кого слушать, что делать...

Марина отдернула руку и прикрыла глаза. Проклятые слезы поползли по щекам. Сергей встал, подошел к ней и обнял за плечи.

— Ну чего ты как маленькая. Конечно, ты можешь прислушиваться к мнению подруг, но решать должна сама. Если захочешь порвать — я пойму и докучать не стану. Другое дело, что я не хочу этого делать. Мне с тобой хорошо и плевать на пересуды близких и далеких!

— Мне тоже, — прошептала Марина. Сердце радостно «заплясало», он и впрямь любит! Как она могла сомневаться? — Просто я уже разучилась верить мужчинам, ты же знаешь — муж бросил меня с ребенком на руках. Ты мне очень дорог и если тоже ударишь в спину, я не переживу...

— Глупенькая, — Марина обожала, когда он так с ней разговаривал — как с маленькой. — Ну чем тебе доказать, что я с серьезными намерениями?

— Есть только один способ это проверить, — сама удивилась этим словам — ведь она по сути напрашивается под венец.

Сергей поцеловал ее в макушку, вернулся на место и снова взял в руки стакан. Задумался, сделал несколько глотков, а потом произнес:

— Я не против. Но тут несколько но. Первое, у тебя дочка — как она воспримет новость про отчима? Ты же так нас и не познакомила. Второе, если речь пойдет о свадьбе, твои подруги выключают тебе весь мозг, суля разорение, голод и мор. Поэтому сначала надо решить эти проблемы, а уже потом бросаться с головой в семейный омут.

Теперь молчать настала очередь Марины. С одной стороны, она безумно обрадовалась, что Сергей так здраво рассуждает, с другой — теперь ей придется решать раскрытые им проблемы. И если пересуды подруг легко прекратить стандартным брачным договором, то вот какотреагирует Аня на появление отчима моложе мамы на одиннадцать лет?

— Вот видишь, — наставительным тоном произнес Сергей. Видимо, он догадался, что заставило ее задуматься. — Ты ждешь от меня клятв и обещаний, а сама не можешь поговорить с дочерью.

— Если бы все было так просто! — Марина беспомощно развела руками. — Она еще ребенок, привыкла, что я в ее полном распоряжении и вряд ли захочет делиться с кем-то. Знаешь, какие истерики она устраивала в пять лет, когда я останавливалась на улицах поговорить со знакомыми? Это не описать словами!

— Но это было в пять лет, Мариш! Теперь она выросла, наверняка встречается с мальчиками и понимает, что маме тоже нужен секс, извини за грубость. Или тебе больше нравится урывками прыгать в гостиничные койки?

Судя по всему, Сергей разозлился. Он всегда превращался в жесткого критика, не терпящего пререканий, когда Марина проявляла слабость. Вот и теперь — прищурился, сцепил руки и принялся поучать как вести себя со взрослыми детьми.

— Сереж, я все понимаю, но не забывай — это мой ребенок! Тебе это незнакомо — у тебя таковых не имеется. Она была, есть и будет моей дочерью, что бы не случилось! И я не

хочу причинять ей боль, даже если придется обделять себя, как ты выражаешься, в сексе. Хотя мне казалось, что между нами нечто больше...

Марина отвернулась. Смотреть на Сергея стало невыносимо — вспыхнувшие в его глазах льдинки прожигали душу. Вот только плакать она не собиралась. У нее всегда так — когда кто-то ранит настолько, что тяжело дышать, сердце каменеет.

— Ну вот, уже обиделась! — Сергей рассмеялся. — Лапуль, ну не в обиду сказано, правда! Просто я хочу, чтобы ты жила настоящей жизнью, а не подпольной. Пойми, дочь вырастет, выйдет замуж, а ты останешься одна. И самой будет плохо, и спасибо никто не скажет, поверь!

Марина не повернулась. Конечно, в его словах была доля истины, вот только услышать со стороны проще, чем принять сердцем.

— Ладно. — Сергей решительно отставил недопитое пиво и встал из-за стола. — Поехали ко мне, там все и обсудим.

— Поехали, только ко мне!

— А куда ты дочку дела? — удивился он.

— А никуда, — резко ответила Марина. — Буду вас знакомить. Только потом чур на меня не пенять!

Сергей возражать не стал, даже наоборот, обрадовался. Свою машину он оставил на стоянке около кафе и теперь вальяжно развалился на переднем сиденье Мариной ауди, насколько это оказалось возможным. Похоже, чувствовал он себя спокойно. В отличие от нее. Марина вцепилась в руль, будто первый раз сидела на водительском месте. Ладони вспотели, сердце колотилось где-то в районе горла, грозя выпрыгнуть наружу. И уже нельзя повернуть обратно или отшутиться, по крайней мере, если она и впрямь хочет серьезных отношений. Марина успокаивала себя тем, что рано или поздно это пришлось бы сделать. Так почему не сейчас?

Глава 3

Стоя перед железной дверью своей квартиры, Марина сосредоточенно копалась в сумочке. Она перерыла ее уже несколько раз, но ключи будто провалились сквозь тряпичную подкладку. Все это время Сергей терпеливо ждал, поглядывая то на электрический щиток, висевший справа от двери, то на лестничный пролет. Марина начинала сердиться на саму себя за рассеянность и страх, холодом отдававший в груди.

Наконец, брелок в виде плюшевого кота перестал прятаться и попался в руки. Но теперь встала другая проблема — Марина никак не могла попасть в замочную скважину. Руки мелко дрожали, перед глазами поплыли темные пятна. Еще немного и она разревелась бы, не в силах справиться с нервным напряжением. В этот момент Марина пожалела, что забросила походы к психологу и утренние тренировки. Вначале отношения с Сергеем настолько раскрепостили и расслабили, что вопрос о неврозах отвалился сам собой. Теперь же она все чаще вспоминала Маргариту Ивановну — личного врача, вот только записаться на прием времени не находилось. К счастью, Сергей перестал безучастно смотреть по сторонам.

— Давай помогу, — без лишних восклицаний произнес он и отобрал ключи.

Ему замочная скважина, а затем и дверь поддались без лишних усилий. А последняя и вовсе отличилась — обошла без характерного скрипа петель. Марина вошла в сумрак прихожей следом за Сергеем. Вообще, ей хотелось спрятаться за его спиной от скандала, который казался неизбежным. Воображение рисовало сцены, как Аня неистово кричит, а

потом уходит из дома, хлопнув дверью. Язык прилип к небу, зубы стиснулись до боли. Теперь Марина жалела, что сгоряча позвала любимого к себе. Как она скажет все дочери? Какие слова подберет? Сергей обнял ее со спины, чем вывел из ступора. Марина благодарно улыбнулась через плечо, потерлась щекой об его грудь.

— Анюта, я дома! — сбивчиво крикнула она вглубь квартиры.

Марина скинула туфли на каблуках, влезла в стоптанные домашние тапки, выудила из-под тумбочки вторую пару — для Сергея. Краем глаза ухватила, как открывается дверь дочкой комнаты и замерла, словно статуя. Щурясь в полутьме коридора, Анюта направилась к ней. Она быстро пересекла небольшую прихожую и застыла, удивленно окидывая взглядом незнакомого мужчину.

Через пару минут взаимного созерцания, Марина опомнилась.

— Это мой коллега по бизнесу — Сергей Витальевич, — неестественно улыбаясь, протараторила она. — Были поблизости, решили не тратить деньги на кафе, а обсудить дела у нас. Ты не против?

Внутри разлилась досада — она так и не смогла сказать правду! Одного взгляда на Сергея хватило, чтобы понять — он далеко не в восторге от ее трусости. Его взгляд сразу стал жесткий, брови поползли к переносице. Марина заискивающе улыбнулась ему, и принялась суетиться, куда пристроить сумку и ключи.

— Здравствуйте, — оторопело произнесла Аня.

Наверняка, вид мужчины в их доме поразил ее сильнее, чем прошедший неделей раньше град. Раньше они никогда не приглашали гостей в дом — все дни рождения и девичьи посиделки с подругами устраивали в ресторанах или кафе. В своей «крепости» отмечали только новый год, но всегда — вдвоем. Правда, последние годы Анюта сбегала с домашнего праздника через час-полтора, оставляя маму наедине с Морфеем.

Сергей не растерялся, ухватил ее ладошку и потряс, закрепляя знакомство по-мужски.

— Я хоть и мамин кол-лега, — он растянул последнее слово, — но, обращаясь ко мне, отчеством пользоваться не обязательно.

Анюта пожала плечами и улыбнулась. Но Марине показалось, что сделала она это неискренне, а скорее из вежливости. На душе заскребли кошки — а что будет, если дочка узнает, кто он на самом деле?

— Пойдемте чаю попьем, — Марина подтолкнула Аню и Сергея к кухне.

Последний невозмутимо прошел в комнату и присел на табурет у самого прохода. Дочка приотстала.

— Мамусь, вы, конечно, пейте, а я пойду к себе, — шепнула Марине на ухо.

— Почему? — так же тихо ответила она.

— А чего я буду у вас под ногами путаться? Вы же сейчас про бизнес будете распространяться, — без тени иронии сказала Аня. — Я лучше в комнате почитаю или с Каринкой погуляю.

Дочка вернулась в комнату, откуда сразу послышалась незамысловатая попсовая музыка из разряда тех, которые Марина никогда не запоминала. Остается надеяться, что Аня переболеет этим так же, как японскими анимешками с большеглазыми красотками и несуразными зверьками.

Марина прошла на кухню, задумчиво щелкнула выключатель электрического чайника и села на соседний с Сергеем табурет. Она так и не нашла в себе смелости признаться дочке. А Анюта даже не поинтересовалась, с какого перепуга мама привела в дом мужчину, пусть и

бизнес-партнера. Любимый прав — у дочери теперь свои интересы, взгляды, жизнь. И скоро в этой жизни для Марины не останется места. Перевела взгляд на Сергея — он сосредоточенно изучал подоконник, нарочито стараясь не смотреть в ее сторону.

— Я не смогла, — с грустью развела руками.

— Я понял. — Сергей сцепил пальцы и прижал их к губам.

Марина отдала бы половину накопленных денег, чтобы узнать, что творится в его голове. Вот он скользит по ней взглядом, морщинка между бровей разглаживается, губы подрагивают...

— Для начала, конечно, неплохо, — он усмехнулся. — Но тебе все равно придется сказать правду. И чем дольше тянешь — тем большее будет вам обоим.

Марина прикрыла глаза ладонью. К горлу подступил ком, не давая вздохнуть. Почему любимый вот так просто толкает ее на конфликт?

— Не дави на меня, — выдавила она сквозь застрявшие в гортани слезы. — Не представляешь, как это тяжело...

— Лапуль, — Сергей снова перешел на ласковый тон. — Ты можешь еще сотни раз тыкать в глаза тем, что у меня нет детей, но это не значит, что я тебя не понимаю. И пусть отца алкоголика нельзя сравнить с умницей дочкой, поверь, порвать с ним было не легче, чем тебе объясниться с ребенком. Причем я знал, что после ряда процедур навсегда перестану вызывать у родителя интерес. Но ради того, чтобы оградиться от его пьяных выходок, пропажи из дома кровнозаработанной бытовой техники и постоянных скандалов, я это сделал...

Он замолчал, а Марина сжала его руку, сочувствующе заглядывая в глаза. Конечно, сравнение дочери с пьяным отцом покорило, но она уже привыкла к особенностям общения с Сергеем. К тому же такого от любимого она еще не слышала. Да и не видела его настолько откровенным, ранимым, похожим на промокшего котенка. Захотелось прижать его к сердцу и гладить по голове.

— Не стану врать, что теперь стало хорошо и комфортно. Мне не хватает его дружеского отношения, крепкого рукопожатия, совета... Он ведь не всегда был облезлым стариком с воспаленными глазами... Знаешь, мне просто больно смотреть, во что он превратился без матери... И если хочешь, можешь считать меня трусом, но я не смог больше обзванивать обезьянники и бегать за ним, прикрывающим срам газетой, по всему району!

Сергей замолчал, прикрыл глаза, словно боролся с наплывающими слезами. Марина боялась шелохнуться, чтобы не спугнуть миг откровенности.

— Так вот, если не хочешь запустить дочь так же, как я сделал с отцом — поговори с ней сейчас. Даже если она не сразу поймет, то со временем разберется, что к чему. Потому что чем дольше тянешь, тем страшнее становится...

Он замолчал и отвернулся, постукивая костяшками пальцев по столу. Марина взяла его руку и прижала к щеке, а потом — поцеловала.

— Не сердись, — произнесла она, вложив в эти слова как можно больше нежности. — Я обязательно поговорю с Анютой. Сейчас-то понимаю, что вот так сталкивать вас лбами, по меньшей мере, глупо. Я поговорю с ней наедине — надо только собраться с духом.

— Я не тороплю, но очень прошу — не затягивай.

Сергей повернулся, прижался к ней лбом, заглядывая в глаза. Марина прикоснулась к нему губами, почувствовала ответный импульс и прикрыла веки от удовольствия. Какой же он все-таки замечательный! И теперь уже не осталось сомнений, что Сергей ее любит. По-

настоящему! Чего никогда не встретишь в растянутых сериальных сюжетах или глянцевого историях о романах знаменитостей. Сердце затрепыхалось, быстрее разгоняя кровь, внизу живота зажглись «озорные искорки». Поцелуй становился все откровеннее, с губ Марины невольно сорвался стон наслаждения. Она на миг испугалась, что Анюта это услышит, но из комнаты дочки по-прежнему доносилась музыка.

Глава 4

Просторный зал с рядами столов и скамеек, оставшиеся с советских времен цитаты «великих» в деревянных рамках, развешанные по стенам, чахлые цветы с высохшей и потрескавшейся землей на подоконниках. Университетская столовка со стандартным комплексным питанием и собственной выпечкой. Толпы студентов, стремящихся утолить голод пусть и не гранитом науки, так хотя бы борщом со сметаной, напирали друг на друга, толкаясь подносами. Аня сидела на подоконнике около выхода и уплетала плюшку с компотом. Рядом устроилась Карина с питьевым йогуртом в руках.

— Ну, рассказывай, чего надыбалась! — нетерпеливо произнесла Аня, едва дождавшись, когда подруга справится с диетическим перекусом.

— Я же тебе уже все на лекциях написала, — запротестовала Карина, отщипывая у подруги кусочек плюшки.

— Ну и что! Хочу подробностей! — Аня капризно надула губы, делая вид, что обиделась.

— Так за сорок минут ничего, что тебя интересует, не изменилось! Холост, одинок, в порочащих связях не замечен... хотя, постой!

От этого внезапного восклицания Аня едва не подавилась. Откашлялась и тут же уставилась на подругу с молящим взглядом «не томи!». Но Карина замолчала, хитро поведя бровью.

— Ну чего там, говори скорее!

— А вот фиг тебе!

— Вредина! — выпалила Аня и отвернулась, скрывая досаду.

— Нормально! Я для нее жизни не жалею — лезу на тусу Васьки и ее отмороженных подружек, а она! Вот и дружи с тобой после этого!

Карина нахмурилась и скрестила руки на груди. Попасть на вечеринку к местной интриганке и мисс «вседозволенность и всеосведомленность» — однокурснице Василисе Глушко, не составляло труда. Другое дело, что особым желанием никто, переваливший за второй курс, не горел. По крайней мере, из тех, кого смело можно назвать адекватным.

Те же, кто хотел острых ощущений и самоутверждения, с упоением гоняли по ночной Москве в тачках Василисиных криминальных дружков, или падали от усталости в ее квартире, которую родители подарили дочке на совершеннолетие. Неудивительно, что дня не проходило, чтобы соседи не скандалили с Васькой из-за громкой музыки, криков и шума, а иногда и из-за страстных стонов и визгов. Причем, все эти подробности виновница сплетен сама разносила по универу.

Но кроме своих тайн, Василиса знала и чужие, чем никогда не брезговала пользоваться. Она собирала информацию повсюду и на всех, заполняя ей голову, словно электронных банк данных. И если сама не помнишь, где и с кем провела каникулы два года назад, Васька без труда могла «помочь» твоей памяти. Кроме студенческих секретов, она осведомлялась и о преподавателях. Причем такими, которые и сами они не всегда знали.

Наверное, поэтому с Васькой никто не горел желанием связываться. Но многим

приходилось с ней отвисать, так как не редко в ход шли подначки с намеками и откровенный шантаж.

— Тяжело пришлось? — Аня обняла подругу за шею, виновато заглядывая в глаза.

— Да уж не просто! — Карина еще дулась, но продолжила обиженным тоном: — Конечно, перепить меня трудно, поэтому текилку-то они зря подливали, но вот Васькин дружок! Это клиника! И кликуха у него такая смешная... то ли Лысый, то ли Череп... Е общем, достал он меня порядком, все в затылок дышал и хвостом ходил. А под конец порывался проводить и вообще предложил встречаться! А сам — длинный, тощий, а рожа широкая и шея толстая, еще и зубы золотые!

Она передернула плечами. Аня представила нового «воздыхателя» подруги и невольно засмеялась.

— Тебе смешно! А мне пришлось до дома с газовым баллончиком в обнимку ехать — всюду этот придурок мерещился!

— Ты умничка! И я тебя обожаю! Только не томи уже!

Карина озорно усмехнулась, слезла с подоконника и устроилась на ближайшей скамейке. Жестом поманила Аню к себе.

— Так вот, я у Васьки ненароком поинтересовалась про нового препода, и она говорит, что Виктор наш уже месяц как лекции читает у старших курсов. Отчитает — и домой. Личная жизнь если и есть, то покрыта толстым слоем мрака — никто ничего не знает и не слышал. Единственное — он равнодушен к приемышкам с пятого курса.

— Приемышкам? Это к Лариске с Люськой что ли?

Аня нахмурилась. По сердцу коготками прошлась ревность. Неужели вместо того, чтобы заглядываться на стройных девчонок из благополучных семей, Виктор Андреевич предпочел ухлестывать за беспородными серыми мышами. Люда Юркова и Лариса Ивашкина учились на юридическом, как и Аня с Кариной, но на курс старше. Половина универа, с легкой руки Васьки, дразнила их в глаза и за глаза.

Люда — выпускница детдома — тихая, спокойная, задумчивая, с глубокими серыми глазами и вечно наползающей на них длинной челкой, поступила на бюджетное место. Лариса — бойкая, озорная, высокая и худая — училась платно и жила с мамой и папой, но пронырливые Василисины «наушники» вызнали, что она им не родная. Несмотря на то, что девушки друг на друга не походили, доставалось им от остальных студентов одинаково. Сама Аня никогда девчонок не обижала — просто не считала недостатком то, что кому-то не повезло в жизни. Но теперь неприязнь и досада разливались в душе, заставляя скрежетать зубами.

— И в чем выражается эта равнодушность?

— Виктор пару раз интересовался их настроением, настойчиво предлагал позаниматься дополнительно после лекций...

— И всего-то?! — Аня хмыкнула, хотя внутри по-прежнему все сжималось. — Так это ерунда, а не интерес! Тем более что, насколько я знаю, Лариске и впрямь не мешает позаниматься лишний раз. Хотя... из этой идеи может выйти толк...

— Чего ты задумала — признавайся! — Карина пихнула ее локтем в бок.

— Нет. Пока не скажу — вдруг не получится.

— Ну вот, я ей почти все рассказала, а она мне — ничегошеньки...

— Почти? Что-то еще?

— Да, — при этих словах глаза Карины заблестели. Она наклонилась к Аниному уху и

зашептала, — Васькина подруга — Талия, живет где-то в твоём районе, так она мне полночи втирала, что у твоей мамы — хахаль молодой!

— Чего? — Аня опешила.

Как это так?! Она прозевала роман собственной матери? Всегда, когда на её горизонте всплывал очередной воздыхатель, Аня была в курсе и энтузиазма родительницы не разделяла. Все эти Георгии и Иваны равнодушно трепали дочку «возлюбленной» по голове, заглядывая масляными глазками в вырез её платья. Каждый раз мать приходила счастливая, с букетом или пакетами из бутика, а потом, через месяц-другой, ревела ночи напролет после очередного «разрыва».

Наверное, поэтому понятие «мамин ухажер» у Ани не вызывало ничего, кроме неприязни. Со временем она стал делать все, чтобы известить потенциального кандидата. Почти всегда — успешно. Рано или поздно претендент на руку и сердце не выдерживал подначек и откровенных истерик и срывался на Аню, после чего у мамы всякое общение с деспотом и грубияном прекращалось.

Но уже несколько лет никакой влюбленности за матерью не замечалось. И на тебе — молодой хахаль! Тут же перед глазами встал недавний «кол-лега», крепко сжимавший её ладонь.

— Бли-и-ин! — протянула Аня, оглушенная догадкой. — Я ж его видела!

— Вот и я про то же! Уже Васька в курсе, а лучшая подруга ни сном, ни духом!

— Кариш, так ведь и я была не в курсе! Но теперь догадываюсь, что вчерашний коллега на самом деле очередной альфонс!

— Ну ты даешь! Какой коллега? Твоя мама и подруг-то в дом не зовет, а тут — коллега! Конечно, я могу предположить, что он развозит цветы в одном из магазинов Марины Вячеславовны, но раз она решилась привести его в дом, то дело — труба.

— Почему? — Аня все еще переваривала информацию, поэтому не уловила, куда клонит подруга.

— Потому что у них все серьезно! И пригласила она его не просто так — чайку попить, а чтобы вас познакомить. Только не решилась. Но это конечно, если мама знала, что ты дома...

— Знала... — вздохнула Аня.

Новость про «Сережу» вытеснила из мыслей Виктора Андреевича. Обида застряла в горле, глаза заслезились. Она с трудом сдерживалась, чтобы не разреветься. Аня шмыгнула носом и бросила недоеденную плюшку на стол, по которому бесцеремонно ползала муха. Почему мама не сказала ей правду? Зачем надо было тащить в дом этого засранца без предупреждения? Обида ширилась, раздувала грудь, наполняя каждый вдох болью. Ничего, будет и на её улице праздник!

Весь оставшийся день прошел в черных тонах. Настроение плескалось на нуле, нудные лекции проскакивали мимо ушей, не впечатлил и трояк по контрольной. Даже сидя на теории государства и права, которую вел Виктор Андреевич, Аня представляла, как закатит маме грандиозный скандал с заламыванием рук и горячими слезами. Последние так и просились наружу, но она держалась. Дорога до дома показалась бесконечной. Наконец-то Аня добралась до знакомой железной двери. Ярость кипела в душе, на ум приходили хлесткие слова, одно другого обиднее и ядовитей. И больше всего на свете хотелось, чтобы мама сейчас была дома!

— Ну, держись, Серожа, — зло прошипела Аня, ковыряя ключом в замочной скважине.

Глава 5

Вопреки ожиданиям, мамы дома не оказалось. Аня легла спать, демонстративно не притронувшись к сырникам и рассольнику, оставленным на кухне с запиской «не забудь пообедать, сметана в холодильнике». Едва она прикрыла глаза, как ее поглотил тягостный плен сна.

В нем Аня превратилась в маленькую девочку, потерявшуюся на рынке. Ходила между рядами с серыми фигурами за прилавками, звала маму и плакала. Чувство одиночества и безысходности поглотило ее. И чем дальше продвигалась, тем сильнее страх сковывал сердце. Потом четкая картинка расплылась, и в этом сумрачном стустке слышался чей-то разговор. Кто-то невидимый натужно ругался и кричал, вот только слов разобрать не получалось. Это был бессвязный монолог, оседавший в душе раздражением и обидой. «Когда же я все-таки проснусь», — мелькнула мысль. И тотчас Аня увидела себя во сне спящей — мерное дыхание, тонкая синяя жилка, подрагивающая на шее. Картинка не давала покоя — было в ней что-то странное, пугающее. Миг — и похожее на нее как две капли воды видение приподнялось, из его рта высунулся раздвоенный язык, зрачок вытянулся наподобие змеиного, а радужка пожелтела. Оно сползло с кровати, зашелестело пестрым длинным туловищем по полу. Даже сквозь сон Аня почувствовала холод, пробиравшийся к сердцу. Видение вплотную приблизилось к маме, которая призрачной тенью возникла неподалеку. Она стояла спиной к змее с Аниным лицом и пела знакомую колыбельную. Вот, чудовище подползло ближе к маминой ноге, повернулось и ехидно подмигнуло Ане. Она догадывалась — еще немного и змеище ужалит самого дорогого человека. В ту же секунду Аня ощутила чье-то дыхание на коже, вскрикнула и проснулась.

Мама сидела на кровати и щупала ей лоб прохладной ладонью. Присутствие родного человека обрадовало, знакомый с детства запах с легкой примесью духов успокоил. Забыв про желание устроить скандал, Аня бросилась матери на шею и крепко обняла.

— Что такое? — в мамином голосе сквозила тревога.

— Кошмар приснился...

— Это просто сон, — она улыбнулась, погладила Аню по волосам. — Как себя чувствуешь? Заболела? Почему не поела?

Мама принялась заваливать ее вопросами, или, как Аня говорила подруге «душить заботой». Слова про обед напомнили о злосчастном Сергее. Жажда скандала вспыхнула с новой силой, глаза заранее наполнились слезами, губы задрожали. В груди разрослась досада, отдавая в горло пульсирующими толчками. Аня отстранилась, вперилась взглядом в мамины глаза и процедила:

— Сейчас это неважно. Я все знаю.

— Ты о чем? — похоже, она и впрямь не догадалась, о чем речь.

— Я про твоего нового коллегу-любовника.

Аня ждала привычной реакции: оправданий, заискиваний, убеждений, истерики, но мама оставалась спокойной. Только нахмурила брови и поджала губы.

— И что с ним не так? — сухо спросила она.

— Как ты могла скрывать это от меня?!

— Я не обязана посвящать тебя в подробности личной жизни. Тем более зная, как ты относишься к моим поклонникам.

— Потому что все они — козлы! Неужели ты не помнишь, сколько раз тебя бросали! — Аня перешла на крик. Из глаз брызнули слезы.

— Помню. Но иногда мне кажется, что причина не в них...

— Ты хочешь сказать, я виновата, что нормальные мужики обходят тебя стороной?!..

Хотелось наговорить гадостей, уязвить, вывести ее из себя. Аня знала, как этого добиться. Слова вылетали, будто пули из автомата — одно убийственнее другого. Но должного эффекта не получилось. Мама отвернулась к окну и тяжело вздохнула.

— Нет, наверное, дело во мне... — дрожащим голосом произнесла она. — Если моя дочь выросла хамкой, значит, я виновата. Виновата в том, что растила в любви и заботе, потакала капризам... Именно поэтому я не стану лить слез и звать к твоей совести... — сказала она и добавила вполголоса, — жаль только, что воспитывала тебя без ремня... Может быть, он сумел бы вколотить хоть немного уважения!

Аня опешила. Никогда еще мама не была так невозмутима, когда они ругались. Даже двойки в школе вызывали больше шума, чем сейчас. Да и не говорила она так раньше... От ее слов стало невозможно обидно! В разговорах с подругами Аня часто осуждала тех, кто наплевательски относится к родителям, хвасталась отношениями с матерью. Теперь же выходило, что она ничем не лучше них. Но ведь это не так! Она хочет оградить мать, открыть ей глаза! Вот только как это объяснить?

Аня засопела, тщетно пытаясь придумать новую колкость. Что ж, теперь у нее остается только одно — эффектно уйти, хлопнув дверью. Это — самый действенный способ, после которого мама сама находит ее и просит прощения.

— Хочется тебе приключений на задницу — валяй! Но только где-нибудь на стороне! Как ты посмела притащить его в наш дом?!

— Это мой дом, за который я батрачила десять лет! Ты же, как форменная эгоистка, совершенно не уважаешь меня. Даже палец о палец не ударила, чтобы проявить хоть какую-то самостоятельность! Я оплачиваю все твои капризы — и тебя это устраивает. Когда же мне хочется нормальной личной жизни — ты встаешь в позу! Я уже устала выслушивать твои претензии и терпеть, когда ты вмешиваешься в мои дела. Хватит! Ты уже взрослая! Так и веди себя соответственно! — ее голос задрожал и сорвался на высокой ноте.

Она отвернулась и продолжила тоном, от которого у Ани по спине побежали ледяные мурашки:

— Не думай, что я такая уж дрянная и скрытная мать. Сегодня я хотела с тобой поговорить. Более того, была готова оставить квартиру в твоём распоряжении, а сама — переехать к Сереже. Но теперь я твердо решила, что ты этого не заслуживаешь. Завтра же я попрошу Сергея поселиться у нас, устраивает тебя это или нет. И если не хочешь лишиться карманных денег — придется мириться с мужчиной в доме!

Аня не верила ушам. Так и стояла с открытым ртом, хватая воздух. Одно она поняла наверняка — мама изменилась. Причем, не в лучшую сторону. И если последняя уловка не сработает... Аня не знала, что тогда будет.

— Ты меня выгоняешь?.. Ну и живи со своим альфонсом! И денег мне твоих не надо! — крикнула она, схватила с кровати мобильный и выскочила в коридор.

Покидая квартиру, она со всей силы шарахнула дверью...

Вечерняя прохлада оседала влагой на примятой траве, громоздкое солнце заползло за горизонт, обливая улицы закатом. Ветер ненавязчиво трепал листву сирени и берез. Со стороны дороги доносился приглушенный гул автомобилей. Из открытых окон квартир в соседнем дворе, где на детских качелях устроилась Аня, — крики сериальных героев.

Вот уже полчаса она хлюпала носом и размазывала слезы по щекам. Наверняка, это Сергей науськал маму — чем еще объяснить такое поведение? Раньше они бы уже ревели в обнимку и просили друг у друга прощения, а от поклонника не было бы больше ни слуху, ни духу. Выходит, мать и правда собралась замуж за этого придурка?

Аня тяжело вздохнула. А если так? Как она сможет помешать? В голову закралась шальная мысль: а если этот Сергей и впрямь любит маму, и она будет с ним счастлива? Нет, — тут же ответила сама себе. Ему где-то за тридцать, а что, кроме бабла, нужно подобным типам от женщин, которым ближе к пятидесяти? Хотя, мама в свои сорок шесть даст фору любой тридцатилетней — высокая, стройная, с подтянутым животом. Вдобавок ко всему — длинная шея, ярко-зеленые глаза и копна каштановых волос.

Лет с тринадцати Аня наблюдала за ней, прихоращивающейся перед зеркалом, и вздыхала. Ей не перепало ни одной маминой черточки: серые глаза, впадинка над верхней губой, высокий лоб со светлыми бровями, пепельные волосы, торчащие во все стороны, сколько бы она их не укрощала. Наверняка, внешность досталась от нерадивого папаша. Именно поэтому подростком Аня терпеть не могла свое отражение. Теперь все это забылось, свыкло, но мамина красота осталась тем, чем Аня всегда гордилась. Но достаточно ли ярких глаз для серьезных отношений?

Аня пыталась рассуждать, но в груди все еще трепыхалась обида. Она достала из кармана телефон и покрутила в руках — почему он молчит? Нет... Мама обязательно перезвонит и попросит вернуться...

Спрятав мобильный в карман и вытерев слезы, Аня принялась раскачиваться на качелях. Ей хотелось взлететь выше крыш и румяных облаков, ощутить бесконечность с примесью страха... Свободу от всего и всех, как в детстве... Вернуться туда, где не надо думать ни о чем серьезном, где замирание сердца при очередном взлете и падении кажется волшебством...

Аня резко остановилась, безжалостно стирая о землю новые белоснежные кроссовки. Кроме обуви пострадали и ноги — вся тяжесть качелей пришлась на правую ступню, и теперь она ныла пульсирующей болью. Аня оглянулась на окна квартир — в них загорался свет, задергивались шторы, пушистый кот тоскливо смотрел с подоконника на улицу. Из открытых форточек доносились ароматные запахи еды... Пустой желудок напомнил о себе — принялся неприлично громко ворчать. А телефон по-прежнему предательски молчал...

На глазах снова навернулись слезы. Аня чувствовала себя бездомным котенком — сирым и никому не нужным... Может, податься к Каринке? Правда, ее родители вряд ли будут в восторге — им в однушке и так места мало, а тут еще Аня со своими проблемами...

Дверь одного из подъездов открылась, выпуская наружу празднично одетых мужчину и женщину. Они неторопливо прошли через двор. Он нежно придерживал ее за руку, а потом помог сесть в серебристого «Пыжика». Аня бездумно смотрела вслед отъезжающему автомобилю, а потом вскочила, обрадованная блестящей идеей. У нее же есть Женька! А у него — комната в общежитии, которую он «купил» у завхоза, и теперь живет там в уединении. И как она сразу про него не подумала?

Не медля, Аня достала телефон и набрала Женькин номер.

— Привет! Может, сходим куда-нибудь? В кафе, например. Хорошо! Жду тебя в соседнем дворе.

Нажала кнопку сброса и стала ждать, когда ее наконец-то приютят.

Глава 6

Тот же день

Марина с утра не находила себе места. Необходимость поговорить с Аней давила на нее, будто на плечах уселся противный карлик и постоянно зудел в ухо. Мысли расползались по сторонам, и даже язык заплетался. Марина общалась с поставщиками, объездила несколько своих магазинов, но ни из того, ни из другого не вышло толку. Она путалась, отвечала отстраненно и никак не могла сосредоточиться. После того, как одного из ребят службы доставки цветов — Антона, Марина назвала Анютой, она твердо решила — надо успокоиться и собраться с мыслями. И помочь в этом может только психолог Маргарита Ивановна.

Без труда отыскав номер в телефонной книге мобильного, Марина записалась на прием. Времени до назначенного часа оставалась уйма, но продолжать работать она не видела смысла. Подождать в клинике казалось выгоднее, чем в неадекватном состоянии натворить дел, а потом расхлебывать последствия.

Ждать пришлось около часа. Других посетителей в приемной не обнаружилось. Марина устроилась на обшитом зеленым бархатом кресле с чашкой кофе, услужливо предложенной секретарем. Отметила про себя, что вместо вертлявой и ленивой Софочки, хозяйкой приемной стала деловитая и вежливая незнакомка. В строгом костюме с аккуратной стрижкой и легким макияжем, она казалась идеальным дополнением к стенам нежно-апельсинового цвета и светло-оливковой мебели.

За все то время, что Марина сидела в кабинете, секретарь ни разу не позволила себе пространных бесед по телефону. Да и к монитору компьютера она оставалась равнодушна. Вместо этого — заполняла карточки клиентов, отвечала на звонки и читала «Практикум по психологии личности».

Впрочем, Марина не следила за ней. Скорее, отмечала ненароком, вскользь поглядывая на обитую кожей дверь, за которой Маргарита уже «препарировала» очередного пациента.

Стрелка часов медленно ползла по кругу, отмеряя минуты. Глядя в окно, Марина застыла с чашкой в руках. По ту сторону стекла на подоконнике сидел взъерошенный воробей. Он блаженно прикрывал глаза, потом встряхивался и чирикал, словно просыпался. Наблюдая за ним, Марина отвлеклась от терзавших душу проблем. Воспоминания захватили ее — студентами они прятались от дождя под «грибками» на детских площадках вместе с такими же воробьями и крошили пичугам булки с изюмом...

— Марина Вячеславовна, — звонкий голос оторвал из воспоминаний. — Проходите в кабинет.

На пороге в проеме распахнутой двери стояла женщина лет тридцати. Темные волосы, собранные в пучок на макушке, очки в строгой оправе, голубой халат с крупными лазурными пуговицами, из-под которого выглядывали зауженные брюки. Все это, как Маргарита призналась сама за рюмкой коньяка после тесного знакомства — «чтобы создать обстановку».

— Клиенты часто переходят на развязный тон, когда видят перед собой молоденькую симпатичную женщину. Особенно, представители сильного пола. Вот и приходится создавать образ штатной больничной докторши со строгим лицом, которую поневоле называешь на «вы».

Марина не раз испытывала эффект на себе — язык у нее тоже не поворачивался перейти на «ты». Хотя с психологом они уже давно вышли за рамки отношений доктор-пациент. Оставив «облегчившего душу» клиента расплачиваться без посторонних глаз, она последовала за Маргаритой.

Марина без лишних приглашений прилегла на длинную кушетку, в которой комфортно размещались и тучные местные богатеи, и их худощавые жены. Глаза уперлись в высокий потолок с лепниной и красный светильник в плетеном абажуре. В кабинет из открытых окон сочилась уличная духота, разбавленная выхлопными газами. Марина обычно не тратила время попусту — сразу переходила к проблеме. Но в этот раз она неожиданно сама для себя выпалила:

— У вас новая секретарша?

Маргарита, державшая карандаш наготове, осеклась и посмотрела на Марину поверх очков.

— Да. Софочка добила все, чего желала — выскочила замуж за одного из моих клиентов. Теперь работа ей ни к чему, — удивленно произнесла она. Видимо, редко сталкивалась, чтобы клиенты задавали отстраненные вопросы. Затем на ее лице снова отразилось выражение «а-ля доктор». — О чем бы вы хотели поговорить?

— Марго, — Марина впервые перешла на сокращенное имя психолога. Начать оказалось необыкновенно тяжело. Все неурядицы, которые она раньше выплескивала на Маргариту, теперь казались пустяками: и препоны в бизнесе, и неудачи в личной жизни, и проблемы со здоровьем. — Я боюсь рассказать дочери о своем женихе...

— Мариночка, — психолог тут же поддержала неофициальный окрас диалога. — Многие женщины в возрасте не могут правильно построить диалог со взрослыми детьми. Особенно как в вашем случае — когда растят их в одиночестве. Вполне возможно, не стоило затягивать с отчимом так долго — все-таки мужчина в доме до подросткового возраста...

У Марины сложилось впечатление, что Маргарита читает по бумажке. Слова проскальзывали «мимо ушей», словно это не психологический анализ, а нудная лекция.

— Марго, — остановила она. — Давай попроще — голова с утра раскалывается, я просто не в состоянии разбирать твои хитросплетения.

Ни капли смущения или растерянности не отразилось на лице Маргариты. Она так же быстро перешла на непринужденную беседу:

— Марина, насколько я понимаю, мужчина вам очень нравится, и отказываться от него вы не желаете? — она дождалась кивка и продолжила, — в свою очередь дочь будет против, и вы намеренно уходите от конфликта, скрывая отношения? Что ж, думаю, бесполезно говорить, что рано или поздно поговорить придется. Но от того, как скоро наступит «момент истины» зависят дальнейшие отношения с ребенком. Вы и сами это понимаете. Но прежде, чем начать диалог, необходимо рассмотреть ситуацию под разными углами. С вашей позиции все понятно — любимый мужчина, серьезные отношения, а с ее? Из практики единственный ребенок в семье матери-одиночки с достатком — избалован. Не имея возможности быть рядом, женщина пытается компенсировать этот ущерб потаканием

капризов. Возможно, ваше постоянное отсутствие дома сказалось на ее психике. И теперь дочь хочет вашего внимания, общения с вами, а поскольку она выросла — считает себя вправе требовать определенного поведения.

— И что мне делать? — Марина смотрела на Маргариту, как на спасительную «соломинку».

— Первое — надо установить четкие границы, чтобы дочь понимала, где она имеет право голоса, а где — нет. Второе, пощадить ее чувства и предложить альтернативный вариант, в котором она смогла бы реже видеть вас в компании постороннего мужчины. Здесь может помочь раздельное проживание — снимите ей квартиру на первое время. Ей, вроде двадцать? По-моему, самое время проявить себя. Неплохо бы намекнуть и на финансовую самостоятельность. Она привыкла, что вы — кошелек с ножками. Будьте строже — побудите ее зарабатывать самостоятельно.

— Вы так хорошо рассуждаете, — Марина опять перешла на официальный тон. Она вздохнула, представляя, как будет разговаривать с Анютой по схеме: «я тебе жилье, а ты от меня отстанешь... да, и научись сама деньги зарабатывать». Это казалось ханжеством, эгоизмом. — Вот только на пальцах рассказать проще, чем сесть напротив ребенка, над которым ночи не спал и переживал за каждую разбитую коленку. Смотреть ей в глаза и чеканить: я выхожу замуж, живи отдельно, если тебя это не устраивает... Неужели это кажется вам нормальным?

— Марина, конечно, общаться в таком контексте нельзя, если не хотите потерять дочь. Но и мирится или умалчивать не стоит. Когда правда откроется — будет только обиднее от того, что вы ей не доверились. Надо подобрать слова помягче, но говорить уверенно, твердо, спокойно — так, чтобы у нее не возникло желания перебить или разжечь конфликт.

— Вот с этим проблема, — Марина беспомощно развела руками. — Я либо сорвусь на крик, либо убегу реветь в свою комнату.

— Я вам помогу. Есть методика индийского гипноза — действенная, и безвредная для психики. Я только дам вашему подсознанию установку не нервничать и четко выражать мысли, а дальше — дело за вами.

Марина неуверенно улыбнулась:

— А я потом не стану по ночам ходить по крышам с закрытыми глазами?

— Конечно, нет! — Маргарита улыбнулась в ответ. — Я просто помогу вам взять контроль над своими чувствами.

— Тогда я не против, — Марина поерзала на кушетке, располагаясь поудобнее.

Маргарита подошла к окну, прикрыла жалюзи и включила на компьютере запись шума морских волн. Мерный стук часов, до этого едва различимый, теперь стал казаться Марине невыносимо громким. Этот звук впивался в виски, перед глазами поплыли темные пятна и только приглушенный голос Маргариты не давал свалиться в бездну беспомятства...

Марина не заметила, как день подошел к концу. Она благополучно отчиталась в налоговой, по низким ценам заказала партию желтых и белых роз с алыми прожилками и продлила договор аренды одного из магазинов. Вечер подкрался к городу клонящимся к закату солнцем и прохладой, растворившей обеденную жару. После визита к Маргарите решимости поговорить с Анютой прибавилось в разы. Теперь грядущий разговор казался закономерным — не напрягал, не пугал, не заставлял искать слова как можно мягче и туманнее. Хотелось побыстрее оказаться дома и избавиться, наконец, от нависающего над

душой секрета.

Оказавшись дома, Марина как всегда крикнула в прихожей «я дома!», но ответа не последовало. Неужели Анюта ушла гулять? Если раньше эта мысль принесла бы облегчение, то теперь захотелось плакать от обиды. Марина прошла на кухню, открыла кастрюлю с супом — не ubyло ни сантиметра. Сырники тоже покоились ровной горкой, как утром, когда она доставала их из духовки. Анюта обнаружилась в своей комнате. Она спала, как ребенок — поджав ноги к груди и с ладонью под щекой. Марина улыбнулась, присела на край кровати.

— Анечка-а, — тихонько позвала она, потрясла за плечо.

Дочка не шелохнулась, во сне она хмурила брови, губы подрагивали.

— Аню-ут, — уже громче произнесла Марина.

Она забеспокоилась. Почему дочка легла спать так рано? Ничего не ела... Заболела? Мысль тут же отозвалась тревогой в груди. Марина припала губами к ее лбу — вроде, все нормально. Не успела подумать об этом, как Аня закричала и проснулась.

Придя в себя, она тут же принялась наседать на Марину. Слова дочери обжигали, превращали сердце в сгусток боли. Хотелось разреваться и выбежать из комнаты, а потом — будь, что будет! Но тут в голове словно что-то щелкнуло.

Марина стала видеть себя будто со стороны, слова вылетали без ее участия. И только ощущения открывающегося рта и звук собственного голоса не давали забыться. Она удивилась, насколько ясно и спокойно может говорить. Особенно после того, как Аня перешла на откровенную провокацию. Это так хорошо было видно со стороны. Она старалась обидеть, уязвить, довести до слез. Но Марина превратилась в бесчувственного робота, который выдавал фразы одна за другой, будто заученные наизусть.

Только под конец разговора эмоции просочились сквозь пелену отстраненности. Марина перешла на повышенные тона, чуть не сорвав голос. Но тут же «индийский гипноз» отстранил ее, вынуждая равнодушно смотреть, как Анюта выскакивает из квартиры.

Около сорока минут потребовалось Марине, чтобы прийти в себя. Все это время она так и сидела в комнате дочери, тупо уставившись в одну точку. Именно тупо — ни одной мысли, ни одного движения — только ровное дыхание. Наконец, Марину отпустило. Она вздрогнула, огляделась, а потом опрометью выскочила из квартиры в строгом костюме и тапках. Хорошо еще, что не забыла схватить ключи с тумбочки в прихожей.

Уже через пару минут Марина сидела на лавочке в соседнем дворе и тоскливо смотрела, как на качелях веселятся подростки. Раньше, когда она ссорилась с Анютой, та всегда прибегала плакать сюда. Также, как и Марина запиралась в комнате... Но раньше она всегда приходила следом за дочкой и забирала ее домой, а Аня скреблась под дверь ее комнаты... Они ревели взахлеб и каждый раз клялись, что больше никогда не станут ругаться...

В душе стало пусто и холодно. Куда идти? Где искать? В голове проносились пугающие картины, что может случиться с девушкой в равнодушном городе? Надо что-то делать — не сидеть же здесь, пока Анюта одна блуждает по ночной Москве?

Марина помчалась домой. Оказалось, зря брала ключи — уходя, она забыла закрыть дверь. Первым делом отыскала мобильный и принялась звонить Анюте, но она не брала трубку. А потом и вовсе спокойный женский голос сообщил, что «аппарат абонента выключен...». Слезы навернулись на глаза, зная бы, что дочка нарочно отключила телефон — стало бы намного легче. А так... Марина в отчаянии схватилась за голову, что думать,

куда бежать? И тут раздался звонок.

Не глядя, Марина схватила трубку:

— Да! — она так надеялась, что это Анюта!

— Ну что, больше не дуешься? — раздался задорный голос Виты.

Соленые капли потекли по Марининым щекам, из груди вырвался стон пополам с рыданием.

— Ты чего? — раздалось на том конце «провода». — С Сережей чего? Да Бог с ним! Живи и радуйся! Я же не против, я за тебя переживаю!

— Анюта из дома ушла, — сквозь всхлипы едва выдавила Марина.

— Вернется! В соседнем дворе отсидится и придет, — голос Виты все еще излучал бодрость и благодушие.

— Не вернется... Мы про Сергея поговорили, — захлебываясь произнесла Марина. — Я сама ее выгнала...

После этих слов слезы переросли в истерику. Марина прижала кулак ко лбу и не могла произнести ни слова на расспросы подруги. Рыдания рвали нутро, выскребали душу.

— Так, подруга, — строгим голосом отчеканила Вита. — Приехать я не могу — в командировке в Костроме, но и раскисать тебе не дам! Успокойся, возьми себя в руки! Твоя Анюта не настолько бестолкова, чтобы натворить дел. Скорее всего, отсидится у подруги. Заодно и подумает, правильно ли поступила. А то, что поговорила с ней — молодец! Надо было сразу, а после драки, как известно, кулаками не машут. Поэтому запасись терпением и выждидай! Сейчас ложись спать, а завтра позвони еще раз. Не будет же она вечно тебя избегать!

Слова подруги утешили, но не успокоили. Марина, давась слезами, поблагодарила ее и сбросила вызов. Но что-то было в словах Виты толковое... Марина напрягла память и подскочила — Каринка! Анютина закадычная, которая знала о ней все. Наверняка, дочка сообщила ей, куда делась. Вот только в телефонном справочнике ее номера не нашлось. Марина схватилась за домашний телефон и перекопала его память, но и там ничего не обнаружилось. Номеров — масса, только ни один не уточнен, кроме «мама работа» и «тетя Жанна».

Тогда Марина отправилась в комнату Анюты, нерешительно замерла на пороге, оглядывая обстановку. Взгляд остановился на «секретном» ящике, в котором дочка хранила свой дневник с сердечными делами и девичьи анкеты. Не раздумывая, Марина подошла к нему и принялась искать номер телефона Анютиных подруг. Уже через несколько минут она дрожащими пальцами набирала заветные цифры.

— Карина? Это мама Ани Востриковой, — сбивчиво заговорила Марина. — У нес телефон отключен — не могу дозвониться.

— Я не могу сказать, где Аня, — Карина засопела в трубку. — Она просила.

— Хорошо, только скажи — с ней все в порядке?

— В полном. Вы не переживайте, — видимо, голос у Марины и впрямь был сам не свой, если Анина подруга принялась ее утешать. — Она вернется.

— Надеюсь, — только и смогла выдавить она. — Спасибо.

Марина нажала кнопку сброса и обхватила плечи руками. Без дочки квартира, казалось, потонула в тишине. Воздух показался спертый, и не хватало сил сделать новый вдох.

Глава 7

Старые, местами ободранные обои с выцветшими розами, облупившийся потолок и

белоснежная тюль — все это Аня видела впервые, потому что прежде никогда не заходила к Женьке в гости. Хотя он и приглашал. Теперь же деваться было некуда.

— Да ты проходи, не стесняйся, — ободряюще произнес Женька. Он суетился, растаскивал по углам вещи и прятал бутылки из-под пива. — Уж извини, не ждал тебя сегодня.

Стулья в крохотной комнате отсутствовали, поэтому Ане пришлось сесть на кровать-полуторку. Кроме нее были еще покосившийся шкаф, прикроватная тумба без ручек и компьютерный стол, на котором размещались ноутбук, «мышка» и колонки. Последний смотрелся нелепо в среде стандартной обшарпанной мебели. Так же, как тюль и бархатистые синие шторы на окнах в обшарпанной комнате. Видимо то, с каким выражением Аня смотрела на все это «великолепие», не осталось незамеченным.

— Я тут недавно, ремонт пока не делал, — Женька виновато улыбнулся и присел рядом.

Между ними повисла напряженная тишина. Будто они не полтора месяца встречаются, а только вчера познакомились и теперь сидят на первом свидании. На миг Аня даже забыла, что находится в гостях. Ее мысли возвращались к ссоре с мамой... Сейчас Аня сердилась на себя за то, что в кафешке с завидным упорством нажимала кнопку «отклонить вызов», а потом и вовсе отключила телефон. В груди разрасталась тревога — как она? Может, все-таки стоило с ней поговорить? Наверняка, мама мечется, не зная, где ее искать. На глаза навернулись слезы, Аня закусил губу, а потом достала телефон и набрала номер Карины. Позвонить маме она не могла — гордость не позволяла, а вот передать весточку через подругу — легко.

— Кариш, привет, — протараторила она. — Я из дома ушла... Потом расскажу, почему... Нет, спасибо, меня Женька приютил... Ты это... маме только не говори, хорошо? Спасибо! И еще... если почувствуешь, что она сильно волнуется, скажи, что со мной все в порядке.

Аня нажала кнопку сброса и немного успокоилась. Наверняка, мама будет обзванивать ее знакомых и подруг. И Карину — в первую очередь. Так она хоть скажет, что с Аней все в порядке.

— А мне расскажешь?

Женька придвинулся ближе и теперь блуждал взглядом по ее лицу, ненароком сползая на грудь. Аня сделала вид, что не замечает. Подперла рукой щеку и уставилась на противоположную стену с ржавыми подтеками.

— Не сейчас, ладно? — тихо ответила она.

— Хорошо, — Женька обнял ее за плечи, притянул к себе, поцеловал в ухо. — Хочешь, фильм посмотрим?

Если раньше Аня ощутила бы волнение и истому, то теперь прикосновение показалось неприятным. Женькины объятия стали чужими и ненужными. Вот если бы на его месте возник Виктор Андреевич... Аня мечтательно вздохнула, по спине побежали озорные «искорки». Видимо, Женька принял это на свой счет, прижал ее сильнее, потянулся к губам.

— Жень, может, ляжем спать? Все-таки, завтра на занятия... — протянула Аня, нехотя отвечая на поцелуй.

— Как хочешь, — Женька непринужденно пожал плечами. Но в глубине его светлоризких глаз тлела досада. Наверняка, ему хотелось подольше потискаться с любимой подружкой. Во всяком случае, вслух он ничего не сказал. Наоборот, отправился к шкафу — искать для Ани свежее постельное белье.

— Если хочешь, на полу лягу я, — она подмигнула и встала с кровати, а потом добавила шепотом, словно ее мог услышать кто-то еще: — а туалет где?

— Прямо по коридору, — Женька отвернулся, вытаскивая из спрессованной кучи белья нужное. На мгновение Ане померещилось недовольство на его лице. Про себя она пожала плечами и не стала обращать внимания. Мало ли что расстроило ее парня?

Когда Аня вернулась, все уже было готово: кровать «похудела» на один слой, а на полу обосновался застеленный матрас. Женька «колдовал» перед компьютерным столом.

— И удобно тебе так? — насмешливо сказала Аня, наблюдая, как он нависает над ноутбуком.

— Нет, просто у ребят из соседнего блока сегодня днюха — попросили стулья займы.

— Понятно-о, — протянула она, устраиваясь на матрасе. Только тут до нее дошло, что придется снимать верхнюю одежду. Не спать же в джинсах и блузке? Хотя и в лифчике — не особо удобно...

— Жень, а можно у тебя футболку занять?

— Зачем? — он повернулся. На лице — искреннее удивление.

— Переодеться хочу, — заулыбалась Аня. — Не голышом же спать!

— А-а! — видимо, от подобной перспективы Женька смутился. По лицу пошли красные пятна, уши налились малиновым. — Похозяйничай — в шкафу возьми, какая понравится. И это... ты что, со мной спать собралась?

— Почему? — Аня непонимающе захлопала ресницами.

— Вообще-то на полу я себе постелил, — усмехнулся он. — Для гостей — место в кровати.

Ночь окутала комнату сумраком. Только лунный свет, сочившийся сквозь прикрытые шторы, разбавлял его. Шорохи и приглушенный шепот доносились откуда-то сверху, рев автомобилей и визг тормозов — из открытого окна. Время от времени раскатистый храп оглашал, казалось, весь этаж, но тут же смолкал. Видимо, соседи «нарушителя спокойствия» были начеку и расталкивали шумного товарища.

Женька заснул сразу, как только по экрану ноутбука поползли титры. А вот Аня еще долго пялилась в пустой монитор, пытаясь отогнать тревогу. В чужой комнате, на чужой постели она чувствовала себя неудобно. Посторонние звуки раздражали, запахи — свербели в носу. Перед глазами стояла родная комната, где прошло все ее детство, а теперь юность... Уход из дома перестал казаться удачной идеей. Наоборот, Аня предпочла бы запереться в ванной, а не прятаться в общежитии под чужим одеялом, пахнущим вяленой рыбой. К тому же, ей становилось страшно. Тени, тянувшиеся от шкафа и кровати, походили на корявых чудовищ, жадно разевающих голодные пасти. Всхрапы и шуршание за стенкой — на шепот призраков. Воображение, подпитанное популярными фильмами про нежить, рисовало вампиров и оборотней, отчего холодели ладони и пятки, а на лбу выступал пот.

Накрывшись одеялом с головой, Аня зажмурилась и попыталась уснуть. Сколько прошло времени, она не знала. Веки налились тяжестью, в голове поплыли цветные картинки, как в калейдоскопе. Смутные силуэты мелькали перед глазами, обрывки фраз застревали в ушах, словно отголоски недавнего скандала.

Немного погодя, Аня слышала скрип половиц и шорох шагов. Удивилась — ведь на полу Женькиной комнаты линолеум, а не паркет. Но звук становился все громче, кто-то приближался к ней. Страх сковал Аню по рукам и ногам. Она замерла под одеялом, которое

маячило перед глазами. Надеюсь, что непрошенный гость исчезнет, но — напрасно. Судя по шорохам — незнакомец застыл прямо над Аней. Она зажмурилась, сердце выжидающее замерло. Только сейчас Аня заметила, что перестала дышать. Одеяло медленно поползло в сторону, и перед ней оказался... Виктор Андреевич.

С губ Ани слетел стон облегчения и радости. Любимый присел на край кровати, провел ладонью по ее щеке. Его ласковый взгляд обжигал, губы едва уловимо шептали «я люблю тебя, Анечка». Виктор Андреевич наклонился прижался горячими губами к ее, провел по ним языком. Сердце очнулось и помчалось с бешеной скоростью. Внизу живота заныло — незнакомо, пугающе и волнующе одновременно. Аня ответила на поцелуй, жадно хватая его губы своими, приподнялась навстречу, касаясь вздымающейся грудью его плеча. Словно приняв это движение за согласие на что-то большее, Виктор Андреевич прижал ее к кровати. Не переставая целовать, скользнул рукой по груди, животу, дошел до колена, перескочив заветное место. А Ане хотелось, чтобы он ласкал ее там. Она сгорала от желания и стыда. Ее тело содрогалось в судороге желания, она выгибалась, стонала и тяжело дышала. А любимый продолжал ее дразнить. Поглаживающие движения стали настойчивее, но не поднимались выше.

Ане захотелось спросить: почему он не хочет прикоснуться «там»? Она почувствовала, как с трудом шевелятся ее губы. Вот только не слышала ни звука. «Неужели это сон?» — оглушила обидная догадка. И тут же образ Виктора Андреевича растаял, превратившись в размытую серую дымку. Аня чуть не разревелась — сон показался ей таким реальным, таким живым... И только тут она догадалась — почему. Ее и впрямь кто-то наглаживал по коленке. Аня с трудом продрала глаза — над ней нависал Женька. Влажный, всклокоченный, в одних трусах.

— Ты чего? — испуганно спросила она.

На мысли еще налипал сон, возбуждение от прикосновений Виктора Андреевича еще будоражило кровь. Сердце гнало ее тугими толчками к вискам. В полутьме глаза Женьки блестели, словно в них тлели искры.

— Ты такая сладкая, когда спишь...

Он приник к ее губам, впился в них долгим страстным поцелуем. Вот только от него у Ани пропало всякое желание, вспыхнувшее во сне. И еще — она поняла, что те откровенные ласки, которыми одарил ее Виктор Андреевич в грезах, на самом деле принадлежали Женьке. От разочарования хотелось зарыться лицом в подушку и разреветься. Аня с трудом высвободилась из его объятий, взяла с тумбочки мобильный. Под пристальным Женькиным взглядом, посмотрела на дисплей.

— Уже шесть... — зевая, произнесла она. — Ложись, а то точно опоздаем на лекции.

— И что? У нас есть целых два часа...

Он бесцеремонно притянул Аню к себе, прошелся губами по шее, запустил правую руку к груди. Левая — медленно заскользила вверх по внутренней стороне бедра.

— Подожди, — Аня задыхалась под ним.

Его ласки становились резкими, нетерпеливыми. Даже больше — противными. Ей захотелось оттолкнуть Женьку и вlepить пощечину, но вовремя спохватилась. Все-таки, она была на его «территории», значит, невольно дала повод надеяться на что-то большее.

— Жень! Остановись! — Аня уперлась ему руками в грудь, заглянула в глаза. По спине пробежали ледяные мурашки — там плескался туман пополам со страстью. Видимо, мысленно он уже снимал с нее исподнее.

— Ты — против? — на лице расплзалась удивление с примесью злости.

— Ты же знаешь, я как бы... — Аня замялась. Женька знал, что она — девственница. И как она думала — страшно гордился этим, берег. Как оказалось, только до поры до времени.

— И что? — в лоб ответил Женька. Его рука уже добралась до «туда», и бесцеремонно там шарил. Аня остолбенела с открытым ртом. — Ты же сама этого хочешь, смотри — какая мокренькая.

Ане показалось, что она покраснела так, что видно даже сквозь окутавший комнату полумрак. Хотелось крикнуть: «это не твоя заслуга, дурачина!», но она сдержалась. Вот только сказать что-то надо было. Не лежать же с выпученными глазами, пока тебя лишают невинности! Вот когда по-настоящему пожалела, что ушла из дома. Даже если удастся уйти отсюда нетронутой, с парнем придется расстаться. Не сможет она с ним ходить под ручку, зная, что на самом деле творится при этом в его голове... и трусах. А сейчас Аня видела это «что». Оно топорщило узкие плавки так, что не заметить его могла только слепая.

— Жень, давай не сейчас, потом как-нибудь...

— Я тебе не нравлюсь? — он отстранился, уставился на нее, словно сканировал.

— Нравишься, иначе я не стала бы встречаться... Просто, еще не время... Я не готова, понимаешь? — Аня вымученно улыбнулась. По крайней мере, он перестал трогать ее «там».

— Понимаю, — лицо Женьки помрачнело, губы сжались. — Ты меня просто динамишь.

— Что? — Аня вытаращила глаза. Как такое вообще пришло ему в голову?

— Да все ребята говорят, что ты — динамо и кидалово. Только задницей можешь крутить, а как до дела — так в кусты!

— Не ожидала от тебя, — Анин голос задрожал, из глаз покатились слезы. Он и впрямь всегда был так учтив, внимателен, нежен, заботлив... А на самом деле думал только о сексе! Все-таки правильно, что она до сих пор никому не доверилась!

— А чего ты ждала? Что я буду на тебя слюни пускать и в кулачок дуть?! — но тут он осекся, словно налетел на невидимую стену. — Анют, ну не могу я спокойно спать, когда ты рядом сопишь! Пойми, рано или поздно придется это сделать, так почему не со мной? Или ты для принца бережешь?

Последнее было сказано с таким ожесточением и злостью, что Аня съежилась. Ей хотелось спрятаться, превратиться в горошину и закатиться под кровать.

— Я тебя прошу — не надо, — прошептала Аня и зажмурилась.

Она не надеялась, что Женька послушается, поэтому беспомощно ждала, когда все закончится. По щекам продолжали лить слезы, плечи тряслись, ноги сжались, и теперь его ладонь больно впивалась в бедра. Она не знала, сколько прошло времени — оно застыло каплями холодного пота над ее губой, растворилось в монотонных шумах общаги. Ничего не происходило, будто никто и не собирался брать ее силой. Наконец, в комнате раздался приглушенный рык Женьки, а потом — шарканье его тапок по коридору.

Вернулся он через полчаса — мокрый, замотанный в полотенце, и злой. Не глядя на Аню, Женька плюхнулся на матрас и отвернулся к стене. А она продолжала давиться слезами и дрожать под одеялом, только не в его футболке, а в своих джинсах и блузке.

Глава 8

До утра Аня не сомкнула глаз. Ей все время казалось — стоит уснуть, как все повторится. Только теперь она содрогалась не от страха, а от смеха. Истерического приглушенного смеха сквозь слезы — оказалось, что ночью бояться надо было не чудовищ и оборотней, а собственного парня. А она-то, дура, действительно поверила, что он не такой,

как все...

Если бы Аня могла — убежала бы из Женькиной комнаты, но тогда по универу поползли бы слухи... Пол-общаги вчера видело, как они заходят в обнимку в один из блоков. И скрыться под утро — значит, дать повод грязным языкам растаскивать пошлые слухи. Хотя... они все равно поползут... И о чем она думала?

Аня спохватилась — наверняка, после бессонной ночи видок у нее тот еще. Жалко, посмотреть не во что — в Женькиной комнате зеркал не обнаружилось. Она задумалась — стоит ли светиться в общажных коридорах? Хотя, куда деваться? Прийти растрепанной и заплаканной в универ ничем не лучше. Рассудив так, Аня отправилась в душевую — приводить себя в порядок. Навстречу то и дело попадались заспанные парни в трусах с полотенцами в руках. Кого-то она знала, других — видела впервые. Скорее всего, девушка помятого вида с красными заплаканными глазами их не удивила. Парни приветливо кивали, подмигивали, равнодушно скользили взглядом сквозь нее. Правда, в душевую Аню пропустили без очереди, но, захлопывая дверь, она уловила насмешливый шепот. Внутри похолодело, на душе стало гадко, словно облили помоями.

— Какая же ты идиотка! — произнесла Аня, разглядывая собственное отражение в узкой зеркальной полоске над раковиной. — Неужели мозгов больше ни на что не хватило, кроме как пойти ночевать к парню в университетскую общагу?!

Она вздохнула, подставила руки под льющуюся теплую воду. Пролитого не подымеешь... И если уличную грязь легко смыть, то от навешанного товарищами-студентами «клейма» будет крайне трудно избавиться...

— Может, забудется? Пошумят чуть-чуть, пошепчутся и дело с концом? — пыталась Аня обнадежить сама себя.

Дождалась, когда вода нальется в ладони и плеснула в лицо. Сейчас она больше ничего не может сделать — только смыть следы ночного кошмара.

Когда Аня вернулась, Женька запихивал в рот бутерброды с толстыми кусками колбасы, прихлебывая дымящимся чаем. Пока она ходила в душевую, он успел одеться и заправить кровать, вернув на место матрас. Завтракал он с безразлично-каменным лицом, и даже бровью не повел, когда Аня вошла в комнату. Она подозревала, что это выражение Женька нацепил специально для нее, и от этого стало еще обиднее. Мало того, что руки распустил, так еще игнорит!

Вот только говорить Аня ничего не стала, напрашиваться на завтрак — тоже. Молча прислонилась к стене и принялась изучать потолок. Слезы опять запросились на глаза. Она даже разозлилась сама на себя за такую сопливость. Чуть что — сразу реветь! Мама, например, когда ее загоняют в угол, ведет себя жестко и решительно. По крайней мере, с чужими... Аня стиснула зубы, потом принялась покусывать верхнюю губу. «Ну уж фигушки! Женька ее слез больше не увидит... Да когда же этот козел, наконец, нажрется и соизволит пойти на занятия?!» — навязчивой мухой крутилось в голове.

А Женька будто и не замечал ее около двери. Неторопливо стряхнул крошки с джинсов и рубашки, встал с кровати, разгладил вмятину после себя... И только потом направился к двери, прихватив пакет с тетрадками и ручкой. На Аню глаз от так и не поднял, даже чуть плечом не задел, проходя мимо.

До здания основного корпуса универа они дошли вместе. Вернее, она плелась рядом,

стараясь успевать за Женькиными шагами. Ждать ее он точно не собирался. Наоборот, всем встречным давал понять, что к Ане не имеет никакого отношения. А ей всю дорогу так и хотелось треснуть его чем-нибудь тяжелым по голове. Каков гад! И ведь не получил же, чего хотел, но окружающим всем видом намекает, что повеселился на славу! Только сейчас Аня поймала себя на том, что ее сердце будто зачерствело. Все происходящее казалось сном, или чужой жизнью, за которой наблюдаешь со стороны. Она шагала, дышала, смотрела по сторонам, кивала знакомым, но не чувствовала ничего. Будто мир вокруг потерял краски, запахи и звуки, став пресно-серым.

Она почти бегом вскочила на выщербленные ступеньки выкрашенного в коричневый цвет здания с выступающим граненым фасадом и колоннами. Новенькие пластиковые окна били по глазам солнечным отражением. В одном из них Ане показался знакомый силуэт. Она попыталась разглядеть его, но тут сбоку на нее прыгнула Карина:

— Ну что у тебя там случилось? — Терпение — не ее добродетель. Но, обладая неумным любопытством, она всегда умела держать накопленные секреты при себе.

— А где привет? — и тут с Ани спала пелена равнодушия. — Кариш! — бросилась она к подруге на шею, чувствуя, как бешено бьется сердце. — Столько всего случилось, столько произошло...

Но рассказать обо всем до занятий не получилось — слишком мало времени осталось до начала лекций. А расписывать все на бумажках, как они с Кариной обычно общались под монотонные голоса преподавателей, Ане не хотелось. Во-первых, записки могли попасть в посторонние руки, во-вторых, на бумаге сложно выразить чувства и ощутить поддержку. Поэтому излить душу удалось только на большой перемене, когда прочие студенты осаждали столовую.

Аня же с Кариной уединились в женском туалете, предварительно убедившись, что все кабинки пусты. Конечно, место не совсем подходящее для душевных разговоров. Грязная раковина, служившая ленивым студенткам пепельницей, очи унитазов с разводами от следов чьей-то обуви, исписанный подоконник... Именно на нем они и уселись. Сейчас окружающая атмосфера не играла роли. Главное, чтобы их никто не услышал.

— Ничего себе! Прямо — мексиканский сериал! — Карина выслушала длинный монолог Ани, прерываемый вздохами, и нахмурилась, медленно качая головой. — А этот Женька твой — гаденыш редкостный! Зря я ему тогда пятьсот рублей одолжила...

— Он больше не мой, — угрюмо буркнула Аня.

За прошедшие две пары она во всей полноте ощутила собственную мнительность. Ей казалось, что окружающие знают, что произошло у них с Женькой, и теперь шепчутся по углам и противно хихикают. И это чувство не покидало потому, что однокурсники считали Аню задавакой — она редко тусовалась на студенческих попойках, так как не любила ужираться вдрызг, не сплетничала и всегда следила за собой. Поэтому, моральное падение «принцессы» — как окрестила ее Васька, наверняка, многих порадует.

— Да-а-а... — протянула подруга. — То, что сплетни поползут — стопроцентно, а вот если Женечка расскажет все в подробностях, а тем более приукрасит... Тогда держись, Анюта... — она ненадолго замолчала, а потом стукнула ладонью по подоконнику. — Блин! И ведь помочь ничем не могу!

— А чем тут поможешь?! Сама повела себя, как безмозглая, значит, заслужила! Буду терпеть, если что... А в Женькину честность я ни на грош не верю! Особенно после его

утреннего игнора...

Разговор проблем не решил, но стало легче.

— Кобель... — подытожила Карина и спрыгнула с подоконника. — И куда ты теперь пойдешь?

— Домой, — твердо ответила Аня. — Останется мама с Сережей или нет — еще вопрос. И вообще — все это глупо было — скандалить, из дома убегать...

— Глупо? А как же — устрою ему Кузькину мать?

— И это — тоже. Может, он и впрямь — хороший парень, — Аня слукавила, произнося эти слова. Маминому Сергею она не верила, и его невинно-честным глазам — тоже. — А если нет, то я всегда смогу изменить свое мнение... и поведение — тоже!

Карина рассмеялась.

— Ну, ты в своем репертуаре!

Аня обняла подругу и подумала, что когда вернется домой — ни за что не сможет рассказать про Женьку маме. Потому что хоть он и гад, все равно его жалко. Одному Богу известно, что мама сделает, когда прознает, что какой-то мозгляк покусился на ее дочку. Представив, как она метелит Женьку, Аня усмехнулась про себя.

В аудиторию они вернулись почти под самый звонок. И тут случилось то, чего Аня боялась. Хуже всего, что сейчас по расписанию шли лекции Виктора Андреевича. Они с Кариной уже заняли привычные места в аудитории, когда перед ними нарисовалась Васька. Распущенные волосы зачесаны на одну сторону, широкие как у мальчишки плечи сгорблены, кривая ухмылка на лице. Смерив Аню едким взглядом, «Мисс вседозволенность» встала к однокурсникам вполоборота и нарочно громко произнесла:

— А что это ты во вчерашнем наряде?

— А тебе что с того? — спокойно ответила Аня. Она сама удивилась, какое равнодушие поселилось внутри. Казалось, совсем недавно Аня ревела над каждым пустяком, а тут — ничего. Быть может, сейчас-то и наступил тот предел, за которым уже нельзя показывать чувства? Это все равно, что бежать над горной рекой по мосту, который разваливается под ногами. И нет времени оглядываться или рассматривать дощечки.

Но и Василиса не отступала. Видимо, она уже заранее настроилась на грандиозный скандал.

— Видать, дома не ночевала...

— Повторяю — твое какое дело?

Но Васька пропустила вопрос мимо ушей, продолжая гнуть свою линию.

— Ну что ж, милочка, не вечно же девочкой ходить, когда-то надо и под мужика ложиться. А там, глядишь, понравится, да за уши не оттащишь!

Аня посмотрела Ваське прямо в глаза, прищурилась. Эта стерлядь ждала визгов, скандала, стыдливого румянца на щеках, но сегодня этого не будет. Ледяное спокойствие обжигало нутро непривычной уверенностью в себе. Слова сами прыгали на язык.

— По себе равняешь?

Василиса замялась всего на минуту. И впрямь не ожидала подобной реакции. Что ж, Аня не станет оправдываться и краснеть. Если на нее нападают — она ответит тем же.

— Да что ты! — выдала Васька под одобрительными взглядами подружек. — Уж куда нам, сирым, до вас — принцесс в кружевных платьицах! Вот только такие слащавые принцески обычно до мужиков жадные и бывают. Не успеют ей целку сорвать, как она уже

всю общагу перепробует, а потом и на преподав бросается!

Последнее наверняка было сказано с намеком на недавние Каринины расспросы. Оказывается, даже пьяная в стельку, Васька оставалась в курсе происходящего, все слышала и запоминала. «И плевать!» — отстраненно подумала Аня. Отвечать не стала вообще, демонстративно закинула ногу на ногу и отвернулась. Краем глаза заметила, как налилось кровью лицо Василисы! Его цвет сравнялся с помидором — к такому отношению она не привыкла, и, видимо, не собиралась отступать.

Васька состроила приторно-слащавую гримасу и затараторила:

— Конечно-конечно! Мамочка — по молоденьким, а дочка — по старичкам! Зашибенная семейка!

— А тебе бы поменьше завидовать, Василиса. А то зелеными пятнами покроешься и квакать начнешь, — с усмешкой произнесла Аня.

Однокурсники разразились дружным хохотом, и в этот момент в аудиторию вошел Виктор Андреевич. Одного его взгляда хватило, чтобы студенты в мгновение ока расселись по местам. Василиса демонстративно плюхнулась рядом с Аней, давая понять, что разговор еще не окончен.

После лекций Аня неспешно отправилась домой. Васька так и не нашла, что сказать и тихонько смылась с глаз долой. Но, учитывая, что сегодня над ней впервые посмеялись, в покое она Аню не оставит. Тут и к гадалке не ходи. Но сейчас мысли об этом проскальзывали, не задерживаясь в голове. Аня возвращалась домой, к маме... Как же она соскучилась по ней за одну только ночь!

Глава 9

Под утро Марина впала в забытие. Всю ночь она просидела на краю Аниной кровати, пытаясь в полутьме разглядеть черно-белые детские фотографии на стенах. Включить свет даже не пришло в голову. Да и зачем? Она и так каждую знала до мельчайших подробностей. Беззубый улыбающийся карапуз тянется за игрушкой-пищалкой, девочка пяти лет в пышном платье и с огромным белым бантом держит за руку Деда Мороза... Вернуть бы сейчас то время, когда Аня наивно хлопала глазками и заваливала вопросами...

Ковер с пастушками, распластанный позади затертого дивана, широкий круглый стол и несколько деревянных жестких стульев. На одном из них сидел совершенно ошарашенный и растерянный Петя и теребил в руках вчерашнюю газету. Его губы подрагивали, словно он шептал что-то, глаза уставились в одну точку. Марина ходила из угла в угол, качая на руках кулек с писклявой малышкой. Она не знала, чем объяснить то, что случилось неделю назад. Словно пелена безумия окутала ее, поглотила целиком, отобрав разум и волю.

Марина не помнила, как вернулась тогда домой. Но то, как посмотрел на нее муж, когда увидел на пороге, и сейчас стояло перед глазами. Ей даже показалось, что он не сразу узнал ее — настолько сильны были удивление и страх, смешавшиеся во взгляде. Но спрашивать Петя ничего не стал — впустил Марину в квартиру, а сам ушел на кухню. На ребенка он даже не взглянул.

— Марина, давай вернем его отцу, — наконец, произнес муж.

— Я не могу, — ответила Марина. Голос у нее предательски сел, слова вылетали изо рта с приглушенным сипом. — Это мой ребенок.

Петя нахмурился, обхватил голову руками.

— Так нельзя, — спокойно продолжил он. — Одно дело, когда у малыша нет родителей.

Здесь я сам предложил бы тебе его усыновить. Но у этого есть отец! — он повысил голос. — Марина! Ты понимаешь, что украла чужого ребенка?!

— Я ее не воровала — Бог подарил... — прошептала она.

Муж вскочил, заходил из угла в угол, сжимая кулаки.

— Марина! О чем ты вообще думала?! Надо было вызвать милицию, скорую, позвать на помощь, но не тащить малыша домой! А если тащить, то сразу же сообщить об этом, куда следует! Это хорошо, что для тебя обращаться с ребенком не составило труда, но как же прививки? А если он заболит?

— Это девочка, — насупившись, поправила Марина.

— Сейчас это неважно! — Петя повысил голос, перейдя на крик. Раньше он себе такого не позволял. Ребенок на Марининых руках натужно заплакал, открывая беззубый рот. — Ты пойми: пойдешь к врачу — тебя тут же опросят, все выяснят и посадят!

— Не кричи, — прижав девочку к груди и успокаивая, произнесла Марина. — Ты пугаешь ее.

Он схватился за голову и застонал, словно раненый зверь.

— Ма-ри-на! Ее ищет отец! Ты видела объявление? Эта девочка в розыске! Наши соседи не глухие — они наверняка слышат детский плач и крики. Пойми — они заявят на нас в милицию!

— Успокойся! — прикрикнула Марина. — Я им сказала, что мы удочерили ее и все вопросы отпали. Мы же не обязаны всем показывать бумаги на приемного ребенка. Петя, неужели ты не понимаешь, что это наш шанс? Девочка оказалась без матери как раз тогда, когда я узнала, что никогда не смогу родить! По-твоему — это случайность?!

Петя решительно подошел к ней и схватил за плечи, впился взглядом в лицо.

— Очнись, Марина! Это не твой ребенок! Его родила другая женщина, а где-то в нашем городе ее муж сходит с ума, потому что в один день потерял и жену, и дочку! Пожалей его, Марина! Представляешь, что он чувствует сейчас?

— Не говори об этом! — Марина закрыла ему рот ладонью. — Я не хочу слышать! Его жалеешь, а меня?

Она отказывалась думать о мужчине, который дал объявление в местную газету. В каждой строчке — боль и отчаяние, но она не могла вернуть ребенка. Мысль об этом убивала, заставляла сердце обливаться кровью. Поэтому Марина старалась не вспоминать, что у дочки, которую она уже считала своей, есть настоящий папа. Для нее малышка оставалась круглой сиротой, и никто не сможет позаботиться о ней лучше, чем она.

— И что ты собираешься делать с ребенком? Запрешь в четырех стенах? Она не всегда будет маленькой. Как же детский сад, школа, институт?

— Я уже думала об этом, — Марина обрадовалась, что муж заговорил спокойнее. Ее собственный голос обрел бодрость и силу. — Мы ее удочерим. Только не здесь, а в каком-нибудь другом городе. Уедем километров за сто отсюда и сообщим в милицию, что нашли ребенка, а потом — удочерим.

Петя отшатнулся. На лице — недоумение, досада, смешанные с раздражением.

— Я тебя не узнаю, — всматриваясь в ее глаза, произнес он. — Скажи мне, ты действительно сможешь жить, зная, что украла чужого малыша?

— Я ее не украла, — как заклинание твердила Марина.

— С тобой бесполезно говорить, — Петя махнул рукой и ушел на кухню.

Марина проводила его взглядом и вздохнула с облегчением. Наконец-то он перестал ее

воспитывать. А немного погодя дочка утихла, пригревшись у нее на груди. Марина вгляделась в сморщенное личико — губки бантиком, светлые бровки, длинные реснички... Маленькое чудо в кулке из одеяла. Беспомощное, беззащитное, хрупкое и такое родное...

— Анютка... — имя само пришло на язык. Марина почувствовала, как по щекам потекли слезы. Сердце разрывалось от нежности и радости — доча... — Я тебя никому не отдам... — шептала она. — Никому...

За стенкой раздался грохот и кошачий писк. Марина вздрогнула, возвращаясь из воспоминаний к реальности. Ее маленькое чудо... Где она сейчас? Сердце сжалось в комок, который застрял в горле, не давая сглотнуть. Марине показалось, что в комнате разлилась мертвая тишина. Казалось, она ватой застревает в ушах, застилает сознание... Марина тряхнула головой, избавляясь от наваждения. В прихожей послышался скрип открывающейся двери... или померещилось? Марина вскочила с кровати и опрометью бросилась туда. Никого. Стон разочарования вырвался из груди, пополам с рыданиями.

— Надо успокоиться, — забормотала сама себе. — Может — позвонить Сергею? Нет... Он не поймет, станет говорить, что ничего страшного не случилось...

Марина застыла в прихожей у зеркала — воспаленный взгляд безумных глаз с синюшными мешками под ними.

— Я, похоже, опять схожу с ума, — горько усмехнулась она. И все из-за тебя, Анюта...

Посмотрела на часы — шесть.

— Надо выпить кофе. Надо как-то взбодриться...

Марина прошла к чайнику, щелкнула кнопку «включить» и бесцельно уставилась в окно. Солнце уже встало, обливая крыши и отражаясь от окон и серебристых автомобилей. Редкие пешеходы торопливо шагали по тротуарам, косясь на немногочисленные машины. Марина открыла форточку, впуская на кухню еще не пропитанный выхлопами воздух. Прохлада засочилась в комнату, освежая и успокаивая. Марина присела на табурет и тут же чуть не упала с него — ей показалось, что в сердце вонзили иголку. Схватила за левый бок, стиснув зубы. Острая боль не отпускала несколько минут, а потом бесследно исчезла, словно ее и не было.

— Анюта... — побелевшими губами прошептала Марина, впиваясь ногтями в ладони.

Она побежала за телефоном, набрала дочкин номер, но он по-прежнему оставался недоступен. Марина совершенно забыла про чайник и кофе. Она принялась иступленно метаться по дому, словно тигр в клетке. Нервы накалялись, по углам чудились шорохи и тени. Марина шарахнулась от них, споткнулась о ковер и упала на пол, сильно ударившись головой. Перед глазами побежали искры, затылок раскалывался от боли. Она попыталась подняться, но стало еще хуже. Силы покидали ее, звуки, доносившиеся с улицы, становились далекими, словно кто-то постепенно убавлял громкость. Искры перед глазами превратились в огоньки и заполнили собой сознание — Марина отключилась.

Глава 10

Марина с трудом открыла веки. Солнце уже всю хозяйничало в комнате и слепило, отражаясь от настенных часов. В затылке поселился пожар, впивавшийся угольками в виски. Марина приподнялась на локтях и тут же пожалела об этом: в глазах потемнело, к горлу поступила тошнота, голова поплыла, утаскивая обратно в паутину беспамятства. На уши навалилась глухота, и сквозь ее восковую пелену она едва расслышала, как надывается мобильный голосом Меладзе.

— Уже иду, — разлепив пересохшие губы, произнесла Марина, но вместо этого опустила на пол и закрыла глаза.

Очнувшись, она первым делом поглядела на часы — полчетвертого. Оставалось надеяться, что пролежала здесь полдня, а не несколько суток. На этот раз удалось подняться и перебраться на диван. Голова еще гудела, в глазах плясали яркие пятна, но чувствовала она себя гораздо лучше. Правда, ужасно хотелось пить. В горле пересохло так, будто Марина уже который день лежит под палящим солнцем посреди бескрайней пустыни. Держась за стены и мебель, добралась до кухни, налила стакан воды из чайника и принялась жадно глотать. Ощутила, как по пищеводу медленно стекает прохладная жидкость. Сейчас ей казалось, что нет ничего вкуснее. Марина забыла обо всем, весь мир сузился до очередного глотка и саднящего затылка.

Скрип входной двери заставил содрогнуться от отвращения, словно у самого уха поцарапали стекло гвоздем. Сквозь воспаленное сознание еще не успела толком сообразить, показалось ей или действительно в квартиру зашли. «Неужели я забыла закрыть дверь, и теперь кто-то этим воспользовался?» — подумала вяло. Марина попыталась сосредоточиться, вспомнить, что надо делать в таких случаях, но мысли разбегались, как тараканы на кухне темной ночью, когда неожиданно для них включили свет.

В прихожей темный силуэт застыл у зеркала, потом наклонился, чтобы снять обувь. Марина сжала стакан, сердце торопливо погнало кровь, и теперь казалось, что его стук эхом разносится по квартире. Взгляд пополз к подставке с ножами, но дальше этого дело не сдвинулось. Она застыла, не в силах сделать даже шаг в сторону. Оставалось только всматриваться в сумрак коридора. Шарканье домашних тапок по линолеуму, и Анино осунувшееся лицо в дверном проеме вернули течение мыслей в привычное русло.

— Анюта?! — Марина бросилась обнимать дочку. По щекам поползли соленые капли, голос задрожал.

— Мам, — Аня отстранила ее, отвела взгляд в сторону, поправила прядь волос. — Давай сначала поговорим.

Марина словно налетела на стену. Внутри скользкой змеей расплзалось предчувствие скандала. Неужели дочка вернулась только затем, чтобы снова попробовать довести ее до истерики? Смахнула слезы и присела на табурет.

— Слушаю.

— Мам, мне твой Сергей неприятен. Извини, скрывать это вряд ли смогу, но, — Аня посмотрела Марине в глаза, — я попробую его вытерпеть, если ты с ним будешь счастлива.

Чувство грядущей ссоры улетучилось в один момент. Но теперь Марина не торопилась обнимать Анюту. В привычном выражении чуть нахмуренных бровей и серых глаз она заметила что-то незнакомое. То ли грусть, то ли отпечаток скрытности...

— Если тебе хочется, — продолжала дочка, цедя каждое слово, — пусть он живет у нас. Но только передай ему, чтобы не совался ко мне с отеческими чувствами. Особенно — с советами и наставлениями. Хорошо?

Марина кивнула и улыбнулась. Теперь она поняла, что случилось с Анютой.

— Ты такая взрослая стала, — произнесла с комом у горла. Что случилось с ее маленьким чудом, если за одну ночь она так изменилась? Спросить? А расскажет ли?

Аня тоже улыбнулась, но грустно. На ее глазах выступили слезы.

— Мамочка, я тебя очень сильно люблю! Правда! — Она присела на корточки рядом с Мариной и положила ей голову на колени. — Ты прости, что наговорила всякую чушь

вчера... Просто, как подумаю, что он тебя бросит, меня аж передергивает!

— Да с чего ты взяла, что он меня бросит-то? — Марина положила руку Ане на голову, провела ладонью по непослушным волосам.

— Не знаю... Какой-то он... молодой для тебя слишком, — дочка вздохнула. — Такие обычно на малолеток зарятся...

— Ему тридцать пять. В этом возрасте мужчины начинают ценить ум и элегантность, а не длинные ноги и грудь колесом, — Марина натянуто улыбнулась. Почему-то сейчас ей и самой показалось, что это не так.

На кухне повисла тишина, нарушаемая только мерным тиканьем настенных часов. Анюта сильнее прижалась к Марининым коленям, тяжело вздохнула. Видимо, смириться с присутствием Сергея для нее равносильно каторге. Но она и впрямь взрослая девочка — теперь Марина и сама увидела это. Все-таки старается понять мать. Но как же объяснить, что отказаться от любимого нет ни сил, ни желания?

— Анют, а вот представь, что ты влюбилась в мужчину, пусть не младше, а намного старше себя... Лет на десять-пятнадцать... И он тоже оказывал бы тебе знаки внимания. Ты наплевала бы на чувства и отшила его?

Аня едва ощутимо вздрогнула, словно вопрос задел ее за живое. Серые наполненные грустью глаза обратились к Марине.

— Нет, Мам... Я бы ни за что от него не отказалась... — Дочка отвела взгляд, глубоко вздохнула, будто тащила на плечах тяжелый мешок.

Марина удивилась. Неужели, она невольно попала в точку — Анюта и впрямь равнодушна к кому-то постарше себя? «Нет, — пронеслось в голове. — Она бы сказала». Марина всегда была в курсе ее сердечных переживаний, чем не могла похвастать даже дочкина подружка Карина. Да и как сказать лучшей подруге, что тебе нравится тот же мальчик, что и ей? Сердце обдало теплом, Марина наклонилась, прижалась к Анютиной голове. Перед глазами пронеслись дочкины искусанные губы и припухшие веки — она всю ночь редела, пока, наконец, не открыла маме страшную тайну. С тех прошел не один год, но и теперь они доверяли друг другу все секреты. Или — почти все. Воспоминания о том, чего Аня не знает, да и не должна знать, впились в затылок раскаленными спицами. Или оттого, что Марина резко наклонилась, головная боль напомнила о себе?

— Значит, ты меня понимаешь, — прошептала, сквозь подкатывающую к горлу дурноту. Выпитая вода отчаянно запросилась наружу.

— Мир? — Аня освободилась из Марининых объятий и встала.

— Мир.

— Я тогда к себе — а то ночью не выспалась совсем, глаза закрываются.

В груди Марины снова закопошилась тревога.

— Иди, конечно... Дочь, а ты где хоть была-то ночью? У Карины? Ты прямо совсем не своя...

— Да, мам, у Карины. Чего-то настроения нет совсем, тебе, вон, нагубила, в универ терки с Васькой...

— Опять эта хамка к тебе пристает? — Марина стиснула зубы, сдерживая дурноту.

Эта бесшабашная девица из Аниной группы уже пыталась втянуть дочку в неприятную историю. Потом, когда ничего не вышло — наябедничала в деканат, что Аня употребляет наркотики. Правда, дочка про это не знала. Марина одна ходила к Валерию Петровичу — куратору ее курса, и разбиралась с этой ложью. Если соплячка снова решила донимать ее

ребенка, Марина и в этот раз найдет на нее управу.

— Я сама разберусь. А ты позвони Сергею, обрадуй его, — ответила Аня и вышла из кухни.

Марина выпила таблетку от головной боли и отправилась в ванную — приводить себя в порядок. Прохладный душ вернул мысли в нужное русло, затылок отпустило. В кои-то веки захотелось петь, и она тихонько бормотала под нос старинный романс. «Обрадуй его», — эхом пронеслось в голове. Марина спохватилась и, не успев как следует вытереться, выскочила за телефоном.

Двадцать три пропущенных вызова. Такого еще никогда не случалось. Марина мысленно схватилась за голову, перелистывая статистику мобильного — поставщики, подчиненные, Сережа... Немного поразмыслив, набрала его номер, но на том конце провода поселились только длинные гудки. Неужели, обиделся? А может, подумал, что раз Марина полдня не отвечает на звонки, значит, решила с ним порвать из-за дочери? Стало грустно и обидно — почему все портится именно тогда, когда все препятствия устранены?

— Сереженька, ну возьми же трубку! — шептала она, унимая дрожь в пальцах.

Но, видимо, он остался глух к ее мольбам и по-прежнему не отвечал на звонки. Нервы подрагивали, отдавая в сердце пульсирующими нотками. Но Марина взяла себя в руки и успокоилась. Не хватало еще вести себя, как влюбленный подросток. Ничего, не ответил сейчас, всегда можно перезвонить позже или неожиданно нагрянуть в гости.

— Хорошо, пока ты упрямисься, я займусь делами.

Всего за час Марина сумела обзвонить всех, не дождавшихся ее ответа, и договориться о встрече с новым партнером. Вот только Сергей так и не дал о себе знать. Марина пошла в свою комнату, забралась в мягкую кровать с крошечными подушками, с головой накрылась пледом и прикрыла глаза. Тишина радовала слух, тепло окутывало со всех сторон, лаская и успокаивая. Когда перед глазами поплыли смутные образы, Марина очнулась. Нехотя выбралась из комфортного плена постели, добралась до мобильного, оставленного на тумбе. Восемь часов. Два пропущенных от Виты, но ни одного — от Сергея. Перезванивать подруге Марина не стала, поскольку была уверена, что та примется выпрашивать подробности, а делиться с кем-то разговором с Анютой не хотелось. Казалось, что если рассказать все до мельчайших деталей — та магическая близость, возникшая между нею и дочерью в этот момент, исчезнет. Вот кого она хотела слышать — как назло оставался глух и нем... Задумалась, стоит ли беспокоить любимого, если он сам до сих пор не отозвался? Нерешительно набрала его номер, но тут же сбросила.

— Что же ты молчишь? — со вздохом проговорила она леденящей пустоте, занозой засевшей в сердце.

Решила — будь, что будет, и снова набрала номер Сергея. На этот раз знакомые длинные гудки оборвались, и в трубке послышалось «Да».

— Сережа, ты обиделся что ли? — затараторила Марина. — Я трубку не могла взять, извини!

— Да все нормально, Мариш, — голос Сергея показался гнусавым и охрипшим. — Я тоже не мог, только сейчас увидел, что ты звонила.

— Я с дочкой поговорила — она не против, — продолжила она. — Пакуй чемоданы — переезжай ко мне! Я так соскучилась, Сереженька...

Нестерпимо захотелось оказаться рядом с любимым, прижаться к его груди, вдохнуть дразнящий терпкий запах его туалетной воды.

— Это здорово, но я пока приболел. Думаю, не стоит к вам сопلي-то везти.

— Тем более приезжай, — Марина встрепелась, перебирая в голове, какие лекарства хранятся в домашней аптечке. — Буду тебя лечить.

— Тогда приеду, только вещи соберу. А ты пока горчичники готовь и малину, — шутливо произнес Сергей.

— Ну, малинки я тебе и так припасла — за всю жизнь не съесть, — игриво рассмеялась Марина. — Приезжай поскорее...

— Хорошо, — ответил он и закашлялся.

Марина нажала кнопку сброса вызова и прижала телефон к губам. Совсем скоро любимый будет рядом, настолько рядом, что не надо будет мотаться к нему через всю Москву... Достаточно только протянуть руку...

Глава 11

Приятный голос с хрипотцой оглашал аудиторию лекциями по теории государства и права, на заднем ряду кто-то зашелся кашлем. Аня оглянулась — Димка-ботан безуспешно пытался подавить болезненный приступ. «Ну вот, — пронеслось в голове, — очередной чахоточный в группе...» Она вздохнула, морщась от собственной глупой шутки. Тоска... Карина до следующего учебного года уехала с матерью к родственникам в глухую деревню под Курском. Впрочем, как и каждый год. Оставленные хвосты подругу не тревожили — она исправно подчищала их на следующем курсе. Вот и приходится чахнуть со скуки в гордом одиночестве...

После того, как универ облетели слухи про «бесчестье принцессы», знакомые стали смотреть на нее по-другому. Парни — оценивающе-похабно, а знакомые девчонки насмешливо. Ане казалось, что у них на лбу написано: «Ну что, довыпендривалась?». Она и впрямь кичилась невинностью, не упуская случая похвастаться тем, что не позволяет парням лишнего. Думала, что это правильно, так должны вести себя все девушки, сколько-нибудь дорожащие репутацией. Она немного пересмотрела взгляды после того, как Карина оглушила ее на втором курсе новостью, что уже попробовала «это». Причем давно и не жалеет. Тогда Аня никак не могла понять, как можно без настоящей полноценной любви отдать сокровище парню, который сегодня с тобой, а завтра уже флиртует с другими? Теперь же она жалела о показной гордости. Косые взгляды, шепот за спиной, который ножом неприязни и стыда полосовал сердце... Терпеть оказалось не так просто, как хотелось бы.

Ко всему прочему, еще и Васька, на всех занятиях сидевшая на последней парте, переместилась поближе. Маячила перед глазами огненно-рыжим ежиком волос, иногда невзначай поворачивалась и ехидно подмигивала. Особенно ей нравилось делать это на лекциях Виктора Андреевича. Наверное, доставляло немалое удовольствие знать, что мешает видеть понравившегося Ане мужчину. Василиса на полголовы выше, поэтому увидеть Виктора из-за однокурсницы было крайне сложно. Аня и не пыталась, просто слушала его голос, от которого бежали по спине озорные мурашки, и смотрела в окно. На деревьях, тянувших облезлые чахлые ветки к окнам университета, время от времени отсиживались галки и воробьи. Они зорко следили за студентами, без задней мысли делившимися с ними выброшенными в помойку или прямо под ноги столовскими булками. Но как птицы хватают добычу, Аня не видела — не хватало обзора. Для этого ей пришлось бы привстать и наклониться к окну.

Мысли лениво текли от сложных понятий и формулировок к маминому Сергею. Вчера он переехал к ним, без лишних вопрошаний разложил повсюду свои вещи, а к вечеру развалился на диване перед телевизором. Аню раздражало все в нем: нагловатая улыбочка, жесткий прищур, из-за которого казалось, что он сканирует ее, рубленые, порой сбивающие с толку фразы, больше похожие на команды. И больше всего бесило, что мама лебезит перед ним, словно это не мужчина, а пуп земли! «Сережечка, будешь чай?.. Милый, помоги помыть фрукты... Что-то в глаз попало — не посмотришь?». Каждая фраза доводила Аню до зубовного скрежета. Как можно так сюсюкать со взрослым мужиком?! И потом, она тоже могла помочь по хозяйству — и помыть, и почистить, и занозу вытащить... Но мама

неизменно просила обо всем Сергея, словно Аня вовсе исчезла, растворилась в просторах трехкомнатной квартиры. Пока она пыталась сдерживаться и помалкивать, но «точка кипения» не за горами. Совсем скоро очередная реплика «милого» выудит из Ани все, что она о нем думает...

— Вострикова! Вам не интересно? — ей показалось, что голос Виктора Андреевича грянул над самым ухом.

— Что?! — испуганно выпалила, озираясь.

По аудитории пронесся приглушенный хохот, Васька повернулась с совершенно счастливым лицом и тут же отвернулась. Виктор Андреевич стоял около преподавательского стола и смотрел на Аню с неизменной грустинкой во взгляде.

— Вам то, что за окном происходит, интереснее, чем мой предмет? — без злости, но с властной угрозой произнес он.

— Нет, — выдавила Аня, мысленно ругая себя за неосторожность. Как она могла отвлечься? Это из-за того, что Карины нет. Сейчас бы давно рассказала все подруге и успокоилась, а так... В голове проносились возможные оправдания, но ни одно из них не устраивало. Мама учила, что в таких случаях надо врать напропалую. — Я на минуту отвернулась — глаза заслезились.

— Я за вами уже минут двадцать наблюдаю, — усмехнувшись, ответил Виктор Андреевич. — И все это время вы витаете где-то там, но не на моей лекции — это точно.

Смех в аудитории стал громче, но тут же стих. Аня не нашла, что сказать. И это показалось нестерпимо обидным. К ушам прилила кровь, закрывая пленкой рассеянную в аудитории тишину. Оказывается, любимый уже столько времени следит за ней, а она тупо пялится в окно и копается в чужих отношениях. В конце концов, мама сама взрослая и решит, что делать, а вот Ане пора устраивать свое счастье — брать штурмом Виктора. Иначе, такими темпами у нее не останется никаких шансов.

— Что ж, после занятий подойдете ко мне с конспектом, — заключил он. Видимо, решил, что Ане стыдно и не стал больше муссировать тему.

Она с удивлением осознала, что обрадовалась — ее тетрадка с вставными блоками сверкала нетронутой голубизной. Именно такого цвета были листы, предназначенные для конспекта по теории государства. Погрузившись в размышления, Аня не написала ни строчки, впрочем, как и не услышала. Теперь у нее появилась возможность воплотить в жизнь слегка забытый замысел.

Как только Виктор Андреевич закончил лекцию, одгруппники соскочили с мест, засуетились, стремясь поскорее выбраться из душной аудитории. Васька, прежде всегда провожавшая Аню чуть ли не до метро, умчалась, словно ветер. Видимо, решила, что ненавистной «принцессе» достанется от преподавателя, поэтому самой можно и отдохнуть.

Только Аня не торопилась покидать универ. Аккуратно разложила ручки по карманам мешковатой сумки, еще раз посмотрела в окно, цепляясь взглядом за сплошной поток студентов, в один миг хлынувший из здания. Дождавшись, когда в помещении не осталось никого, кроме ее и Виктора, Аня неспешно подошла к кафедре.

— Вот мой конспект, — мило улыбаясь, произнесла она, привлекая к себе внимание.

Он не сразу повернулся — сначала увлеченно изучал листы с лекциями, потом мельком глянул на Аню через плечо и снова погрузился в бумажки.

— Так чего вам, Вострикова? — Ане показалось, или в его голос просочились

смешинки?

— Вы просили конспект показать, — напомнила она.

— А! Припоминаю, давайте его сюда!

Это прозвучало так задорно, что Аня растерялась. Виктор Андреевич же взял из ее рук голубые листки в клеточку и нахмурился.

— Та-а-ак... Значит, глаза и впрямь не обманули — оконные пейзажи вам интереснее, чем мои лекции, — печально заключил он, вертя в руках исписанных полстраницы.

— Виктор Андреевич, — нарочито грустно пролепетала Аня, — ваши лекции очень интересные, но у меня проблема с предметом.

— Какая? — он поднял на нее удивленные глаза.

— Я его не понимаю, — бессовестно соврала она. — Совсем.

— Вы? — его брови взлетели вверх. — Но, насколько я знаю, до сих пор трудностей с учебой у вас не возникало...

— Не возникало, а теперь вот начались... Понимаете, у меня в семье сейчас напряг — мама привела в дом отчима, вот я как-то и выбилась из колеи... — Сейчас всякое лыко в строку, лишь бы получилось задуманное.

— Боюсь, тут я вам не помощник, Аня, — взгляд Виктора Андреевича потеплел.

— Конечно, но вы могли бы оставить меня на дополнительные занятия.

— Дополнительные? Так я, вроде, такие не практикую...

— Правда? Тогда извините, — Аня развернулась и добавила к интонации побольше наивности, — просто я слышала, что вы занимаетесь индивидуально с девочками с пятого курса. Но, видимо, это какие-то закрытые занятия...

— Совсем забыл, — искренне рассмеялся Виктор Андреевич. То ли и впрямь не заметил намека, то ли решил его замять. — Но там я занимаюсь по программе старшего курса, специально для вас готовить задания не могу — нет времени.

— А если платно? — Анины надежды сыпались на глазах. Осталось прибегнуть к последнему средству.

Виктор Андреевич задумался, уставившись на нее. Ане показалось, что она перестала дышать, сердце тревожно ухалось в пятки. Внутренним женским чутьем она знала — если сейчас он откажется, о настоящем свидании даже мечтать не стоит.

— Хорошо, — после минутного молчания ответил Виктор Андреевич. — О цене договоримся после первого занятия. Мне еще нужно решить, действительно ли дополнительные лекции вам помогут. Может, проблему стоит решать в кабинете психолога, а не на моих уроках.

— Хорошо, спасибо! — выпалила Аня. Ее распирало от радости.

— Да, не за что пока. Готовьтесь дома, а в пятницу у нас будет пробная лекция, после нее и посидим — подумаем.

— До свидания!

Аня пошла к выходу, больше не скрывая улыбку. У нее получилось! В пятницу вечером все уйдут, а она с Витей останется наедине... На душе разливалось приятное тепло, хотелось петь, умиляться карапузам в колясках и переводить старушек через дорогу.

— Ты чего это светишься, принцеска? — Аня настолько не ожидала услышать Васькин голос, что вздрогнула и резко обернулась.

Василиса стояла позади, сунув руки в карманы льняных штанов с подтяжками.

— Надо же, — Аня сосредоточилась. Не стоит показывать врагу радость на лице. — Ты

уже дошла до того, чтобы следить за мной?!

— Вот еще, — фыркнула Васька. — Просто мимо шла, а тут ты! Да с таким лицом, словно тебя только что конфетами одарили, а не отругали. Вот и думаю — непорядок.

— А ты, значит, следишь за порядком? — Аня отвернулась и пошла дальше. Правда, настроение сдулось, хотелось поскорее затеряться среди прохожих. Ждать ответа она не собиралась.

Но Васька, судя по всему, решила проводить ее — за спиной раздавались шаркающие шаги. Оставалось надеяться, что не до самого дома.

— Приходится, — дала о себе знать преследовательница. — Чтобы таким сучкам, как ты, жизнь медом не казалась!

Аня резко развернулась, отчего Василиса чуть в нее не врезалась.

— И что я тебе такого сделала, что ты меня ненавидишь? — спросила, смотря Ваське в глаза.

— А ничего, — ехидно усмехнулась она. — Просто таким, как ты, все в жизни на блюде дается. И бабло, и учеба, и мужики. Потому что вы — благородные, в дерьме не копались, грубого слова вам не скажи...

— А тебе завидно?

— Да. Мне на своем веку порядочно досталось, тебе ни в одном кошмаре такое не привидится. Вот и хочу восстановить справедливость, чтобы тебе тоже досталось!

Аня вглядывалась в Василисино лицо — с крупным носом-картошкой, глубоко посаженными черными глазами и пухлыми губами. Сейчас вся злость на нее испарилась. Васька в один миг превратилась в заколдованную девчонку, которая никак не может выбраться из паутины заклятий. В конце концов, почему сводные сестры завидовали Золушке? У них же все было, а они все равно не унимались. И дай сейчас Ваське любящую семью, которая не станет откупаться от ребенка деньгами, верных друзей, приличного парня — ничего не изменится. Вот поэтому она и злится. Потому что дело не в окружающих или родителях, а в ней самой. И проще клевать другого, чем увидеть и исправить собственные недостатки. Рассуждения показали Ане такими глубокими, что она невольно улыбнулась.

— Глупо, — произнесла и направилась к пешеходному переходу.

Судя по шагам-преследователям, Василиса шла следом, но теперь Аню это не тревожило. Пусть ходит, если хочется. А ей теперь нет до этого никакого дела.

Глава 12

Узкое помещение для дополнительных занятий со стенами грязно-зеленого цвета, крошечными окнами и шатающимися стульями и столами. Раньше оно использовалось как подсобка, куда сплавлялась сломанная университетская мебель. Видимо, в новом статусе «аудитории для отстающих», она ничуть не изменилась. Может, оттого, что преподаватели редко практиковали подобные занятия? А если и практиковали, то только возмездно и на дому.

Аня тоскливо уставилась на доску с мельными разводами. Да... Рано она обрадовалась. Прошла пятница, другая, третья, а Виктор Андреевич остался на такой же дистанции, что и прежде. Если не считать составленных для нее вопросов с разъяснениями по материалам лекций. Во многом потому, что Аня добилась «аудиенции», но не представляла, что сделать, чтобы привлечь внимание Виктора как мужчины. Она одевалась поярче, пусть не в короткие юбки, которые терпеть не могла, а в летние платья с декольте или белые облегающие брюки с откровенными топами. Усиленно подводила косметикой глаза и губы, купила флакон

духов с феромонами. Вот только дальше «боевого раскраса» и «амуниции» Аня идти не решалась. А все из-за того, что помимо нее на занятия ходили Люда и Лариса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Они всегда устраивались на первых партах, правда на расстоянии друг от друга, и сосредоточенно записывали конспект. И если Лариса часто отвлекалась и утомленно вздыхала, то Люда упорно и методично строчила. Один раз Аня мельком глянула в ее тетрадь и поразились, каким разборчивым, ровным почерком она пишет! Буква к букве, слово к слову, строка к строке — и все это почти без сокращений и исправлений! Даже позавидовала — собственный размашистый почерк оставлял желать лучшего.

Они собирались часа в четыре, потом два часа Виктор Андреевич читал лекции, которые записывали старшекурсники. Аня же рассматривала свои задания и вздыхала — все это она знала и так. Вот и выходило, что надежды на занятия, перерастающие в свидания, таяли, превращаясь в скучные учебные посиделки. Мучительные, потому что любимый человек сидел на расстоянии двух метров, но совершенно не обращал на нее внимания.

Аня отвернулась к окну, выискивая что-нибудь интересное. Серое с прожилками солнечных лучей небо, линии электропередач и куцые верхушки тополей, добравшиеся на высоту четвертого этажа. На душе было не светлее, только помимо испорченных надежд, в ней плескалась неприязнь и раздражение к Сергею, накопленное за несколько недель. Она все-таки не сдержалась и стала отвечать на его приказной тон усмешками и подколами, в результате — он перестал обращать на нее внимание. Вообще. И теперь Аня чувствовала себя совсем одиноко — мама вся в заботах о женихе, он сам — в игноре.

Тогда она тоже свела общение с ними к минимуму. Самое обидное, что этого никто не заметил, либо не хотел замечать... Мама с Сергеем утопали в объятиях друг друга, не стесняясь ворковали при ней, чуть ли не целовались. Это раздражало еще и тем, что у самой Ани отношения не клеились. А так хотелось романтики, стихов при полной луне, алых роз и темноты кинозалов... Женька обеспечивал ее всем этим, но с ним все кончено... С Виктором, похоже, это и вовсе не светит.

Унылый вид за окном быстро наскучил, Аня резко повернулась в сторону Виктора Андреевича и поймала его взгляд. Сердце замерло — он смотрел на нее не как в тот раз, когда застал за разглядыванием пейзажа. Сейчас в его глазах отражались нежность и интерес. Так смотрят не на учениц, а на понравившихся девушек — это Аня знала не понаслышке. Или даже более, чем понравившихся... Несколько раз она ловила на себе подобные взгляды мужчин постарше. Обычно — с кольцами на безымянных пальцах. Она даже придумала им название «поухаживал бы, да жена не дает». Но если Виктору Аня все-таки безразлична, почему он не решается сделать шаг навстречу? Не принимает обольстительных нарядов и макияж на свой счет? Уже есть кто-то под боком? Нет... Тогда бы Васька уже разнесла эту новость по универу. Пока она предавалась размышлениям, Виктор отвернулся, а потом его взгляд обрел прежнюю грустинку. Про то, что Аня смотрит по окнам, а не в листы с заданиями, он не сказал ни слова.

Ей же словно приделали крылья — хотелось взмыть над громоздким зданием университета, а потом камнем броситься к любимому, положить ему руки на плечи и прижаться к губам долгим поцелуем. А потом оторваться и с шутливым укором произнести:

— Что же ты раньше никак не реагировал, дурачок? Меня не волнует, сколько лет между нами — я тебя люблю!

«Люблю...» одними губами произнесла Аня. Странное чувство — смесь желания, страх

больше никогда не увидеть его, стремление всегда быть рядом и при этом готовность отойти в сторону, если придется... Нет, про последнее она старалась не думать. И скорее лукавила, приукрашивая ощущения, чем и впрямь была готова оставить Виктора в покое.

Сейчас Аня уверилась, что глотать слезы ночами и тенью следить за личной жизнью преподавателя не придется. Раз он бросает на нее заинтересованные взгляды, значит, надо идти в атаку и добиваться своего. Причем, не откладывая на потом. Она с трудом дождалась, когда стандартные два часа окончатся. Ей казалось, что стрелки наручных часов нарочно еле ползут по циферблату. Наконец, Виктор сложил листы с лекциями в стопку и произнес:

— Всем спасибо, все свободны.

Лариса тут же захлопнула тетрадь и с выражением искренней радости покинула душное помещение. Люда задержалась подольше, аккуратно перелистала конспект, потом так же сложила все в сумку. Ане показалось, что при этом она не обращает никакого внимания на окружающих, словно не в аудитории сидит, а в своем замкнутом мире. Наверное, так оно и было. Идя по жизни с клеймом «детдомовец», невольно заостенеешь и коконом отгородишься от насмешек и не менее противных соблазнов.

— Людмила, если вам что-то непонятно — не стесняйтесь, спрашивайте.

Люда вскинулась, словно только сейчас заметила преподавателя.

— Мне все понятно, — робко улыбнувшись, произнесла она.

При этом ее серые глаза заискрились, будто Виктор Андреевич не про учебу спрашивал, а сделал комплимент. Аня досадливо прикусила губу — в этот миг Люда показалась очаровательной феей из сказки. Легкий длинный сарафан с оборками, распущенные светлые волосы, застенчивая улыбка... На фоне такой девушки, Аня почувствовала себя несчастной дурнушкой с вечной непослушной копной на голове. Даже собственные серые глаза показались мутными. Хуже всего, что Виктор ответил такой же теплой улыбкой. То ли Ане мерещится, то ли он и впрямь вспыхнул к Люде отеческой любовью. А что, если не отеческой? И, похоже, она тоже к нему равнодушна...

— Это хорошо. А вы сами из Твери? — произнес он, потирая переносицу.

— Да, почти. Из области. Зубцово, слышали про такое?

— Слышал, — Виктор Андреевич широко улыбнулся. — Я сам из Твери, а в Зубцово в отпуск поеду — к родителям. А ты не едешь на малую родину?

Люда погрустнела, скрестила руки на груди.

— Нет. Мне там навещать некого, — с мелькнувшей льдинкой в голосе произнесла она.

— Извини, я не подумал, — он смутился, отвернулся к окну. — Тяжело одной?

— Виктор Андреевич, понимаю, что вы преподаватель, но давайте оставим этот вопрос без ответа, — ответила Люда и, не поднимая головы, покинула аудиторию. Ане показалось, что она сдерживается, чтобы не заплакать.

Виктор так и застрял взглядом в окне. Может, вспоминал о доме и переживал, что обидел студентку? Или огорчился, что не получилось завязать с понравившейся девушкой разговор? Мысль о последнем терзала Анино сердце, выклеивала терпение и покой. Все то время, что он говорил с Людой, она чувствовала себя третьей лишней. Обида разливалась внутри липким студнем. И ревность. Привлекая внимание, она со стуком положила ручку на стол.

— Вострикова, — не поворачиваясь, произнес Виктор, — а вы чего домой не идете?

Аня ляпнула первое, что пришло в голову:

— А мне нельзя домой...

— Почему?

— Потому что маме и отчиму нужно побыть одним, — на ходу сымпровизировала Аня.

— Что? — Виктор резко повернулся к ней. На лице — недоумение, просачивавшееся сквозь нахмуренные брови. — Кто тебе такое сказал?

— Это я сама понимаю. Да вы не переживайте, сейчас соберусь и пойду, поброжу по магазинам, — грустно улыбнувшись, она встала и принялась сгребать ручку и листки тетради в просторы сумки.

— И давно вы так бродите?

— Не очень... Просто сейчас подруга уехала к родственникам, а так мы с ней в кафе ходили.

Аня закончила сборы и направилась к двери, отчаянно надеясь, что Виктор не даст ей уйти просто так. «Если остановит и предложит помощь, значит, есть шанс», — мелькнуло в голове.

— Подождите! Я, конечно, не подружка, но могу составить вам компанию. По крайней мере, вы будете под присмотром, — в его взгляде, как и в тот раз, мелькнули жаркие искры.

— Только если вы перестанете называть меня на вы, — Аня расцвела. Наверняка, он заметил. Ну и пусть, больше она не собирается скрываться — переходит в наступление!

— Я пока что ваш преподаватель, к тому же — намного старше, поэтому никаких условий, — видимо, Виктор принял ее слова за шутку и решил поддержать ироничную ноту разговора.

— Вот именно поэтому мне неудобно слушать от вас выканье.

— Ох, Анюта, — покачивая головой, рассмеялся он. — Вы меня провоцируете на преступление.

— Раз в жизни можно, — Аня тряхнула головой и стала ждать, когда Виктор соберет бумаги в портфель и присоединится к ней.

Глава 13

Просторное и светлое кафе с длинной фиолетовой стойкой, круглыми столиками в тон и желтыми свисающими светильниками. Ярко-оранжевый стенд с написанным на нем черным маркером коронным меню на этот день, приглушенная музыка Лав-радио, доносившаяся со стороны барной стойки. Одна стена целиком состояла из окон, сквозь которые можно было разглядеть прохожих, проезжающие мимо автомобили и витрины магазинов напротив.

Заведение выбирал Виктор. Вернее, он свернул в первый попавшийся «общепит», который увидел. Свободных столиков оказалось не много — компании студентов, пара женщин в деловых костюмах с чашками кофе и несколько парней с девушками.

— Если хотите, найдем другое место, — произнес Виктор, теребя ручку портфеля.

Аня догадалась, что ему неловко.

— Много народу? — понимающе спросила она.

— Нет, просто, я не знаю: в какие кафе нынче водят девушек. А здесь все так пестро и просто...

— Мне все равно. Главное, пересидеть где-нибудь часок-другой. Но если вам неудобно, то давайте уйдем...

— Не стоит, я все равно лучше не найду, — Виктор виновато улыбнулся и двинулся вглубь помещения — к свободному столику.

Через несколько минут к ним подошла официантка в черной прямой юбке по колено и

белой блузке в складочку. На вид — Анина ровесница, худенькая, с короткой стрижкой и косой челкой. Молча положила меню и развернулась, но Виктор ее остановил:

— Девушка, нам пока два кофе и мороженое.

Официантка кивнула и поспешила к другому столику, где клиенты просили счет.

— Будете что-нибудь еще? — обратился Виктор к Ане.

— Нет. Кофе вполне достаточно.

— А как же мороженое?

— А оно тоже для меня? — удивилась она.

— Ну... да! Детям — мороженое, — он улыбнулся.

— В таком случае я бы предпочла быть женщиной, — пошутила Аня, но по недоуменному взгляду Виктора поняла, что получилось у нее не очень.

Она повернулась к окну, за которым терзавший весь день небо сумрак разразился наконец-то дождем. Мелкие капли ползли по стеклу сначала медленно, а потом забарабанили быстрее, выводя меланхоличную мелодию. Несмотря на погоду и отсутствие зонта, Аня сияла от счастья. «Хорошо бы, полил подольше, — мелькнула мысль. — Тогда нам придется все это время сидеть здесь... Вдвоем... Если, конечно, у него не найдется в портфеле зонта. Но тогда Вите придется провожать меня домой...»

— О чем думаете? — голос Виктора вернул Аню к реальности.

— А что?

— Интересно, почему вы так загадочно улыбаетесь.

— Думаю о дожде... Мне нравится такая погода, она дает возможность остановиться и подумать, заглянуть в себя и найти ответы на многое. А вам что нравится?

— Я больше солнце люблю. И тепло.

Между ними снова повисла неловкая пауза. Как порядочные люди они обсудили погоду и дальше разговор не клеился. Досада копошилась в Анином сердце. Сквозь залитое дождем стекло она всматривалась в размытые фигуры прохожих, словно ждала, что один из них разрушит ее скованность и стеснение. Виктор тоже молчал, поглядывая то на бармена, то на часы. Похоже, торопился домой, а тут Аня со своими проблемами... И с чего она, в самом деле, решила, что он смотрел на нее? Может, вовсе не так? И взгляд его нежных глаз устремлялся в бесконечное пространство, а не на одну из отстающих студенток? К горлу подступил ком отчаяния — теперь, когда любимый мужчина оказался так близко, что и мечтать нельзя, она не может сказать ни слова! Более того, вообще сомневается, что их надо произносить...

Через минуту вернулась официантка с заказом и аккуратно поставила все на стол. Аня уцепилась взглядом за ее монотонное лицо — усталые красные глаза, словно приклеенная «для клиентов» улыбка, слегка нахмуренные брови. Сколько она уже на ногах? И все равно не сдастся — приходит на работу, надевает пресную униформу и скользит между столиками, выполняя чужие поручения. А Аня еще не попробовав толком, опускает руки... Выходит, не так уж ей нужен Виктор, как кажется, как чувствуется, как бьется тревожно и томно сердце от одного его сквозного взгляда...

— Что-нибудь еще? — чеканила официантка заученную фразу.

— Пока нет. Если что — мы вас позовем, — дружелюбно ответил Виктор. — Спасибо.

Не дожидаясь последнего слова, она развернулась и направилась к двери с надписью «служебное помещение». Аня проводила ее взглядом, а потом повернулась к Виктору. Видимо, он этого не ожидал — она застала его с тем же выражением, что и в аудитории.

Витя любовался ею! Но это был всего лишь миг. Застанный врасплох, он тут же отвернулся к окну, мешая в кофе несуществующий сахар.

Аню как обожгло — ни одно прикосновение не сравнилось бы с этим взглядом! Ответная нежность, желание, яростная страсть, разожженные единой искрой, смешались и искали выхода.

— А я вам нравлюсь?! — выпалила Аня, покрываясь холодным потом от собственной наглости.

Время застыло. Аня перестала чувствовать сердце, словно оно растворилось в бесконечности ожидания. И, кажется, забыла дышать — пауза затягивалась. Виктор так и смотрел в окно, будто не слышал ее слов.

— Я не знаю, как корректнее вам ответить, — сухо произнес он, наконец. — Кроме того, что вы студентка, вы еще и слишком молодая для меня девушка. Даже если бы я позволил себе нарушить этические нормы, вы меня все равно не заинтересовали бы...

Его слова отдавали канцелярским нафталином, они кусками льда впивались в Анину душу. Как можно говорить такое, даже если ты ничего не испытываешь? Может, эта наивная девочка помечтает пару ночей и забудет — зачем так резко обрубить концы? И тут Ане показалось, что она нашла причину — он и правда к ней неравнодушен!

— Неправда! Я ведь знаю, как вы на меня смотрите! — на повышенных тонах проговорила она. Слова застревали в горле, слезы просились на глаза, но Аня не давала себе волю. Если Виктор Андреевич и впрямь черствый лживый сухарь — стоит ли тратить на него рыдания? — И почему вы не смотрите мне в глаза?!

Несколько молодых людей — в основном девушек, уставились на них. Наверное ждали, чем дело кончится. Виктор тяжело вздохнул, сцепил руки и повернулся к Ане, заглянул в ее глаза лазурными грустинками.

— Анна, давайте не будем об этом. У каждого есть свои тайны, и иногда не стоит их ворошить...

— Это не тот случай! — резко оборвала она.

— Успокойтесь. Не надо нервничать. Вам это не к лицу...

— Витя, — Аня потеряла голову, слова которые так долго хранились на языке, неожиданно сорвались с него помимо ее воли. — Я тебя люблю, — зашептала она, хватая его за руку. Голова кружилась, его кожа казалась бархатной, мягкой, от которой не было сил оторваться. — Как только тебя увидела — люблю! Ну что же ты молчишь?!

— Вострикова, очнитесь, — настойчиво произнес он, отодвигая руку. Но Ане показалось, что получилось у него это не без усилия. И не потому, что она крепко держала, а потому, что он сам этого не хотел.

— Зачем ты меня мучаешь?

Виктор наклонился к Ане и прошептал на ухо:

— Остановитесь... Пока не поздно... Прошу!

Каждое слово обдавало теплом, его губы так близко дразнили.

— Почему? — беспомощно ответила она так же тихо.

— Анна, вы действительно хотите знать причину?

Она едва заметно кивнула.

— Хорошо, но я не ручаюсь, что это не ранит вас. Я достаточно взрослый мужчина и повидал жизнь, поэтому ощущаю, что говорите вы искренне. И быть может, я сам стал причиной вашего чувства, но, поверьте, сделал это невольно. Если можно, оставим этот

разговор...

— Я не могу вас заставить, — Ане казалось, что у нее растаяли кости, и она стекает под стол бесформенной жижей. Это было так пронзительно страшно — услышать от любимого человека «нет», тем более в такой завуалированной форме.

Виктор заметался: то хватался за чашку, то теребил часы, то принимался перебирать пальцы.

— Сейчас вам больно и обидно, но будет еще хуже, если я расскажу правду. Не смотрите на меня так жалобно, не вынуждайте ранить вас еще сильнее!

— Мне уже все равно, — на выдохе произнесла Аня.

— Не стоит — я уверяю, что это пройдет. У людей затягиваются и более смертельные раны, стоит ли плакать над ссадинами? — при этих словах глаза Виктора подернулись пеленой задумчивости, будто он перенесся в иное измерение.

— А у вас рана?

— Когда-нибудь, я вам расскажу о ней, — грустно улыбнулся Виктор.

Теперь между ними повисла мертвая тишина, нарушаемая только чужими разговорами и звоном посуды. Аня угрюмо возила ложкой в мороженом, Виктор отвернулся к окну и цедил кофе. Заинтересованная их разговором молодежь занялась своими делами, а остальные посетители и вовсе не обратили внимания. Аня пыталась проглотить обиду и разочарование, не дававшие вздохнуть. Как же это больно — сидеть рядом с ним, слышать его дыхание и знать, что больше ничего не будет между ними... Кроме этого тягостного молчания.

— Дождь кончился, — разняв слипшиеся губы, выдавила она. — Я домой пойду. Спасибо, что составили компанию.

— Два часа еще не прошло, — виновато произнес Виктор, глядя на часы.

— Ничего страшного, я в метро покатаюсь.

Аня встала из-за стола, подхватила сумку и, не дожидаясь его, направилась к выходу, оставив нетронутым растаявшее мороженое и остывший кофе. Виктор догнал ее у самых дверей, по-джентельменски открыл дверь и вышел следом. До метро они шли, не проронив ни слова. Аня смотрела на мокрый асфальт и растрепанных воробьев, прятавшихся от минувшего дождя под вывесками магазинов. В душе хозяйничала тоска, выскребая нутро. У самого входа в подземку, Виктор остановился, попытался поймать Анин взгляд, но она нарочно отвернулась.

— До свидания, — пролепетал он. — Надеюсь, вы не обиделись. И еще хочется верить, что на дополнительные задания вы напросились не из-за меня...

Аня резко повернулась, впилась в него яростным взглядом. Почувствовала, как по щекам предательски потекли слезы, а язык прилип к нёбу.

— Нет. И не беспокойтесь — я больше на них не приду.

Сдерживаясь, чтобы не помчаться прочь сломя голову, она быстрым шагом направилась к дверям метро. Виктор что-то сказал вслед, но Аня не расслышала.

Глава 14

Кухонные часы с потерявшей за давностью лет голос кукушкой бойко отсчитывали время. Их повесили над столом еще прежние хозяева Марининой квартиры — на новоселье. Продавая жилье, они пошутили, что рядом с деревянной птицей живет домовая и выбрасывать раритет никак нельзя. Марине идея понравилась, и трогать домик сказочного существа она не стала. С тех пор обстановка менялась уже не раз, а часы на том же месте

продолжали провожать уходящие годы.

Время близилось к семи, а Анюты еще не было дома. Впрочем, как и Сергея. Но он предупреждал, что задержится, а вот дочка не проронила ни слова. Вообще, за несколько недель Аня стала замкнутая, молчаливая, даже угрюмая. Марина редко видела ее на кухне или в гостиной. В основном на вопрос «как дела?» дочка отвечала из-за закрытой двери своей комнаты, перебивая музыкальный центр. На Сергея она и вовсе не обращала внимания, иногда забывая элементарно поздороваться, сталкиваясь утром в ванной или на кухне. Марина давно хотела поговорить с ней, но после напряженных рабочих дней сил на беседы не оставалось. А трудиться приходилось без выходных и перерывов на обед — бизнес как назло начал разваливаться. Поставщики разом повысили цены, по соседству с тремя Мариниными магазинами выросли ларьки с дешевыми цветами, а торговый партнер, который казался таким надежным, испарился с задатком за партию товара.

Сегодня первый день, когда она пришла домой к шести. Подправив дела, Марине хотелось уделить внимание и семье — побаловать Сергея и Анюту домашней выпечкой. Она торопилась, впопыхах забыла про муку, уже у самой двери подъезда опомнилась и снова отправилась в магазин. В результате решила сильно не заморачиваться и купила готового теста. Теперь обмазанные яичным желтком, румяные пирожки остывали на столе, а долгожданные близкие не торопились переступить порог.

Марина время от времени смотрела на часы, вздыхала и отряхивала с передника налипшую муку. Ноги гудели, на плечи навалились усталость и обида. Она так старалась, а никто не торопиться к «очагу»! Марине показалось, что квартира потонула в тишине, пропиталась одиночеством... Не заметила, как слиплись веки, унося в обманчивый мир грез. Скрип входной двери развеял ее дрему. Она встрепенулась, всматриваясь в темный проем коридора — наконец-то вернулась Аня. Посмотрела на часы — полвосьмого.

— Доча, ты чего так поздно? Ужинать будешь?

— Нет, мам, я потом поем, — Анин голос дрожал. Марине показалось, что она всхлипывает.

— Что случилось? Ты плачешь что ли?

В два огромных шага оказалась рядом с дочкой, попыталась заглянуть в глаза. Но Аня прятала их, отворачивалась.

— Ничего, мам. Давай потом? — скомкано произнесла она и поспешила в свою комнату.

Марина опять осталась у закрытой двери слушать, как «надрывается» певица с мужским именем Максим. Судя по включенной Анютой музыке, настроение у нее хуже некуда. Марина села на пороге ее комнаты, гоня тревогу. У Анюты что-то случилось в жизни, а она не может помочь... И почему дочка ничего не хочет рассказать? Больше не доверяет? Или боится открыться? А может, все дело в Сергее? Последнее время Марина замкнулась на нем, наслаждаясь каждой минутой близости. Но она и так всю жизнь крутилась только возле дочки, пора бы дать ей немного свободы.

— Анют, надеюсь твоя однокурсница, как ее... Васька, здесь ни при чем?

— Нет, мам, — пополам со всхлипываниями раздалось из-за двери. — Ты не переживай, все нормально.

Марина нахмурила брови — как не переживать, когда ее ребенку плохо? Но спорить не стала — пусть немного отойдет. Может, через пару дней сама все расскажет? Вернулась на кухню, накрыла холодные пироги вафельным полотенцем. Достала из кармана мобильный, в

полной решимости позвонить Сергею, но вместо этого набрала номер подруги.

— Вита, мне нужен твой совет, очень! Давай в кафе посидим? — устало проговорила она.

— Что, прямо сейчас? Давай попозже в гости заскочу... — судя по голосу, подруга либо только что рассказывала анекдоты, а потом долго смеялась, либо развлекает деловых партнеров своего шефа. Ироничный тон проскальзывал в каждом слове.

— Нет! — резко оборвала Марина. — В гости нельзя! Анюта дома, да и Сергей скорс придет, а разговор будет как раз о них.

— Что, грызутся за твоей спиной? — понимающе заключила подруга.

— Не совсем, хотя и это тоже. По телефону не хочу обсуждать, — Марина поморщилась.

— Тогда самое время сходить в клуб! И развеемся, и поговорим без лишних ушей, — озорно предложила Вита.

— Давай, только Сергея предупрежу...

— Ты прямо мужняя жена стала — на посиделки с подругой отпрашиваешься, — расхохоталась она. — Скоро натянешь фартук и будешь квохтать у плиты...

— Витуся! Не до этого сейчас! — предостерегающе одернула подругу Марина. — Ладно, давай вечером в клубе, только в каком?

— Об этом не беспокойся — я все организую. И машинку свою тоже не напрягай — я заеду и заберу тебя в десять. Ладно, мне сейчас не очень удобно говорить, потом позвоню. Чмоки!

В мобильном раздались короткие гудки. Марина нажала кнопку сброса вызова и сжала телефон в руке. Надо бы и впрямь позвонить Сергею... Нет, она и так бежит за ним, как девчонка. Так и разбаловать недолго, а потом причитать, почему любимый из ласкового жениха превратился в сварливого властного мужа. Марина набрала короткое сообщение: «Милый, вечером иду с подругой на девичник, ужин на столе. Целую!», и отправилась к себе — готовиться к мероприятию. Отдых в компании заводной Виты — это то, чего ей сейчас захотелось больше всего на свете.

В назначенный час Марина вышла из подъезда, остановилась на секунду, придирчиво осматривая наряд. Струящийся шелк алого платья без рукавов и с глубоким декольте, черные туфли со стразами на высоком каблуке, сумка-кошелек на цепочке. Не успела достать из нее зеркальце, как за спиной раздался знакомый голос:

— Ну, здравствуй, подруга!

— Привет! — Марина обняла Виту, чмокнула в щеку.

— Ты прям королева! — рассмеялась она. — Я у тебя такого агрессивного макияжа давно не видела....

— А ты чего так скромно? — Марина удивленно рассматривала Витины потертые джинсы и ярко-зеленый топ чешуйками. Хотя, к ее карим глазам и черным кудряшкам чуть выше плеч, он шел как нельзя кстати. — погоди! Ты хочешь сказать, что я слишком ярко нарядилась?

Марина открыла зеркальце и уставилась в него.

— Наоборот — вижу прежнюю Маринку с надписью на лбу: «я съем тебя, негодник!». А то мужняя жена меня, как и прочих мужчин в том месте, куда мы пойдем — не впечатляет.

— В том месте? Так может, мне тоже одеться попроще?

— Ни в коем случае!

Вита схватила Марину под локоть и потащила к припаркованному поблизости такси. Минут пятнадцать они петляли переулками в салоне черного БМВ с потертыми кожаными чехлами и запахом табака. Водитель — сухонький мужчина в футболке и шортах, с лукавым взглядом и пышными усами, ловко правил «железным конем», уворачиваясь на узких дорогах от встречных автомобилей, и вполголоса матеря кидающихся под колеса прохожих. Вита всю дорогу молчала, но глаза ее искрились задором. По ним Марина догадалась, что подруга замыслила какую-то особенную программу на этот вечер. Но спрашивать не стала — даже самые безумные затеи Виты неизменно заканчивались морем положительных эмоций. В этот раз Марина также решила положиться на подругу и только скользила взглядом по фасадам домов, гадая, какая из ярких вывесок рекламирует назначенное на этот вечер заведение.

Наконец, машина мягко затормозила, пристраиваясь в узкую «щель» между припаркованными автомобилями. Марина усмехнулась — почти над самым этим местом красовался дорожный знак «стоянка запрещена». Пока она глазела по сторонам, Вита расплатилась с водителем и вылезла из машины. Марина тоже вышла, выискивая взглядом кричащую вывеску ночного клуба. Но ничего похожего не обнаружилось. Серые высокие девятиэтажки, пара продуктовых магазинов и одна аптека. Вот только припаркованные дорогие авто не давали усомниться, что в этом районе тусуются люди с достатком, а не мирно проживают рядовые граждане.

— Ну и где оно? — уставилась на подругу в надежде, что та откроет секрет.

Вита наклонила голову, прищурилась, словно размышляла — помучить ее или сразу выложить правду.

— Практически у тебя перед носом — в этом доме с той стороны, — Вита показала направо.

Там и впрямь посверкивал какой-то указатель. Настолько крошечный, что Марина как ни старалась, не могла рассмотреть, что на нем написано. А вот Вита, совершенно на это не заморачиваясь, направилась туда. Марина последовала за ней, но в отличие от подруги, которая двигалась размашисто, ничем не стесненно, ей приходилось семенить. Платье оказалось узковато в бедрах и вынуждало хозяйку следить за каждым шагом.

— И что это за заведение? — спросила она, охваченная любопытством.

— Увидишь, — уклончиво ответила Вита.

Не прошло и пяти минут, когда они оказались перед огромной железной дверью с глазком размером с яблоко, над которой блекло мигала вывеска в форме стрелки «Бешеный жеребец». Марина не успела и рта открыть, чтобы высказать сомнения по поводу репутации заведения с таким кричащим названием, а Вита уже нажала на неприметную черную кнопку слева от двери. В ту же секунду она бесшумно распахнулась и явила на вечерний свет клонящегося к закату солнца, выглядывавшего из-за домов, высокие покатые фигуры охранников. Они походили на двоих из ларца, одинаковых с лица: бесцветные глаза, крупные носы, губы, сжатые в тонкую нитку, словно надутые плечи, выдававшие из-под белизны рубашек мышцы, бритые головы. Даже татуировки на шее одинаковые — саламандра, бегущая в воротник.

Марина растерялась, чувствуя на себе пристальный взгляд из-под насупленных бровей. Вита же, не тратя время даром, извлекла из кармана рубашки карточку клуба с взмыленным жеребцом на форзаце.

— Девушка со мной, — небрежно бросила она, минуя каменноликих охранников и увлекая за собой Марину.

Они оказались в коридоре, тьму которого разгоняли маленькие лампочки в полу. Бледный, фосфорный свет, казалось, тянулся вглубь подземелья. Марина поежилась, ступая то по ровному гладкому камню, то по ступенькам. Впервые пожалела, что согласилась довериться подруге. Видимо, воодушевленная желанием Марины отвлечься от суеты, Вита решила придумать что-то из ряда вон выходящее. И на этот раз Марина сильно сомневалась — понравится ли ей это «что-то». В какой-то момент даже возникла навязчивая идея развернуться и помчаться прочь — на свет Божий. Но именно в этот миг Вита коротко бросила: «зажмурься», и юркнула в сгустившуюся перед ними тьму.

Глава 15

Марина шагнула следом за подругой и пожалела, что не прислушалась к ее указанию. По глазам ударил яркий свет, уши заложило музыкальными децибелами. Бухающий ритм, казалось, просачивался в кровь, стучал в висках. Проморгавшись, Марина осмотрелась: просторное помещение с танцполом в центре, на котором уже отплясывали несколько броско одетых девиц, ряды занятых круглых столиков около кожаных диванов, возле которых стояли блюда подиумов с шестами. Около самого входа красовалась длинная лиловая стойка с вертявым рыжим барменом, разливавшим дамам бальзаковского возраста напитки. За его спиной возвышались стеллажи с алкоголем всех мастей. С потолка на разной высоте свисали блестящие и разноцветные шары, пускавшие блики на посетителей. Несколько прожекторов с ослепительными волнами света устремлялись вверх. И кругом — практически одни женщины. Слегка пьяные, развязные, ярко одетые...

Сзади вынырнул высокий мускулистый официант в коротком переднике. Собственно, это и галстук-бабочка — все, что на нем было из одежды.

— Извините, но свободных столиков нет, — белоснежно улыбаясь пропел он. — Вы пока можете занять места около барной стойки.

— Спасибо, но я тут с подругой, — произнесла Марина, выискивая взглядом Виту. Но та, как назло, будто сквозь землю провалилась.

— Могу я узнать ее фамилию?

— Пришапкина, — ответила, замаявшись.

— Секундочку, сейчас уточню ее столик.

Официант удалился, демонстрируя Марине еще одну деталь своего гардероба — золотистые стирнги, впившиеся в ягодицы. Буквально тут же из того коридора, куда он ушел, выскользнула Вита и направилась к ней.

— Ну, ты чего здесь торчишь, как тополь на плющихе? — скороговоркой выговорила она. — Там уже шампанское принесли!

— Витуся, только не говори, что ты затащила меня в стрип-бар!

— А что такое? С каких это пор мы оббегаем подобные заведения? — невинно хлопая глазами, ответила Вита.

— С таких, что у нас есть жених.

— Это у вас есть, да и то не жених, а так — ухажер. А вот у нас вообще никого не имеется. И почему двум молодым и симпатичным зазорно посмотреть на красивые мужские тела за непринужденной беседой? — И уже серьезным тоном добавила, — да ладно, Мариш. Выпьем по сто пятьдесят, поговорим и разъедемся по домам.

— Хорошо. Показывай, где нам предстоит все это творить.

Вита снова предстала в образе Сусанина, увлекая за собой Марину. Встречавшиеся на пути посетительницы окидывали их оценивающими взглядами или вовсе не замечали. Сразу после зала, шел освещенный огненно-зеленым коридор с рядами VIP-кабинок. Вита остановилась перед одной из них и провела пластиковой картой клуба по кодовому замку.

— Проходи! — она гостеприимно распахнула дверь, впуская внутрь Марину.

Небольшая комната, также снабженная подиумом с шестом. По периметру стояли аквариумы с алой подсветкой, зеркальный потолок, длинный бархатный диван и подобие мини-стойки вместо стола. Запах лаванды и иланг-иланга расплзался по помещению, музыка «а-ля романтик» струилась с потолка. Кроме открытого шампанского, фужеров и блюда с фруктами их ждал еще и тот самый официант, разговаривавший с Мариной. Он слегка склонил голову, приветствуя их, разлил алкоголь по бокалам и, сверкая зубами, произнес:

— Дамы желают чего-нибудь погорячее?

— Не сейчас, — ответила Вита, протянула ему купюру в тысячу рублей. — Но попозже мы тебя обязательно позовем.

Официант снова склонил голову — в знак согласия, и направился к выходу. По пути он не забыл прихватить чаевые. Вита же не преминула хлопнуть парня по упругому голому задку, на что он отреагировал только приветливой улыбкой.

— Ну, рассказывай! — Вита пытливо уставилась на Марину. Она уже разместилась с ногами на диване.

— Да чего-то все из рук валится. На работе проблем — немерено, дочка ходит хмурная, как туча и отмалчивается, да и с Сергеем у меня какие-то трудности...

Марина села рядом с подругой, поставила локоть на колени и оперлась щекой о ладонь. Загоревшаяся было искра потухла — вспомнились бессонные ночи, походы к следователю с тщетной надеждой разыскать партнера-кидалу, Анина закрытая дверь... Сейчас стало казаться, что она устала на сотню лет вперед — веки слипались, как только уронила голову на руку, в затылке расплзалась боль, которая мучила с завидным постоянством с тех самых пор, как Марина ударилась об пол. Захотелось свернуться калачиком и уснуть. Причем — именно здесь, потому что домой ехать желания не возникало. Она устала маневрировать между островками «работа» и «дом», в котором теперь шла «холодная война» Сергея и Анюты. Пусть бы они один денек побыли без нее, что тогда? Может, осознают, наконец, как ей тяжело...

Вита всплеснула руками и воскликнула:

— Да оставь ты Анютку в покое! Она уже дебелая у тебя, поди, втюрилась в какого-нибудь хама и переживает теперь. И не надо на меня так смотреть! Себя вспомни в ее годы. Что краснеешь?

— Скажешь тоже! Тогда в СССР секса не было, а теперь со всех сторон тс изнасилования, то СПИД — не знаешь, чем оградить.

— Ну, у тебя все из крайности в крайность! Твою Аньку попробуй — тронь, она же с потрохами съест! Вся в тебя, — на лице Виты расплзлась довольная улыбка. Видимо, шутка ей самой понравилась. Вот только Марину ее слова не обрадовали.

— Лучше расскажи, что там с Сергеем — вы заявление подали уже?

— Еще нет. Но собираемся. Думаю, рванем к Ирке через черный ход — без шума и пыли распишемся и все.

Марина поморщилась — будущая свадьба затягивалась. Сергей уже не раз намекал, что

пора бы дойти до ЗАГСа, а перед этим — нотариуса, но она тянула время. На это была одна, но очень веская причина.

— Нормально! А как же белое платье и пьяные вусмерть гости?

— Витусь, у меня все это было. И потом, я же не девочка, чтобы в белое лезть и по Москве кататься.

— А что? Я бы катнулась, жаль, не берет никто.

— Просто ты сильная женщина, вот мужики и обходят...

— А ты, значит, слабая?

— Я прикидываюсь слабой, — устало улыбнулась.

— Понятно, — Вита взяла один бокал, а второй протянула Марине. Отхлебнула, причмокивая. — Понимаю, что наступаю на больную мозоль, но вы брачный контракт-то планируете? Или ты продолжаешь оставаться слепым котенком?

— Я продолжаю оставаться рассудительным человеком, но к нотариусу мы не пойдем. И на это есть причина.

— Это какая же? Почему я не в курсе?

— Потому что... — Марина наконец отхлебнула шампанского, почувствовала, как пузырьки ударили в нос, а пищевод обдало теплом. — А! Все равно сейчас напьюсь и расскажу — если мы пойдем к нотариусу, то Сергей узнает, сколько мне на самом деле лет.

Она выпила содержимое фужера до дна и в упор посмотрела на Виту. Та непонимающе захлопала ресницами.

— Подожди, а он думает, что тебе...

— Тридцать девять.

— Что?! Ты ему сказала, что тебе нет и сорока?! — Вита чуть не подпрыгнула.

— Я ему ничего толком про возраст не говорила, — не осознавая почему, начала оправдываться Марина. — Когда мы только познакомились, он предположил, а я не стала уточнять. Вот и все.

— Да-а-а... — протянула подруга. — Сколько раз тебе говорить, мужики не прощают женщинам две вещи: карьерный рост и возраст старше, чем им бы хотелось! В твоём случае оба условия налицо! И что думаешь — он отнесется спокойно, когда узнает?

— Не знаю я! — ответила Марина, проведя ладонью по лбу. — Поэтому и не тащу его никуда. А в ЗАГСе возрастов не объявляют. А узнает потом или нет — неважно! Мне бы хоть чуть-чуть его теплом погреться!

Марина судорожно схватила бутылку и разлила алкоголь по бокалам. Залпом опрокинула его и налила еще.

— Потом... Потом будет больше, — сочувственно произнесла Вита. — Может, потешиться сейчас и закончить на этом? Сослаться на Анюту. Как раз пригодится их взаимная неприязнь...

— Нет. Если я пойду на попятную — конец наступит сразу. Я это чувствую. Не простит он это, понимаешь? И никакие оправдания не помогут...

— Болезненные у тебя отношения какие-то... Путаные. С ними бы к психологу...

— Даже не упоминай! Я уже разок сходила — так потом сутки Аня пропадала невесть где! Больше так не хочу!

— Но результат-то налицо — Аня смирилась с твоим любовником в доме, пусть и вредничает.

— Не знаю, это все равно, что положить взвод солдат, чтобы взять один хутор. Жестоко

и страшно. Я так больше не хочу.

В комнате повисло молчание, разбавляемое музыкой, приглушенными криками из соседних кабинок и новыми порциями алкоголя.

— Может, чего покрепче? — произнесла Вита, заметив, что шампанского не осталось.

— Давай, — Марина махнула рукой.

Подруга нажала на большую красную кнопку на стойке и отчеканила:

— Артурик! Зайди к нам с парой бутылочек коньяка.

— Это голозадый что ли? — Марина не смогла сдержать улыбку.

— Он самый! Приятный мальчик, да? — глаза Виты масляно заблестели.

— Ничего так, — протянула Марина, вспоминая «картинку» недавнего официанта.

Почему-то, она подрагивала перед глазами. — И часто ты тут отдыхаешь?

— Не часто, но бывает... — вальяжно потягиваясь, протянула подруга. — Но уж если отдыхаю, то до потери пульса!

В дверь постучали, а потом, не дожидаясь разрешения, вошел «Артурик» с двумя пузатыми бутылками коньяка в руках и... одетый! Строгий костюм с жилеткой и носовым платком, аккуратно «выглядывавшим» из кармана пиджака, брюки со стрелками и даже шляпа! Только улыбка и выражение лица остались неизменными.

— Девочки уже готовы к горячительному? — задорно произнес он, подмигивая Вите.

— Еще нет, дружок, — она отмахнулась от него, как от назойливой мухи. Впрочем, лицо Артура осталось столь же приветливым, даже пристрастным. Казалось, он готов кинуться выполнять малейшие капризы посетительниц. Марину это и смущало, и радовало. Мужчина, который сделает все, чтобы тебе было комфортно и приятно — чем не мечта?

Вита соскочила с дивана и уже в дверях догнала Артура, зашептала на ухо, а потом довольная вернулась к Марине.

— Ну, что сидим? Наливай, будем думать, как твоей беде помочь!

Темно-бардовая жидкость исчезала из бутылок вместе со связной речью Виты и Марины, сменявшейся то всхлипами, то смехом. Впервые за несколько лет Марина забыла и про время, и про мобильный. Более того — мысль о том, что Сергей, Анюта или кто-то еще будет звонить — искать ее, не просачивалась в голову сквозь хмельной дурман. Все ее существо охватило три желания — напиться, выговориться и нареветься досыта.

— Да мне советы-то не нужны, — заплетающимся языком твердила она. — Я ведь, по правде сказать, знала, что еду к тебе выговориться и напиться...

— Значит, программа минимум выполнена! — подруга пьяно улыбнулась и поднесла к губам бокал. — Выпьем же за это!

Марина не заметила, когда их компанию снова разбавил Артур с очередным спиртным и колбасной нарезкой взамен поредевшим фруктам. Только на этот раз он не ушел, а сначала присел с ними рядом, галантно разливая спиртное, а потом отправился на подиум. Марина как замороженная наблюдала за каждым его движением. Артура раздевался, плавно изгибаясь под музыку, которая проникала в кровь, поползала до сердца. Марина чувствовала, как постыдное желание охватывает ее все сильнее. Широкие мускулистые плечи стриптизера отливали матовым блеском в полутьме помещения. Взмокший «ежик» стриженных волос, оголенный напряженный торс, сильные руки, упругие ягодички... Маринина голова шла кругом, собственные желания пугали, но это не мешало страсти овладевать душой.

— Подруга! Что за голодные взгляды?! — с хохотом одернула ее Вита.

— Оголодаешь тут, когда секс раз в месяц и то — по обещанию... — смущенно ответила Марина.

Попыталась отвлечься от полуобнаженного Артура, но ничего не вышло. Он, словно магнит, притягивал ее внимание, дразнил доступностью и готовностью исполнить любые прихоти. Они с Витой уже щедро наградили его чаевыми, в беспорядке бросаемыми на стол, что делало танец стриптизера только задорнее и откровеннее.

— Чего так? Сережа не в форме или ты устаешь? — Вита ухватила за эту новость и теперь, видимо, хотела знать подробности.

— Что? — в затуманенной алкоголем и страстью голове не осталось воспоминаний о вырвавшейся фразе. — А! Ты про это... Не могу в нашей квартире... Как представляю, что Анюта за стенкой все слышит — так в бревно превращаюсь...

— Понятно... — Вита кивнула. На лице отразилась задумчивость, а потом она добавила, — ладно, ты тут пока без меня развлекись, а я выйду до дамской комнаты...

— Пропустишь самое интересное, — рассмеялась Марина, ловя себя на том, что уже дошла до кондиции, когда теряешь контроль над собственными поступками.

— Ничего, я это уже видела, — ответила Вита и скрылась за дверью.

Марина осталась наедине с Артуром, танец которого, судя по количеству одежды, и впрямь подходил к концу. Несколько движений, и он застыл — демонстрируя золотистые стринги. Марина захлопала в ладоши, как одуревшая на концерте любимой группы девчонка. Ловила себя на том, что пьяная улыбка не слезает с лица, сознание путается, а внутри все пылает от желания. «Ничего страшного, посмотреть — это еще не измена», — твердила она про себя. Но эта мысль ускользала так же стремительно, как и появлялась. Артур поклонился, потом спустился с подиума и направился к Марине, неся в руках неизвестно откуда возникшую алую розу.

— Этот бутон для вас — королева! — слащаво произнес он, присаживаясь вплотную к ней. Но она не замечала фальши в его словах, жадно ловила лесть, как и его горячие взгляды.

— Если пожелаете, — продолжал он, прижимая Марину к дивану, — то можно зайти дальше...

Она облизала пересохшие губы, по которым он бесцеремонно провел пальцем. Потный, практически голый, пахнувший терпкими духами симпатичный мужчина желал ее — Марина видела это на дне его болотных глаз. И не в силах вырваться, она вязла в этом болоте без шанса на спасение, потому что запоздало сообразила, что Вита еще не скоро вернется из «туалета». Пока Марина предавалась размышлениям и терзаниям совести, Артур приступил к действиям. Его руки нежно заскользили по платью, нащупали молнию сбоку, аккуратно расстегнули — и теперь уже Марина ничем не отличалась от него по гардеробу.

Жаркие поцелуи сыпались на ее тело, которое отзывалось стонами и выгибалось от наслаждения. Руки скользили следом, трепетно касались груди, ласкали между ног. У Марины закружилась голова, сердце разрывали противоречия — с одной стороны дома ее ждал Сергей, который сам не прочь доставить ей удовольствие. С другой — хотелось бессознательно отдаться во власть этого малознакомого пылкого мальчика... И последнее все сильнее оттесняло первое...

Марина отвечала на ласки и поцелуи, искала его губы, давась стыдом, тянулась к запретным местам на теле Артура. Удивилась, сообразив, что ни на ней, ни на нем уже не осталось одежды...

Глава 16

Полумрак прихожей, освещенной только лунным светом, кравшимся из кухонных окон, сонная тишина... Марина старалась двигаться бесшумно, не нарушив покой обитателей квартиры. Сняла туфли, поправила плечико платья, будто кто-то из домашних будет придирается к ее внешнему виду. Посмотрелась в зеркало, изучая его темную гладь — растрепанная, слегка протрезвевшая, но все еще с пьяным взглядом... Марина отвернулась, собственное отражение казалось противным, особенно бесстыже довольные глаза.

Тело тоже предательски подрагивало от минувшего «приключения», ныло плотской сытостью. Казалось, Марина еще чувствует обжигающие поцелуи Артура, прикосновения, его дыхание... Закусив губу, она погнала прочь мучительные воспоминания, не устывая клясть себя за бабскую хмельную слабость.

Подошла к своей комнате, аккуратно приоткрыла дверь — Сергей спал, обнимая подушку и мерно посапывая. Марина прокралась внутрь, стянула платье, положила сумочку на письменный стол. Присела на край кровати, всмотрелась в лицо любимого — даже во сне он выглядел сосредоточенным, словно напряженная струна. Но сейчас Сережа показался ей еще и беспомощным... беззащитным перед тем, что она натворила этой ночью. Марина протянула руку к его голове, но тут же отдернула — что Сергей скажет, застав ее в таком виде? Принюхалась и отпрянула сама от себя — померещился терпкий запах туалетной воды Артура...

Марина вскочила и поспешила в ванную. Не вылезала оттуда больше получаса — отмокала в горячей воде и пене. Когда же вода остыла, и голова стала неосознанно клониться к груди, сполоснувшись под душем и вернулась в комнату. Бережно, чтобы не разбудить любимого, Марина вытащила из-под него подушку и забралась на ее место. В его объятиях было тепло и уютно, но дыхание Сережи на шее еще сильнее будоражило зубастую совесть. С трудом успокоившись тем, что ничего уже не вернешь, Марина закрыла глаза и провалилась в сон.

Звон будильника в мобильном гвоздем ворвался в сознание. Марина поморщилась, но тут же сползла с кровати, ощупью добралась до ванной. Спать все равно не хотелось — смутные тени, гнавшиеся за ней всю ночь, страхи, что Сергей все узнает и уйдет от нее... Она даже порадовалась бы пробуждению, если бы не три вещи, оставшиеся на память о прошлой ночи: головная боль, полупустой кошелек и колкое чувство стыда.

Хорошо еще, что на последнее не было времени — часы на кухне, куда Марина забрела после прохладного душа, показывали десять минут восьмого. Второпях хлебнув холодного чая с вчерашним пирогом, она натянула в прихожей деловой костюм и убежала на работу. Уже садясь в машину, спохватилась — сегодня первый раз, когда не поцеловала Сергея перед уходом. Даже не заглянула в свою комнату...

— Шлюха... — пробурчала, прислонясь лбом к сложенным на руле рукам.

Хотелось плакать, но глаза оставались сухими. Может, оно и плохо — душу жгло раскаянием, и нечем было погасить этот огонь. Оправдания не лезли язык. Она напилась вдрызг и переспала с первым встречным, хотя дома ждал любимый мужчина! Чем тут

оправдаешься? А ведь Сергей звонил ей, и не один раз. Утром, выключая будильник, Марина насчитала пятнадцать его пропущенных вызовов с полуночи до полчетвертого утра...

Именно поэтому она не посмела потревожить Сергея — испугалась, что не выдержит его проникновенный заботливый взгляд и выдаст себя с головой. Что ж, теперь все случилось, и нет другого выхода, как стереть вчерашнее из памяти, будто сумбурный сон... Марина выдохнула, подняла голову и уставилась на газон, перед которым парковала автомобиль. В глазах рябило, затылок не унимался — надо бы купить лекарств, но она решила себя наказать хотя бы этой болью.

Стремясь забыться, Марина окунулась в работу, благо — дел хватало. Часам к одиннадцати в кармане блузки раздался голос Меладзе, она вздрогнула — Сергей. Руки тряслись, вынимая телефон, который тут же стал скользким и вертким.

— Да, — произнесла слипающимися губами.

— Маришка, — весело ответил Сергей. — Чего не звонишь? Раньше всегда в десять — как штык... Как чувствуешь себя после вчерашнего?

— Нормально, — пролепетала она. «Надо врать, — крутилось в голове. — Врать на все вопросы, лишь бы ненароком не выскользнула правда».

— До скольких хоть погуляли? — ей показалось, или в его голосе мелькнуло ревнивое любопытство. От Сергея трудно что-то утаить, он, как бывший военный, чувствовал ложь на расстоянии, но никогда не обвинял без веских на то доказательств. Хотя, кто знает... Раньше Марина никогда не давала повода...

— Не знаю, добралась в душ — и к тебе под бочок, — она постаралась сделать голос как можно бодрее. — Устала жутко, еще и Вита со своими проблемами одолела.

— А-а... А где хоть были-то?

— Сереженька, это допрос с пристрастием, что ли? — Марина добавила обиженный тон.

— Нет, просто вечером тебя не дождался, вот и хочу знать, где тебе понравилось больше, чем со мной рядом.

— Ну, прости, — на глаза запросились предательские слезы. — У Виты серьезные проблемы, не могла я ее одну оставить в таком состоянии.

— Ладно, работай. Не буду больше пытаться, — бодренько произнес он. — Целую!

Ответить Марина не успела — в мобильном раздались прерывистые гудки. Напоминание про Виту поселило в сердце новую рану — теперь стыд потеснила обида на подругу. Она же знала, чем все кончится — по крайней мере, не могла не догадываться! И ведь нарочно оставила их с Артуром наедине — сбежала в туалет, а на самом деле — в неизвестном направлении. Домой Марина добиралась одна. Правда, такси обошлось даром — ее доставили на машине клуба, как VIP-клиентку. Но чувство того, что Вита нарочно напоила и подложила ее под стриптизера, не отпускало. Или Марине хотелось в это верить, свалив тем самым часть вины на подругу? Едва вспомнила, как мобильный снова разразился, но уже другой мелодией. На дисплее — «Виолетта».

— Да, — холодно ответила Марина, подавив желание сбросить вызов.

— Привет! Как погуляла?

— Тебе виднее, ты же со мной ходила, — сухо ответила она.

— Да ладно тебе дуться, не понравилось, что ли? — голос Виты «излучал» искреннее удивление.

— Виолетта, почему ты сбежала?

— Я дала тебе возможность осуществить свои желания, — вкрадчиво произнесла подруга.

— Какие желания?! — заорала Марина на всю улицу. — Я тебя просила?!

— Спокойствие, только спокойствие! Хочешь — встретимся и поговорим, но орать посреди любопытного народа, да еще перед собственным магазином — это несерьезно.

Марина огляделась, выискивая подругу — та стояла на другой стороне улицы около книжного магазина и махала ей рукой.

— Иди ко мне — тут за углом отличное кафе-мороженое. Вспомним детство и остынем? — примиряющее сказала она.

— Хорошо, — процедила Марина, отключила вызов и отправилась к пешеходному переходу.

Несмотря на духоту, скопившуюся за окном, в помещении кафе было прохладно и свежо. Белоснежные скатерти с красными оборками, приземистые квадратные столы с кривоногими стульями. Разноцветные шарiki красовались под потолком, а витрины около стойки зазывно пестрили кругляшами мороженого, не уступавшего им по «колору». Марина и Вита уселись в дальнем углу с розетками дынного лакомства — обе любили один сорт. Первая насуплено ковыряла его ложкой, вторая — ловко уплетала, видимо, забыв про хронический тонзиллит.

— И чего ты на меня взъелась? — произнесла она «между делом».

— Вит, ты понимаешь, что я натворила?

— И чего такого страшного случилось? Вот, хоть убей — не пойму! — подруга всплеснула руками.

— Я переспала с этим Артуром! Это, по-твоему, не страшно? — зашипела Марина.

— Тю! И что с того? Тебе не понравилось?

Марина застыла с открытым ртом и выпученными глазами, а потом разразилась криком:

— Я Сергею изменила, а ты говоришь, что это нормально?!

— Тихо, успокойся, а то на нас уже официантки смотрят. Вот так. Дыши глубже и слушай — я тебя не об этом спросила. Отбрось свои среднестатистические принципы и ответь — тебе не понравилось?

— Нет... — отворачиваясь, выдавила Марина. Воспоминания будоражили, опьяняли живостью и трепетной страстью, которую она пыталась забыть. — Но дело не в этом...

— Боишься, что Сергей узнает?

— И это — тоже, но сам факт...

— Какой факт-то? — перебила Вита. — Пока не женаты — вы взрослые люди, которые могут себе позволить некоторую свободу. Ты же не собираешься в этого Артура влюбиться? Он, поверь, — тоже. У него есть девушка — в моем доме живет, между прочим, через один подъезд. И зовут его на самом деле Мишка, а Артур — имя сценическое. Вчерашнее для него — работа. Так что перестань бить в набат, сначала разберись — что это было для тебя? Минутная слабость, развлечение или наметки на романтическое продолжение?

— Об этом и речи быть не может.

— Тем более! Ну, было — повеселилась, забудь! Оставь положительные эмоции, а остальное — в мусорную корзину. И потом, ты думаешь, что Сергей спокойно терпит, что ты ему второй месяц регулярно отказываешь в сексе?

— Что? — Марина покраснела. — Откуда ты знаешь?

— Так ты вчера сама мне жаловалась, что когда Аня в квартире — не можешь. И ты при этом свято считаешь, что Сергей — молодой мужик в самом соку, будет ждать, когда у тебя, наконец, появится настроение?

— Почему нет? — угрюмо произнесла Марина, разглядывая оборки скатерти. Даже несмотря на исправно-работающие кондиционеры, ее мороженое безнадежно растаяло.

— Потому что ни один мужик не захочет превращаться в импотента. Это — их самый страшный кошмар. А с таким ритмом интимной жизни — бессилие ему обеспечено.

— Сережа не такой. Он не будет искать бабу на стороне. Если что-то не устраивает — скажет в лицо.

— Пока не такой. Но надолго ли? Имей в виду — как только разговор зайдет в это русло, значит, он уже на грани. И если ты не дашь ему, все, что положено, он либо уйдет, либо найдет это на стороне.

Вита кивнула, словно подтверждала истинность слов. Марина поникла — в них была доля правды. Даже больше того, но что ей теперь делать с этой правдой? Через силу раздвигать ноги перед любимым человеком? Он не мальчишка — все поймет и обидится сильнее, чем на банальную головную боль. Хотя последняя и впрямь мучила Марину через день. В кармане зажужжал мобильный, поставленный на беззвучный режим. Она достала телефон, мельком глянула на дисплей.

— Ладно, мне пора идти. — Марина стала копаться в сумочке в поисках кошелька.

— Да иди уже — я заплачу.

Вита встала из-за стола и чмокнула ее в щеку.

— Маришка, мой тебе совет — не жди, когда разговор заведет он. Начни первая.

Марина поцеловала подругу в ответ, кивнула и умчалась из кафе — она уже минут десять опаздывала на важную встречу. По дороге винила во всем прошедшую ночь и собственную слабость. Все-таки, Вита права — никакая она не сильная, а самая настоящая слюнтяйка. Но смириться с этим открытием Марина не торопилась.

Глава 17

Последний день занятий — чем не праздник? Кучка студентов галдела, шумела, смеялась, обсуждала — где бы отвиснуть по этому поводу. Аня отошла в сторону от горячих дебатов и, жмурясь, смотрела на противоположное здание — жилую девятиэтажку с железными балконами. Она не пойдет на вечеринку, но не потому, что не хочется. Просто там непременно будет Васька, а сидеть с ней за одним столом не было ни малейшего желания.

После памятной беседы, когда Аня по сути назвала ее глупой, Василиса резко поменяла манеру общения. От выраженной агрессии она перешла к игнору. Правда, продолжала садиться перед Аней, но оборачиваться перестала. Вместо этого на Анин мобильный каждый день стали приходить СМС «я достану тебя, сука», «спи спокойно, пока я разрешаю», «наступит день, и ты за все заплатишь». Маме она ничего рассказывать не стала, Карина не вернется раньше августа, а обращаться куда-то не было смысла — сообщения отправлялись с неизвестного номера, причем, часто с разных. Как доказать, что это Васькиных рук дело? Сменить симку? Можно, но толку от этого — ноль. «Мисс всеосведомленность» все равно дознается.

И потом, это не казалось таким страшным — Аня перестала реагировать и бояться Василисиных выходок. Гораздо более было равнодушие Виктора Андреевича. Мало того,

что тогда в кафе он порвал все надежды, так еще и перестал замечать на лекциях. Скользил взглядом мимо или сквозь нее, перестал спрашивать, даже невзирая на единственную вытянутую руку в аудитории. А на экзамене, бессвязно пролепетав несколько предложений, Аня обнаружила в зачетке «отлично»! Это притом, что она и впрямь не учила — отчасти назло Виктору. Его ледяное отношение бесило и убивало сильнее, чем Васькины дурацкие шутки и угрозы.

К тому же, по универу поползли слухи, что препод теории государства и права неровно дышит к Людочке-приемышке с пятого курса. Их видели вместе в кафе. От этого становилось еще хуже. Сердце заходило безысходной тоской, когда Аня представляла, как любимый обнимает и целует другую... Но что она может? Паршиво, когда нет выхода, кроме как смириться. Аня пыталась забыться: погружалась в книги, фильмы, даже пробовала заняться шитьем, но ничего путного не вышло. Последнее далось с трудом — вместо халата получился узкий топ, а первые два усугубляли положение. Смотреть и читать хоррор или триллеры она не любила, вот и лезли под руки сплошные мелодрамы про вечное, доброе, взаимное и не совсем, чувство. Словом, от них становилось еще хуже — настроение падало ниже плинтуса и выливалось горячими слезами. Хотя, так было легче. Может, поэтому Аня ревела вечерами и ночами напролет под музыкальные басы?

— Привет, — раздался за спиной Женькин голос. — Идете тусоваться?

Аня молчала. Она не разговаривала с ним уже второй месяц. Во-первых, мстила за его поведение, во-вторых, он сам не показывался на глаза. Исчез, а когда и маячил на горизонте, то старался незаметно проскользнуть мимо. Аня точно знала — у Женьки теперь другая девушка. И шуточки, которые с его легкой руки сыпались ей вслед, тоже не забыла.

— Не разговариваешь, да?

Ответа опять не последовало. Аня даже не обернулась, тяжело вздохнув, отправилась к ближайшему метро. Судя по шагам — Женька плелся следом.

— Да я уже всем сказал, что не было ничего... — виновато протянул он.

Аня посмотрела через плечо — бывший парень напоминал побитого пса: растрепанный, понурый, с заискивающим взглядом.

— И что?! Повесить тебе за это медаль на шею?

— Медаль себе оставь, — угрюмо пробурчал он, останавливаясь. — А только не я один виноват, что так вышло.

Она сделала еще несколько шагов и тоже встала.

— Что? Я виновата, что ты меня чуть не изнасиловал, а потом еще и слухи распустил, будто я сама на тебя залезла?

Развернулась, впиваясь в Женьку негодующим взглядом.

— Ань, давай не будем сгущать краски. Я никаких слухов не распускал. И вообще никому ничего не рассказывал.

— Для того, чтобы дать тонкий намек на толстые обстоятельства, слов не надо! Одного твоего гордого вида и игнора достаточно, чтобы остальные, вроде Васьки, домыслили все сами! И потом, насколько я знаю, треп с твоей стороны все-таки был.

— Да успокойся, Анют! — Женька подошел ближе, развел руками, словно хотел обнять. — Я, правда, плохого не хотел! Просто был зол на тебя и все! Вот и болтнул лишнего, вернее, оговорился... Ну, прости меня! Хочешь — на колени встану?

— Не надо, — равнодушно бросила она. — Это твое дело. А мне... Все равно ничего не исправишь уже...

— Почему не исправишь? Я ребятам рассказал, что ничего не было. От кого еще услышу — набыю морду, и разговоры прекратятся.

Аня представила, как Женька колошматит Ваську и улыбнулась.

— Правда! — горячо добавил он. Видимо, принял улыбку на свой счет. — Не обижайся, прошу! Мне самому плохо... без тебя...

Женька подошел вплотную и попытался ее обнять. Аня отстранилась, нахмурилась.

— Я не обижаюсь, но это ничего не меняет в наших отношениях. К тому же, у тебя есть девушка...

— Уже нет, — поспешно перебил он. — Мы расстались недавно. Я тебя не могу забыть, да и с ней-то связался только ради секса...

— Жестоко, — Аня задумалась, примеривая на себя встречи с другим мужчиной, не с Виктором. Какими будут чужие объятия после того, как она ощутила засасывающую нежность прикосновения к любимому? Сможет ли улыбаться, целовать, доверять другим?

— Я не тороплю, просто не гони меня, ладно? — Женька окончательно сник.

Жалость закопошилась в Анином сердце. В этот момент она вспомнила себя, наверное, с такой же мольбой взиравшую на Виктора. И как нестерпимо больно было слышать «нет»...

— Хорошо, — произнесла, скрепя сердце. — Ничего обещать не буду, скажу даже больше — мне нравится другой человек. Но пока у тебя еще есть шанс вернуть отношения в прежнее русло. Но предупреждаю сразу — никаких разговоров, намеков и прочего про секс!

Женька закивал, а потом все-таки обнял ее. Но в кольцо его горячих ласковых рук Аня чувствовала себя неуютно. Его запах душил, хотелось вырваться поскорее и убежать прочь, но она подавила этот порыв. По крайней мере, Аня сделает то, чего не захотел Виктор — постарается дать бывшему парню возможность снова стать для нее близким человеком. Может, так забудутся собственные сердечные раны? Если же нет, она без излишних сожалений порвет с Женькой и продолжит упиваться одиночеством.

— А ты чего с ребятами не пошла? Слышал — у вас там намечается грандиозная попойка.

— Не хочу. Как-то навалилось со всех сторон и настроение на нуле...

Аня тихонько высвободилась из Женькиных объятий и зашагала вперед. Он — шел рядом, касаясь ее руки.

— Понятно... Хочешь, отметим это дело вдвоем? Сходим куда-нибудь...

— Куда?..

— В кино или кафе? А хочешь — в театр даже!

Аня мотнула головой. Ей никуда не хотелось, а тем более в компании с Женькой. И пусть сама решила попробовать все с нуля, чувствовала себя скованно, напряженно, словно она ему чем-то обязана. Мысли возвращались к Виктору, его абсурдным и корявым оправданиям в кафе. Ей втирал про возраст, а сам крутит роман с другой молодухой на глазах у всего универа... В этот момент хотелось, чтобы Виктор видел ее в Женькиных объятиях и приревновал. Правда, это только мечты. Даже если она на его глазах будет целоваться с другим, Виктор равнодушно пройдет мимо...

— Никуда не хочется... — Взгляд скользнул по голубям сновавшим под ногами у входа в метро. Вспомнились птицы, облюбовавшие ветки тополей за окном универа, обжигающий взгляд лазурных глаз... — Может, купим хлеба и пойдем в парк — покормим птиц?

— Хорошо, — в голосе Женьки послышались нотки удивления. — Птиц, так птиц...

В шесть Аня добралась домой. Посиделки в парке долго не затянулись. Во многом — из-за тягостного молчания, повисшего между ней и Женькой. Аня, не глядя, бросала оторванные от батона куски на дорожки на радость воробьям и галкам. Женька — смотрел на нее и вздыхал, неуклюже пытался обнять, но тут же убирал руки. С ним Аня ощущала себя пойманным ежиком в клетке. Когда-то у нее был такой, колючий, забавно фыркающий... Но в плетеной корзинке посреди ее комнаты, он грустил — не шевелился, печально вздыхал, а иногда ей и вовсе казалось, что зверек плачет. Уговоры и ласка не помогли — и Аня, собрав волю в кулак, отнесла казавшегося диковинным зверька в ближайший парк...

Предаваясь размышлениям, она зашла в ванную, стянула сарафан, повернулась и застыла. Точно так же на пороге замер Сергей.

— Привет... — ошарашено произнес он.

— Занято, — пробурчала Аня. Только тут дошло, что кроме просвечивающего нижнего белья на ней ничего нет. «Вот хам! — пронеслось в голове. — Стоит и пялится! А еще маме втирает, что любит!» Вслух добавила, переходя на крик. — Вас ничего не смущает?! Выйдите вон, в конце концов!

— Так ведь не заперто... Стоп! — Сергей, уже повернулся, чтобы ретироваться, но остановился. Резко хлопнул дверью, проходя в ванную, остановился в шаге от Ани, уставился на нее в упор. — Не кажется, что нам пора поговорить?

— Нет, — буркнула она. — Мне без вашего общения неплохо живется.

— Очнись, куколка! Ты не мне делаешь плохо своим поведением, ты матери вредишь! Думаешь, она не видит, что мы с тобой не общаемся?

— Если надо будет, она сама заговорит об этом. А вы мне — никто, чтобы мозг промывать! — огрызнулась Аня.

— Я тебе хуже, чем никто. Я тот, кто хочет, чтобы твоя мать была счастлива! И если ты думаешь иначе — это твои проблемы! Будешь дальше меня игнорировать — возьмусь за тебя капитально.

— И что же вы сделаете? Ремнем отлупите?

— А хоть бы и так! — в глазах Сергея мелькнула решительность. Аня, холодея, поняла, что он не шутит.

— Делайте, что хотите, можете вообще убить — мне все равно! — выкрикнула она. В душе и впрямь разлилось безразличие и усталость. — Наверное, тогда вы с мамой и впрямь будете счастливы!

— Да что ты говоришь-то?! Вылезь уже из подростковой шкуры и задумайся, каково матери смотреть, как страдает ее ребенок?

Из-под нахмуренных бровей, Аня окинула Сергея взглядом — ведь не шутит... и не лжет. И правда хочет, чтобы у них все наладилось. И почему она заиклилась только на себе? Привыкла видеть окружающих только сквозь призму собственного Я... Что ж, пусть сегодня будет день розданных шансов.

— Хорошо. Мир, — она протянула Сергею руку, натянуто улыбнулась. Все-таки, неприязнь к нему еще копошилась внутри. — Но если будет какой косяк с вашей стороны — пощады не ждите.

— Согласен, — он ответил на улыбку, пожал ее руку. — Взаимно. Кстати, ты тут надолго застряла?

— Нет, собственно, даже не помню, зачем пришла.

Аня подцепила сарафан, обогнула Сергея и задом вышла из ванной, покрываясь

красными пятнами стыда. Только сейчас дошло, что она все это время так и не прикрылась. Он, конечно, не паялся, или она не заметила этого, но все равно — неудобно получилось.

— Вспомнишь — приходи, — шутливо крикнул он вслед, распахнув дверь. — И давай — на ты, хорошо?

— Ладно! — ответила Аня и скрылась в своей комнате.

Глава 18

Железная дверь родной квартиры — как островок спасения от рабочей суеты. Последнее время Марина все с большим отвращением думала про бизнес. Напряженные битвы за клиентов, прибыль и прочее выматывали, и казалось, что с каждой отвоеванной победой становится тяжелее тащить его на плечах. Не раз в голову приходили мысли найти партнера или передать дело в надежные руки. Но более-менее шустрые первые уходили в собственное плавание, а недавний кандидат и вовсе не оставил ничего, кроме негатива и долгов. А насчет последнего... Пару лет назад Марина мечтала, что натаскает Анюту, но она оказалась далека от коммерции. То ли возраст еще не тот, когда хочется расталкивать оппонентов, добиваясь успеха, то ли нет торговой жилки. С недавних пор Марина стала задумываться насчет Сергея, но пока дальше размышлений дело не шло.

Она открыла дверь и зашла в прихожую, прижалась к стене, закрыв глаза. Наконец-то дома! Скинула туфли, повесила светлый летний пиджак и замерла — из ванной доносились обрывки приглушенных фраз. Неужели — Сергей и Аня? Вроде, не ругаются... Прислушалась — тишина. Дверь ванной распахнулась, выпуская Анюту с пунцовыми щеками в неглиже с прижатым к груди сарафаном. Следом высунулся Сергей, сказал что-то вслед, но Марина не расслышала. Глухота охватила ее в один миг, и в этой болезненной тишине по вискам отбивали слова Виты: «будет искать на стороне... у тебя дочь... вдруг он начнет приставать к ней...»

В голове закопошились разом сотни мыслей, догадок, сомнений, но ни одна из них не застревала надолго. Почему Аня разгуливает по дому в таком виде? Судя по багровым щекам — она чувствовала себя крайне неловко. Неужели, Сергей и впрямь помогает ее дочери? Давно это? Может, потому Аня и запирается в комнате? Марину словно парализовало, она стояла, бессмысленно уставившись в дверной проем кухни напротив и шевелила губами. Теперь слова подруги не казались бредовыми, но и окончательно довериться им Марина не могла. Она твердо знала — Сергей себе такого не позволит, но глаза...

Собственные глаза видели, как он без всякого стеснения выпроваживал из ванной Аню в исподнем. И чем дольше Марина копалась в противоречивых ощущениях, тем сильнее ее поработала не столько тревога за ребенка, сколько ревность. Она сама поразилась, как это чувство овладело ею, заставило скрежетать зубами от злости. Как он посмел посмотреть на кого-то, кроме Марины?! И следом ползла еще более ядовитая мысль — а вдруг Аня не против? Может, она уже не первый раз мелькает в трусах перед Сергеем?.. В груди скопился ком, который обдавал душу холодом.

— Я дома! — хрипло крикнула Марина, вырываясь из капкана оцепенения.

Из ванной тут же высунулся мокрый и взъерошенный Сергей.

— Сегодня что-то рано, — заметил он, вытираясь махровым полотенцем.

— Соскучилась по вам, — сканируя любимого взглядом, ответила она. — А вы не ждали, что ли?

— Почему «не ждали», очень ждали!

Сергей перекинул полотенце через плечо и подошел к Марине, обнял ее, прижал к себе.

Запах мангового мыла и туалетной воды любимого щекотал ноздри. Марина прижалась к его груди и вздохнула. Все подозрения расползлись по углам, словно зловещие тени от солнечного света. Какая только чушь может прийти в голову! Что бы у них с Аней не произошло, к сексу это не имеет никакого отношения.

— Сереж, — произнесла Марина, поднимая на любимого глаза.

— Что?

— Ты меня любишь?

— Конечно, — Сергей улыбнулся, провел ладонью по ее волосам. Потом склонился к самому уху и прошептал: — И хочу...

— Анята дома, — Марина выскользнула из его объятий. Засуетилась, перекладывая сумку с места на место.

— Марин, тебе не кажется, что пора с этим что-то делать? — сдвинув брови, произнес Сергей.

По позвоночнику метнулась стрела электричества — все-таки Вита как в воду глядела. Марина поежилась, разгоняя предчувствие скандала.

— Давай позже поговорим.

— Когда? Когда я превращусь в дряхлого старика и буду класть тебе руку на плечо вместо секса? — резко ответил он.

— Может, хотя бы не будем обсуждать это в коридоре?

— Пойдем в комнату.

— А умыться после работы разрешается?

Марина сверкнула на Сергея глазами и отправилась в ванную. Закрыв дверь, включила воду в раковине и схватилась за голову. Вот он — этот злосчастный разговор. Выходит, и у Сергея терпение не железное... Но что делать? Заставить себя? В памяти вспыхнули жаркие объятия Артура, его шаловливые руки и сладкие поцелуи... Марина мотнула головой, отгоняя дрожь желаний. Как просто было сломать принципы парой бутылок коньяка... С Сергеем так не получится — он все поймет и тогда можно поставить крест на отношениях. И потом, Марине самой не хотелось заниматься с ним любовью под хмельком.

— Думай, Маришка, что делать? — обратилась она к отражению.

Но по ту сторону зеркала в глазах с красными прожилками сосудов не было ответа. Марина отвернулась, присела на край ванной, сложила руки на коленях, в которые хотелось уткнуться, упиваясь слезами. Взгляд скользнул по безымянному пальцу... Воспоминания о том, кто когда-то давно надел на него кольцо отозвались в сердце и болью, и радостью. Петя никогда не ругался, не требовал объяснений, он все понимал без слов... Почти никогда.

— Даже если тебя съели, у тебя есть, по крайней мере, два выхода. И хорошо, если у тебя есть право выбора, — прошептала она слова бывшего мужа. Он всегда знал, как ее утешить.

Что ж, у Марины есть выбор: либо попытаться объяснить, либо переступить через себя... Оба ей не нравились. Марина потерлась щекой о плечо, ей нужен третий выход! И кажется — она его нашла.

На скорую руку освежив макияж, Марина направилась в свою комнату, но Сергея там не оказалось. Он сидел в гостиной, листал журнал про автомобили и поглядывал в телевизор. На экране — слезливый сериал сменялся передачей о рыбалке. А рядом — Аня в ситцевом коротком халате с пультом в руках. Марина остановилась в дверях, не веря собственным глазам. При виде крючков и удочек Сергей оживился, отложил журнал, но Аня переключила

на другой канал, где дама преклонных лет с голливудской улыбкой пела дифирамбы постельному белью.

— Ань, переключи обратно, — попросил Сергей.

— Угу, — буркнула дочка, и телевизор снова заголосил шепелявым голосом ведущего под аккомпанемент веселой музыки.

— Я смотрю, вы поладили, — пытаюсь сдержать язвинку в голосе, подметила Марина.

Как ей хотелось раньше, чтобы Сергей и Анюта вот так по-домашнему сидели на диване, глядя в телевизор. Теперь же по сердцу заскользила мерзкая жаба-ревность. Спутанные нежностью любимого тени сомнений снова закопошились в груди, нашептывая клевету.

— Да, — довольно кивнул Сергей, а Аня добавила:

— У нас временное перемирие. Мамусь, мы ужинать-то будем?

— А ты приготовила? — выпалила с вызовом. Марина удивлялась сама себе. Она же нападает на Анюту, зачем? Неужели и впрямь ревнует к Сергею?

— Нет. Я не умею, — простодушно ответила дочка. — Хотя, могу вам яишенку забаббахать, если ты сильно устала, или пельмешей сварить — у нас вроде валялись в холодильнике.

— А почему сразу не сделала, когда пришла домой? Все ждешь, что придет мама, взмахнет волшебной палочкой и ужин приготовится сам собой?

— Если все так страшно, я могу картошки пожарить, — встрял Сергей. — Чего из этого проблему делать? Анют, будем с тобой завтра учиться азам кулинарии, — подмигнул он дочке.

— А мне потом за вами разгребать горы грязной посуды? Ну уж нет, — Марина заставила себя улыбнуться. — Собирайтесь, пойдем в ресторан!

Правда, она хотела пойти туда вдвоем с Сергеем, но не отпихивать же Анюту? В холодильнике и впрямь не было ничего путного — последний раз Марина бегала по магазинам в тот злосчастный день, когда решила развеять усталость с Витиной помощью.

Сборы не заняли много времени — через двадцать минут Марина, Сергей и Аня сидели на втором этаже небольшого ресторанчика, гнездившегося между торговыми центрами. Светло-коричневые тона мебели и стен, вежливые официанты, морские пейзажи на витраже под потолком. На столе исходила паром пицца и дразнили запотевшими боками стаканы с молочными коктейлями и пивом. В прикрытые от солнца со всех сторон окна заглядывали посетители соседних зданий, поднимавшиеся на эскалаторах. Марина равнодушно провожала их взглядом. Ее больше волновало, как воплотить задуманное в реальность. Ужин дружной семьей — это, конечно, хорошо, но она рассчитывала, что вечер кончится в объятиях любимого в ближайшей гостинице.

Похоже, только сам виновник ее планов об этом не догадывался. Шутил, потягивал пиво, «задирал» Аню, рассказывал случаи из жизни, которые Марина слышала уже раз пять. Видимо, старался наладить отношения с ее дочкой, но как же это убивало! Веселость и разговорчивость раздражала сильнее, чем прежде — ледяное молчание.

Марина смеялась вместе со всеми, ела пиццу, запивала ее прохладным напитком и соображала, как бы намекнуть Ане, что возвращаться домой ей придется пешком. Благо, тут недалеко — пять минут ходьбы и то, если идти не торопясь. Наконец, Сергей удалился «на минуточку».

— Анют, ты еще долго будешь чахнуть над куском?

— А что? — Аня удивленно сдвинула брови. — Мы уже собираемся?

— Нет. Мы нет, а вот тебе пора бы спать.

— Мам, так каникулы же! Могу валяться до обеда! — радостно воскликнула дочка и потянулась. — И потом, Серега, оказывается, прикольный товарищ, не скучно с ним.

Марина поморщилась.

— Анют. Просто у нас с Сергеем есть планы...

— Понятно... — протянула Аня, сдвувшись в один момент. — Тогда я пошла.

— Не обижаешься? — В Маринином сердце засвербела совесть.

— Конечно, нет. Отдохните как следует.

Аня вылезла из-за стола, поцеловала Марину в щеку и направилась к выходу. Но уйти, не попрощавшись с Сергеем, не получилось — он как раз вернулся из туалета.

— Ты куда? — удивленно спросил.

— Домой, голова что-то разболелась.

— Может, мы тебя проводим?

— Нет, развлекайтесь. А я пешочком пройду — может, полегчает.

— Тогда, пока!

Она улыбнулась, махнула ему рукой и вышла из ресторана.

— Что-то случилось? — Сергей подошел к столику и вопрошающе уставился на Марину.

— Ничего. А что ты так распереживался?

— Просто хорошо сидели вроде, а тут — головная боль — стандартная женская отмазка, если надо от чего-то ускользнуть.

— Ты сейчас на что намекаешь?

— Да ни на что. Просто, только отношения стали налаживаться... И потом, что ты меня пытаешь? Сама же хотела, чтобы я с Анькой сдружился, какие теперь проблемы? — Сергей сердито нахмурился, плюхнулся на стул рядом с Мариной.

— Ни-ка-ких. Я за вас рада! — почти зло пробурчала она, скрестив руки на груди.

Так и распирало предложить Сергею отправиться вдогонку Анюте. Марина злилась сама на себя за несдержанность и глупую ревность, но ничего не могла поделать. Понимала, что все это пустое, пыталась расслабиться и настроиться на романтический вечер, но все равно в груди кипела досада. Как же так — любимый одарил вниманием кого-то еще!

— Мариш, ты ревнуешь, что ли? — Сергей просветлел лицом. А потом и вовсе рассмеялся. — Ну, ты даешь! К родной дочери! Да, Лапуля, разбаловал я тебя...

— Нет, просто как-то ты с ней слишком развязно, — попыталась оправдаться.

— Я все понял, можешь не объяснять.

Сергей встал из-за стола, подошел к Марине и обнял ее.

— Понял даже больше, чем ты сказала, — произнес он, дразня ее поцелуями в шею.

— Сережа, — выдохнула она.

Зажмурилась, радостно прислушиваясь, как собственное тело отзывается на ласку. По позвоночнику пробежало тепло, разлилось внизу живота, отдавая приятным нитьем. Поцелуи становились жарче, и все труднее казалось прятать внутри страстные стоны.

— Куда пойдем? — шепотом, от которого у Марины перехватило дыхание и разбежались по спине озорные мурашки, произнес Сергей.

— Здесь недалеко гостиница есть. Уютная, недорогая, чистая...

Марина повернулась к Сергею и приникла к его губам, упиваясь их сладостью. Как она могла отказывать себе в общении с ним? Какой душой надо быть, чтобы на желание любимого отвечать холодностью и ссылаться на усталость. «Той самой, — со вздохом мысленно ответила себе, — которая еще и к дочери берется ревновать». Между тем ласки стали нестерпимо обжигающими, прикосновения плавили кожу, заставляя желать большего. — Тогда чего мы ждем? — выдохнул Сергей.

Оставив деньги и чаевые за ужин, они покинули ресторан.

Глава 19

Островок зелени на окраине мегаполиса — маленький парк с рядами скамеек и асфальтовыми дорожками. С недавних пор он стал неизменным местом встреч Ани и Жени. Они кормили воробьев и галок, ходили по тропинкам, слушая птичий щебет, или катались на роликах. Могли бы и на велосипедах, если бы парк был поближе к дому.

Женька заметно старался, пытаясь вернуть отношения на прежний уровень: заботился, как о ребенке, звонил по десять раз на дню, дарил цветы. Но этого было недостаточно, чтобы вытеснить из сердца Ани чувства к Виктору. Она затолкала их в самый дальний и темный «угол», но не могла избавиться. По ночам ей снилось, что любимый то скрывается в тумане, то тает в воздухе. И каждый раз она немела и напрасно открывала рот, чтобы окликнуть его.

От таких снов в душе поселялась тоска, в голове снова и снова прокручивался разговор с Виктором в кафе. Может, не стоило так напирать? Но что теперь сделаешь? Аня и сама не знала, откуда взялась тогда излишняя храбрость. Зато все разом решилось. Она не тешит напрасных надежд, не забавляется пустыми мечтами, а то, что правда оказалась мучительной... С этим ничего не поделаешь, потому что заставить человека любить невозможно — теперь Аня и сама это понимала. Ей приходилось принуждать себя прикасаться к Женькиным губам, отвечать на его ласки улыбкой, внутренне подавляя вздохи. На свиданиях чудилось, что ноги закованы в кандалы, а на плечах — мешок с картошкой или коромысло. Так тяжело оказалось стараться убить любовь и привязаться к другому мужчине.

Но это было все же лучше, чем остаться наедине со своими мыслями. Вспоминать обжигающий взгляд лазурных глаз и осознавать, что он не означал ничего... Еще одной отдушиной стал Сергей. Аня не ожидала, что так привяжется к нему за несколько недель. Приходя с работы раньше мамы, он старался занять Аню чем-нибудь. Они ходили в кафе-мороженое, на выставки или в музеи, а когда просто смотрели телевизор. И каждый раз Сергей ненавязчиво ее расспрашивал. Аня и сама не заметила, как постепенно рассказала ему гораздо больше, чем знало большинство знакомых. И более того, появилась зависимость от общения с ним. Аня ждала, когда Сережа придет с работы, чтобы поделиться событиями минувшего дня. Про Женьку он тоже знал, но ни с советами, ни с вопросами не лез.

Аня сидела на скамейке с букетом красных тюльпанов на коленях и смотрела на бледное солнце, протискивавшееся сквозь тучи и листву. Женька устроился рядом, держал ее за руку и молчал. Все чаще над ними повисала тишина, изредка нарушаемая беседой про природу и погоду.

— О нем думаешь? — отвернувшись, произнес он.

— А? Нет, — Аня мотнула головой, — просто так... ни о чем.

— Понятно... Не могу поверить, что кто-то посмел тебя бросить.

— А сам-то? Не помнишь уже?

— Так я зол был, — Женя закашлялся. — И потом, я не бросал — ты сама меня оттолкнула...

— Вот и он меня оттолкнул. Причем так коряво, путано... Обидно...

— Больно тебе?.. А ты разозлился на него — будет легче. Мне это помогло. Правда, ненадолго, — Женька повернулся к ней, грустно улыбнулся.

— Бесполезно... Да и не сделал он ничего такого, за что и впрямь стоит ненавидеть. Просто оттолкнул.

Между ними снова повисло молчание. Оба уставились на мальчишку лет десяти с бульдогом на поводке. Собака крутила по сторонам приплюснутой мордой и фыркала, увлекая за собой «поводыря».

— Анют, в общем, так... — произнес Женька, когда невольные соглядатаи скрылись за поворотом аллеи. — Мучить тебя я не хочу, поэтому предлагаю остаться друзьями. И не надо спорить, — перебил он Аню, заметив, что она пытается вставить слово. — Я же вижу, какая ты со мной, и помню, какая была раньше... Словом, не хочу тебя принуждать. Думаешь, мне приятно видеть, как ты через силу ко мне жмешься?

Аня не стала переубеждать. Внутри расцветала радость и доля любви, которую люди испытывают к настоящим друзьям.

— Спасибо, — прошептала она и прижалась к его плечу.

Женька усмехнулся:

— Ну вот и ладно. Правда, я все равно буду надеяться, что ты забудешь про своего альфонса и вернешься ко мне. Но и с другими девушками буду встречаться, уж извини. Тяжело парню без... ну, ты поняла.

— Хорошо, я не в обиде. А если его разлюблю — узнаешь об этом первый.

— Звучит, как фраза из кино. Только там брошенный парень узнает о свадьбе бывшей девушки последним. Причем жених — тот самый альфонс.

— Не исключено! — Аня рассмеялась. Искренне, свободно. — Сходим в кино?

— Ну, если ты приглашаешь...

Договорить Женька не успел — у Ани нутужно зазвонил мобильный. Но не успела она достать его из кармана, как телефон смолк. Посмотрела на дисплей — незнакомый номер. Аня запустила руку в волосы, провела до затылка. Такие звонки начались два дня назад. И даже если она успевала нажать кнопку вызова, в трубке раздавалась только тишина. Чаще всего звонили ночью, в первом часу. Но бывало и днем. Аня догадывалась, что это — Васькиных рук дело. И что ей все нейдет.

— Он? — насупившись, спросил Женька.

— Нет. Васька чудит, — вырвалось у Ани.

— В смысле? Она тебя достает, что ли?

Женька пытливо заглянул ей в лицо. И Аня знала — одно слово, и он разберется с обидчицей по-своему.

— Да так. Немножко, — попыталась уйти от ответа, сердясь на собственную болтливость. Но в глубине души хотелось, чтобы Женька все узнал и надрал Василисе задницу.

— Понятно. Больше не будет. — Лицо Женьки на миг окаменело. — И не посмотрю, что девка.

— Да хрен с ней — пусть бесится.

Аня встала со скамейки, потянула его за собой.

— Пойдем уже.

Женька поддался, подошел к Ане, взял ее за руку.

— Если тебя кто-то обидит — говори. Я разберусь. Хорошо?

— Хорошо, — рассмеялась. — Ты прямо как мой отчим.

— Отчим? Откуда такой зверь?

— Да завелся недавно в моей квартире. А вообще, прикольный мужик. Я бы сама за такого вышла, будь он чуть помоложе.

В груди разгоралась озорная искорка. Хотелось подразнить Женьку, по-детски, с прибаутками про горшок, козу и прочую чепуху.

— А мама-то знает про твои планы? — поддержал дразнилку Женя.

— Ты что! Она мне за своего Сережечку все космы повыдергает. А если без шуток, я за нее рада. Хватит уже об отце убиваться...

В кармане снова запищал мобильный, но на этот раз настойчиво и протяжно. Аня достала его, посмотрела на дисплей — тот же номер.

— Она опять? — Женька вопрошающе посмотрел на нее.

— Да.

— Дай-ка, я поговорю.

Аня протянула ему телефон. Женька нажал кнопку «принять вызов» и, не дожидаясь ответа, выпалил:

— Слышь, ты, кошка драная, еще раз позвонишь — позвоночник выдерну!

— Простите? — раздалось в трубке. Аня стояла близко и уловила слова. Голос показался знакомым, волнующим. — А мне бы с Анной Востриковой поговорить.

— Со мной говори, я ее парень. — Женька не заметил, как Аня поморщилась от этих слов.

— Извините, а вы с какого курса? Евгений Печенкин?

— Да-а-а... — удивленно протянул он. — А вы откуда знаете?

— Так я у вас полтора месяца ТГП преподавал, — рассмеялись в трубке. — И еще пару лет буду.

— Виктор Андреевич? — брови Женьки взлетели вверх. — А вы как... Зачем?

У Ани сердце облилось холодом и кровью, замерло, превращая мгновения в вечность.

— Хотел с Востриковой поговорить — она на занятия не ходит дополнительные... Не думал, что телефон ваш, ошибся, наверное...

— Нет-нет. Номер ее, просто... Тут такое дело... Прозвон сначала, а потом снова...

— Это — моя вина. Отвлекли, пришлось сбросить звонок. А что, Анну кто-то терроризирует, судя по вашему выпад?

— Да так... — замялся Женька. — Давайте, я вам Аню дам.

Он сунул ей трубку, сконфуженно отошел в сторону, почесывая затылок и бормоча: «Надо же...».

— Да, — сухо ответила Аня, подавляя радостные тонки в голосе. «Позвонил! — стучало в висках. — Сам позвонил!».

— Анна, я бы хотел с вами поговорить, — виноватым голосом раздалось в трубке.

— Зачем? Мы уже обо всем переговорили. И думаю, поняли друг друга. Разве нет?

— Не надо так, прошу... Я хочу вам рассказать то, что не смог тогда... И потом, я переживаю за вас. Не надо думать, что у меня в груди булыжник вместо сердца. Я же понимаю, что вы страдаете, но не считаю, что так, как это делаете вы, можно справиться с

раной.

— А! Так все-таки раны не только у вас бывают, — язвила Аня под удивленные взгляды Женьки.

— Прошу, давайте встретимся.

— Хорошо. Где и когда.

— Если можно — сегодня после трех в том же кафе. Если нет — когда скажете и где захотите.

— Я подумаю. И перезвоню.

Аня нажала кнопку сброса вызова и посмотрела на часы. Полпервого. Если рвануть сейчас домой, переодеться и добраться до того кафе — времени в притык. Но бежать, сломя голову, на встречу к Виктору Андреевичу она не собиралась. Конечно, все ее существо ликовало и рвалось поступить именно так, но Аня в кои-то веки воспользовалась волей. «Пусть помучается, пусть подождет» — пронеслось в голове. Даже если на самом деле для него эта встреча не будет значить ничего.

— Кино остается в силе? — Женька подошел и заглянул в глаза.

— Да. — Аня кивнула.

— А Стержень чего хотел?

— Кто? Это Виктор Андреевич, что ли?

— Ну, да.

— Ничего особенного. Переживает, что на занятия не хожу, а ему успеваемость надо. Вон, и за экзамен мне отличку поставил, несмотря на то, что я не учила.

— А чего так?

— Из принципа. Чего учить, если все равно пятерку поставит.

— Нормально, — Женька повел широкими плечами. — А мне так не прокатит... Слушай, может он к тебе равнодушен?

— Надеюсь, ты шутишь! — наиграно улыбнувшись, произнесла Аня. А мысленно твердила: «Если бы это было так...»

Сидя в полутьме кинозала, Аня пожалела, что сразу не согласилась на предложение Виктора. Сейчас внутри свербело от желания вырваться из рядов обитых бархатом кресел и помчаться в кафе. Корила себя за то, что не согласилась сразу. Вдруг, он передумает? С трудом подавляя волнение, Аня досидела до конца сеанса. Выходя в фойе, набрала номер Виктора Андреевича.

— Алло. Я приду, но чуть позже. Будете ждать?

— Конечно.

— Тогда до встречи.

— Резко ты с ним, — хмыкнул Женька, придерживая для нее дверь.

— А с такими по-другому нельзя, — жестко ответила Аня, хотя в груди все пело и благоухало...

Женька проводил ее до подъезда, чмокнул в щеку на прощание и скрылся в арке двора. Аня постояла у двери, скользя взглядом по окнам — распахнутым или прикрытым шторами. Ни в одном из них не было ни души. Только цветочные горшки и наклейки, оставшиеся с Нового года. Так и не зайдя в подъезд, она развернулась и тоже покинула двор.

Глава 20

Однокомнатная квартира с мизерной кухней, совмещенным санузелом и спальней в

двенадцать квадратных метров. Скучная обстановка, лишённая телевизора и микроволновой печи, изобиловала книгами. Они лежали и стояли повсюду — на полках шкафа, на письменном столе, подоконниках, под кроватью. Стандартная берлога великовозрастного ботана. Наверное, Виктор и впрямь был таким — жадным до знаний и равнодушным к комфорту. Правда, не считал себя таковым, предпочитая термин «учитель» и ссылаясь на прожитые годы. Съёмное жильё его вполне устраивало — десять минут пешком до работы, нет шумных соседей, и хозяева появляются на пороге только в конце месяца.

И потом, Виктор не предполагал оставаться здесь надолго. Его в Москве держало только одно дело, на которое положено уже достаточно средств материальных и душевных. Но Виктор не отступал, слепо веря вспыхнувшей много лет назад надежде. По крайней мере, он не собирался здесь задерживаться до того, как проведет первые лекции. Как же потрясла его та встреча! Прежде Виктор встречался с похожими на знакомых людьми, даже с абсолютно идентичными лицом, но это не поражало его так сильно. Может потому, что в этот раз он увидел копию близкого человека, которого уже давно нет на свете?

Но Виктор сумел взять себя в руки и сосредоточиться на том, зачем приехал именно в этот университет. Никто, даже родители не знали про истинную причину, из-за которой он сорвался с насиженного места и умчал в столицу. Иначе, они принялись бы отговаривать, пытаясь втолковать, что и так двадцать лет потрачены на бесплодные расспросы и штурмы казенных заведений. Даже собственный разум иной раз твердил, что затея с частным детективом и переездом бредова. Но Виктор не мог остановиться. Все, что у него осталось — вера в чудо и надежда, что оно случится. Иначе, ему станет незачем жить...

Виктор искал свою дочь. Двадцать лет без отдыха, покоя и успеха. Иногда ему казалось, что он нашёл её, или хотя бы напал на след, но в итоге оказывался у разбитого корыта. Около года назад Виктор решил прекратить самостоятельные поиски и нанять профессионала. Теперь подобных специалистов развелось множество, сложнее было найти среди них настоящего. Но тут Виктору помогла природная жилка разбираться в людях.

— Сегодня все решится, — шептал он, измеряя шагами ширину спальни.

К двенадцати нанятый детектив обещал прийти с результатами. Но стрелки часов крались к единице, а дверной звонок до сих пор никто не потревожил. Волнение не давало Виктору присесть, но топтаться по комнате он устал. Кроме того, в голову лезли воспоминания, которые он гнал от себя все это время. Глубокие серые глаза, пепельные волосы, непослушно выбивающиеся из причёски, впадинка над губой, как у самого Виктора... Анна снилась ему по ночам, манила, увлекала за собой, а потом растворялась в звуках будильника. Удивительное сходство с Галиной и в то же время заметные различия. Другая, но от того не менее привлекательная и желанная...

Виктор клял себя за слабость, изнурял чтением самых бредо-философских книг, но не мог справиться с чувством, всецело завладевшим душой. Одно её имя приводило в волнение, сбивало дыхание с ритма. Немудрено, что Виктор не сдержался и допустил оплошность, а Анна заметила. Хорошо ещё, что он вовремя пресек её мечтания. Пусть самому было паршиво и гадко заглядывать в наивные по-детски глаза и чеканить отказ. Но как живо, как горячо и страстно оказалось её признание!

Звонок в дверь вырвал Виктора из воспоминаний. Не раздумывая, поспешил в прихожую — открывать. На пороге, со скучающим видом осматривая лестничный пролет, стоял детектив — парень лет двадцати пяти. Среднего роста, щуплый, с растрепанными каштановыми кудрями, носом-картошкой и раскосыми глазами. При первой встрече Виктора

смutilа его внешность, теперь же он привык. И даже называл детектива по имени и отчеству — Антон Валерьевич, несмотря на возраст. Во многом из-за того, что дело свое он знал, и за год добыл информации больше, чем сам Виктор за десятки лет.

— Есть свежие новости, — с порога вместо приветствия произнес Антон.

— Проходите, — Виктор жестом пригласил его в квартиру.

Не разуваясь, детектив минул прихожую и уселся на кухонном стуле. Не обращая внимания на засуетившегося около чайника Виктора, Антон принялся копаться в портфеле.

— По переданным биоматериалам, то бишь, волосам, — манера изъясняться у Антона тоже была особенная: с переплетением старинных слов и современного подросткового сленга. — Результат отрицательный. В обоих случаях.

Виктор вздрогнул, заварной чайник в его руках жалобно тренькнул, ударившись о тумбочку.

— То есть не она...

— Нет. Ни та, ни другая. Кстати, на вторую зря тратились, я же говорил, что девчонка из неблагополучных — фотки показывал.

— Извините, Антон Валерьевич, но в моем положении будешь цепляться за каждую нитку, — убито пробормотал Виктор. Очередная надежда рассыпалась, чуда не произошло. Только верил он не в Деда Мороза, и разочарование оказалось соразмерным. В душу заползали тоска и безразличие.

— Да мне-то что! Деньги ваши. Тэкс! — Антон извлек из портфеля несколько мятых листов и довольно разгладил их на миниатюрном овальном столе. — Вот, про первую тоже нашел — не наш вариант. Подкидыш, но возраст и время находки не сходятся. Ее тоже не сразу в детдом отнесли, но приютившая бабулька нашла на два дня раньше, чем пропал ваш ребенок.

— Спасибо вам, сам бы я так не разузнал, — выцветшим голосом произнес Виктор.

— Да не за что пока, за работу я не спасибам беру, а вот насчет благодарности — есть нитка! Причем, конкретная, — Антон перевернул листок.

— Как? — удивился и вместе с тем обрадовался Виктор. — Мы же с вами всех приемных детей Тверских перебрали!

— Да. Всех. Но тут тоже косяк — мы на детей опирались, а я тут прикинул — если те, кто ребенка украл, решили это скрыть и при этом оставить его в живых, то они не стали в Тверские детдома соваться. Опасно, чревато расспросами...

— То есть они могли переехать ради того, чтобы присвоить мою дочь?!

— Вполне. Но до переезда я не догадался. «Пробил» семьи, которые приемных детей усыновили на территории вашего района. И вот что интересно — неподалеку от вашего дома жила семья. Муж с женой, лет семь — без детей, а потом удочерили. Причем, девочка — с Московской области. Вот только по документам в детдом ее они же и принесли. Я смотался туда и с соседями поговорил, потому что сами они уже съехали. Так вот, нашлись такие, кто этих супругов помнит, более того — помнят и про ребенка. Вот только бабуси местные утверждают, что ребеночек появился до того, как парочка в Москву уезжала. Соседи, конечно, не в курсе, но получается, что эти двое сначала ребенка где-то взяли, а уже потом отвезли его в Подмоскoвье и усыновили, как подкидыша. Потому что весомого повода под Москвой обретаться у них не было: ни родственников, ни больниц толковых, ни дефицита. Кстати, по документам из архива — девочка предположительно трехмесячная, была найдена на вокзале, а не в Твери.

— Неужели, она?! — выдохнул Виктор.

— Не берусь утверждать, но очень похоже. Я эту семейку раскрутил, но они уже давно в разводе — как раз незадолго после усыновления. Жена где-то в Москве, а муж все еще в Твери. Я с ним встретился, но он утверждает, что ребенка и впрямь нашли на вокзале. Вот только не склеился наш диалог — он начал путаться, а потом и вовсе разозлился и чуть взащей меня не вытолкнул. Так что, кажется мне, что мы на верном пути.

— А женщина с ребенком? Ты выяснил, где они? — от волнения перешел на «ты».

— Еще нет, решил сначала к вам заскочить. Но выясню, — Антон встал из-за стола, сгреб бумаги и убрал их обратно в портфель. — Вот и все. Как будут новости, я позвоню.

— Да-да, обязательно...

Виктор проводил детектива к выходу, по пути достал из кармана повешенного на двери ванной пиджака деньги, протянул их Антону.

— Это за информацию и на последующие расходы.

Не пересчитывая, детектив сунул цветные бумажки в карман.

— Угу. Ждите звонка.

Когда за ним захлопнулась дверь, Виктор схватился за голову: где-то совсем рядом с ним жили муж с женой, укравшие его дочку, а он ничего не знал! Почему не пошел по дворам, вместо того, чтобы заливать горе водкой? Какой же дурак! А эти двое тоже хороши — они не могли не видеть расклеенных объявлений с просьбой вернуть ребенка. Не могли! Но все равно утаили, хотя в детдоме всегда можно было взять сироту!.. И все же она жива! Временами Виктора посещали крамольные мысли про кражи детей на органы. Правда, в те годы про такое и не слышали, но тогда о многом молчали. И вот теперь он почти уверен — Кристина жива! Вот только как с ней обращаются? Что успело случиться за эти годы? Виктор впервые задумался о том, что девочка выросла и неизвестно, в кого или во что превратилась.

Взбудораженный, он больше не желал разгонять воздух в квартире, а вышел прогуляться. Ноги стремительно уносили вперед, неведомо куда и зачем. Но Виктор не замечал, он пытался представить, как сейчас выглядит дочка? На кого похожа? Узнает ли он ее, когда встретится глаза в глаза?

Глава 21

Виктор пришел в себя около парка Горького. Высокие деревья, громоздкая акра, прутья ограды. Подивился, как далеко забрел от дома. Огляделся, соображая, в какой стороне метро и тут взгляд его зацепился за одно из лиц, мелькнувшее в толпе прохожих на той стороне улицы. Присмотрелся, щурясь на обжигающем солнце — Анна! Видеть ее в этот волнительный день оказалось чрезвычайно приятно. В душу пахнуло теплом, словно от печки морозной зимой. Виктор, не раздумывая, двинулся навстречу, но тут одернул сам себя — она шла не одна, а с парнем. Хотя, нет. Нельзя назвать так рослого широкоплечего мужчину лет за тридцать.

Отходя в сторону, чтобы его не заметили, Виктор поразился, как гадко стало внутри. Незнакомое раньше чувство собственнической ревности расплзлось там, выжигая прежнюю радость. «Что этому бандиту надо от Анюты?» — вспыхнуло в голове и не отставало все то время, что Виктор следовал за ними. От него не скрылось — Аня не скована в общении с этим мужиком, но и не открыта. Не жметя, не держится под руку — просто идет рядом и что-то рассказывает. Да и он тоже не стремиться ухватить ее за что-нибудь. Правда, смотрит так покровительственно, снисходительно.

Виктор закрипел зубами. Похоже, этот мужчина решил, что Аня уже в его постели, вот и не торопиться действовать. Следовать за ними дальше оказалось мучительно. Виктор остановился, взял себя в руки и поспешил к метро. В груди kloкотало, рвалось и натужно скрипело, словно у того слуги из сказки, который сковал свое сердце железным обручем.

Дома Виктор мгновенно заснул и проспал до утра. Но сон был мучительным, протяжным. В нем все смешалось: Аня, жена Галина, детектив и Анин спутник, неизвестная семейная пара... Будто актеры в театральной постановке, они сменяли друг друга, не оставляя при этом воспоминаний и смысла. Очнулся Виктор в десятом часу, мокрый и вымотанный.

Глядя в окно, вспомнил вчерашнюю «игру в сыщика» и уткнулся лицом в подушку. В один миг он стал противен сам себе — следит, подсматривает... Хорошо еще до подслушиваний не дошел! А ведь мог бы! Вот только к чему теперь метаться, грызть ногти и выть на луну? Он сам оттолкнул Анюту, а теперь хочет, чтобы она продолжала мечтать о нем, лить слезы и ждать, когда Виктор наконец-то плюнет на принципы и снизойдет в ее объятия? Глупец! Вскочил, подошел к письменному столу и принялся барабанить по нему пальцами. Чего он боится? Разбередить старую рану? Самого себя? Но если сейчас не попробовать окунуться в новое чувство, то он так и останется живым мертвецом.

Виктор схватил мобильный со стола и принялся искать в телефонной книге номер методического кабинета университета. Конечно, сейчас каникулы, но это — для студентов, а у преподавателей и администрации учебного заведения — сплошные будни. Пять минут — и на чистом листе формата А четыре красовались ровные цифры — стоит их набрать и он услышит Анин голос...

Но сделать это оказалось непросто. Несколько раз он нажимал кнопку с зеленой телефонной трубкой и тут же сбрасывал вызов, не дожидаясь гудков. Но последний раз замешкался и слишком поздно нажал красную кнопку.

— Ничего не поделаешь, — сказал себе, сглатывая слюну. — Придется звонить.

Борясь со страхом услышать отказ или даже неприкрытый посыл, Виктор снова набрал номер, лихорадочно придумывая вескую причину для встречи. Одно он знал наверняка — ему необходимо посмотреть в Анины глаза и все открыть, как есть. А там уже пусть она решает.

По тону ее голоса и язвительным ноткам понял — она еще любит. Пытается забыть, может даже — злиться, но безуспешно. Виктор обрадовался, подавляя проснувшееся либидо. И пусть сердится, пусть отговаривается — лишь бы пришла. Успокоился, только получив положительный ответ. После трех — а сейчас полпервого. Времени вагон, но сидеть дома или прихорашиваться Виктор не видел смысла. Хотелось поскорее добраться до условленного места и ждать, словно Аня придет в ту же секунду, что и он. Но Виктор отогнал все мысли прочь, впопыхах натянул костюм вместо шортов и футболки и вышел из дома.

Его энтузиазм сдулся от третьей чашки кофе за два часа. Официанты посматривали на засидевшегося посетителя без злости, но с любопытством. Виктор попросил меню и заказал еще кофе, все-таки сидеть просто так, ничего не покупая, было неудобно. Он уже сосчитал все полоски на переходе за окном, досконально изучил вентиляторы под потолком и изучил ассортимент магазинов напротив, а Аня все не шла. Правда, она и обещала позже трех, а стрелка едва доползла до десяти минут четвертого. Поразмыслив немного, Виктор заказал и суп с салатом. Видимо, ждать придется еще долго, а одним энтузиазмом и утренним бутербродом сыт не будешь.

Виктор просидел до шести, но Аня так и появилась на пороге. Да и придет ли? Теперь он сомневался. Отвернулся к окну, перестав мусолить глазами дверь, и задумался.

— Что вы хотели сказать? — раздался над ним звонкий голос Ани.

Взъерошенные волосы, сверкающие обидой глаза...

— Присаживайтесь, — Виктор подскочил, словно был не в кафе, а у себя дома, метнулся отодвигать стул. Но Аня уже сама присела напротив него. — Видите, я взволнован... Не знаю, с чего начать и как объяснить свое поведение здесь же... Но я не хочу, чтобы вы из-за меня ломали свою жизнь и бросались из крайности в крайность...

— Если честно, я пока ничего не поняла, — Аня улыбнулась, и у Виктора потеплело на душе. Голос стал тверже и решительнее, слова выстроились в ряд.

— Я видел вас вчера с другим мужчиной и хотел бы предостеречь от ошибок. Если я чем-то оскорбил ваши чувства — простите, но не надо уничтожать себя встречами с сомнительными людьми.

Аня повела бровями, будто все еще не понимала, о чем речь, а потом кивнула.

— А с кем мне встречаться? И кто вы, чтобы указывать? — с вызовом произнесла она.

— Никто. И сам в этом виноват — я понимаю. Но это не значит, что мне все равно. Я не хочу, чтобы ты встречалась с кем-то с досады...

— Да с чего вы решили, что с досады?

— Так он же вылитый бандит! К тому же лет на десять тебя старше!

— И что? Вы тоже меня старше...

— Я — другое дело! — сам не заметил, как попался на крючок, и проговорился. — Аня! Пойми, я отказал тебе тогда не потому, что ты мне не нравишься! Просто, я боюсь, что причиню тебе боль своим чувством, понимаешь?

— Почему? — дрожащим голосом спросила Аня. Похоже — с трудом сдерживала слезы.

— Потому что я не знаю, люблю ли тебя, или пытаюсь возродить к жизни того, кого похоронил много лет назад, — Виктор взял ее руки в свои, прижал к губам.

— Жена?

— Да. И ты очень на нее похожа!

— Серые глаза, светлые волосы? — Аня хмыкнула. — Как и у некоторых других студенток на дополнительных занятиях?

Виктор осекся, заморгал, решая, рассказать ли всю правду.

— Это другое, — отвернувшись, проговорил он. — Аня, дело в том, что кроме жены я тогда потерял еще одного человека — дочку.

Виктор замолчал. Перед глазами стояла пустая коляска с выпростанным одеяльцем и тело Гали с кровавым подтеком у виска...

— Как это случилось? — Аня сжала его руки в ответ.

— По версии милиции — камень попал в висок. То ли кинул кто, то ли от машины проезжающей отскочил... Извини, — Виктор отогнал видение. — Галя ушла в магазин с дочкой, хотела еще и погулять, а я сидел за учебниками — сдавал экзамен на следующий день... Она так и не вернулась, я бегал — искал, несколько раз мимо толпы на тротуаре проскочил. А потом уже от отчаяния в милицию рванул, а там мне телефон обрывают... Оказывается, я полдня мимо ее тела бегал...

— А ребенок?

— Ребенок? — словно очнувшись, откликнулся Виктор. — Украли. Вытащили из коляски. Сколько ни искали — все зря. Только я ведь не милиция, я руки не опустил и все эти годы дочку искал.

— Хотите сказать, Люда — ваша дочь?! — воскликнула Аня.

— Нет. Но я так думал. Она — детдомовская, как и Лариса. И они не первые, кого я считал пропавшей Кристиночкой.

— Красивое имя... — протянула Аня.

— Жена назвала, — отнимая руки, произнес Виктор и отвернулся. — Анюта, я не разобрался — люблю ли тебя, или пытаюсь воскресить в тебе Галю. Вот и не хочу своим болезненным чувством мучать тебя... Понимаешь?

— Не очень, — всматриваясь в его лицо, произнесла она. — У тебя все так сложно... Но может, стоит попробовать начать все с начала?

— Нет. Я себя не прощу, если исковеркаю твою душу. И потом, мне уже сорок три, а тебе — двадцать. Зачем тебе старый хрыч, вроде меня?

— Возраст — ерунда! — весело ответила Аня. — Главное, что мы любим...

— Нет, — оборвал Виктор. — Не надо строить ложных надежд.

— Зачем тогда позвал меня сюда? — на Анином лице отразилась сосредоточенность.

— Хотел объясниться... Увидел тебя в парке с этим чудовищем и не смог промолчать... — Виктор пожал плечами. — А теперь и сам не знаю — зачем...

— Витя, — горячо зашептала Аня. — Забудь про опасения, возраст и прочую ботву. Я тебя люблю, слышишь?! Люблю! И мне все равно что и как, главное, чтобы ты был рядом!

— Анюта... — попытался остановить он, но она продолжила, прижав к его губам ладонь:

— Не надо умных слов, не надо оправданий. Ты захотел увидеть меня, и в этом нет ничего плохого, захочешь обнять — я буду только рада. Но не надо после слова «люблю» гнать прочь!

— Никто не гонит... Просто я не могу дать тебе больше, чем имею сам — а это слишком мало, поверь.

Аня встала из-за стола, покачивая головой из стороны в сторону.

— Нет, Витя. Так не пойдет. И я не хочу больше слушать, как ты одной рукой меня ласкаешь, а другой — втыкаешь нож в сердце. Я понимаю, трудно вылезти на свет Божий из раковины, в которой законопатился много лет назад. Но если ты не вылезешь и не разберешься в себе — мне будет плохо. И неважно, с кем я попытаюсь забыться: с бандитом, олигархом, водкой или наркотиками. Ничего не требую, но буду ждать. Пока дышу.

Виктор не успел ничего ответить, Аня спешно направилась к выходу. Он рванулся следом, но на пути встал один из официантов:

— Не забудьте оплатить счет, — деликатно напомнил он.

Пришлось потратить время на поход к стойке и оплату заказа. Когда же Виктор вынырнул из прохлады кафе, Аня уже растворилась в массе пешеходов, бороздивших вечерние улицы. Он застыл у дверей, тщетно высматривая ее силуэт, а потом побрел домой, мысленно ругая себя. На горизонте возник призрак настоящей любви, а Виктор то мчится за ней, то бежит прочь. У витрины обувного магазина остановился, повернулся к рядам ботинок и туфель, виновато улыбнулся и произнес собственному отражению:

— Что же вы все-таки хотите, Виктор Андреевич?

Конечно же, оно не ответило. Да и как копия лица может подсказать то, что он и сам не знал?

Глава 22

Петляя между прохожими и лужами на асфальте, Аня спешила в метро. Было легко и вместе с тем — страшно. Он любит! Пусть не совсем ее, но все же любит! Ее не пугало, что Виктор ищет призрак бывшей жены. Другое заставляло сердце ныть от страха — вдруг он не найдет в себе сил сделать еще один шаг навстречу? Больше Аня ни о чем не переживала. Наоборот, чувствовала себя птицей в небе, выпущенной из клетки.

Расстояние от кафе до дома мелькнуло одной вспышкой. Аня едва впорхнула в квартиру, и тут же бросилась на шею к Сергею, выходившему с кухни.

— Серега! Спасибо тебе!

Он застыл, недоуменно моргая.

— Здравствуй. — Из кухни выглянула мама, сурово сдвинула брови.

— Привет! — Аня подошла к ней и чмокнула в щеку. — А ты чего так рано?

— Почему, рано? Уже седьмой час.

— Так ты последнее время раньше девяти не приходишь, — пробормотала, вспоминая, чем могла провиниться. Мамин взгляд не сулил ничего хорошего: хитрый прищур с налетом угрозы, поджатые губы. Похоже, она сердится за что-то на Аню. Вот только знать бы — за что? — Готовишь, что ли?

— Да. Кто-то же должен вас кормить, — опять непонятная язвинка в голосе.

— Ладно, мамусь. На меня можешь не готовить, — озорно подмигнув Сергею, произнесла Аня и умчалась в свою комнату.

Плюхнулась на не убранную с утра постель и выдохнула. Любит! Это слово заполнило все ее существо, стучало в висках, отдавало пульсирующими нотами в груди. Любит! Уже одно этого достаточно, чтобы рыдать и смеяться от счастья. Аня не заметила, как дневная усталость навалилась, незаметно утаскивая в волшебную страну сновидений...

Солнечный зайчик скакал по векам, щекотал ноздри. Аня чихнула и нехотя открыла глаза. Вместо залитой светом комнаты взору предстала темнота тучевого неба. Сквозь сумрак облаков просачивались солнечные лучи, шумел ветер и, кажется, накрапывал дождь, едва слышно постукивая по оконному стеклу. Аня оторвала голову от подушки и потянулась за мобильным. Который час? Надо же, она заснула, так и не переодевшись в пижаму! Если телефонный дисплей не врет — девятый час. Не успела вернуть телефон на тумбочку, как он зазвонил. Неужели, Виктор?

— Да! — не глядя, ответила она.

— Анютка! — мобильный разразился Карининым задорным голосом. — Сто лет тебя не слышала!

— Могла бы позвонить, — обиженно протянула Аня. Скорее из-за того, что ошиблась в звонившем, а не из-за того, что подруга, погрузившись в прелести сельской жизни, редко себя обнаруживала.

— Нет. Ты же знаешь, в моей глухомани ни одна сеть не ловит. Это сегодня мы в Коренную выбрались, вот и звоню, пока едем. Тут даже интернет ловит! Не то, что в нашем колхозе.

— Это в тот монастырь?

— Да. Хочешь, привезу тебе чего-нибудь?

— Нет, ты же знаешь, я не очень во все это... Кариш, ты там помолись за меня, что ли...

— А что так? Случилось чего?

— И да, и нет, — Аня села в кровати, сердце отбивало чечетку при воспоминаниях о вчерашнем свидании.

— Рассказывай уже!

— Я вчера встречалась с Виктором.

— С каким? Это с параллельного потока, что ли?

— Нет! С Андреевичем!

— Это с преподом нашим?! — удивленно воскликнула Карина. — Ты что, с ним закрутила? Вот отчаянная!

Аня рассмеялась.

— Да, я такая. Полная дура, но счастливая! Приедешь — все тебе расскажу, как на духу!

— Ловлю на слове!

— У тебя-то как? Не сгорела под палящим солнцем на плантациях?

— Нет. Что со мной сделается? Привычная. Сама знаешь, у моей семьи Курские огороды — пунктик. Мы, видите ли, не перезимуем без картошки и огурцов в банках! Так что, пашу понемногу. Дед кроликов завел, а лошадь — продал. Так что теперь тоскую по Гордее и тискаю пушистых ушастиков.

— Везет тебе, — искренне произнесла Аня. — А я тут парюсь через день — то дождь, то жара. Хорошо еще Серега с Женькой развлекают, а то вообще бы повесилась.

— Вот это да! У тебя там уже целый гарем!

— Нет, — смутилась Аня. — Серега — мамин без пяти минут муж, мы с ним сдружились последнее время, к тому же, он сейчас в отпуске, а Женька тот самый. Прощение просил, извинялся. Мы даже встречались некоторое время, а теперь просто общаемся. Как друзья.

— Все ясно, — подытожила Карина. — Подруга утопает в женихах, пока я вожусь с кроликами. Всегда так — кому-то воз, а другим — ни шиша! Ладно, потом расскажешь

подробности — я через неделю приезжаю и буду тебя пытаться. А то мы уже подъезжаем, телефон надо выключать.

— Пока!

Аня нажала кнопку сброса вызова и встала. Но дойти до ванной не успела. Видимо, сегодня предполагался день звонков. На этот раз в трубке мобильного послышался голос Женьки.

— Привет! Проснулась уже?

Он знал, что обычно Аня раньше десяти не встает, но все равно звонил раньше. Похоже, сгорал от любопытства. И она догадывалась — по какому поводу.

— Привет. Уже да.

— Разбудил? Извини. Просто хотел узнать — как прошло randevу со Стержнем.

— Нормально. Он умолял, я была непреклонна, — Аню забавляла скрытая Женькина ревность.

— А кроме шуток?

— Да ничего такого. Побухтел про учебу, я обещала не срывать успеваемость и взяться за ум. Все, — соврала она.

— Ты это, если он приставать начнет — говори. Я ему мигом приставалку откручу!

— Хорошо, — Аня улыбнулась. Как бы ей хотелось, чтобы Виктор начал приставать!

— Ну ладно... — Видимо, Женька собрался закончить разговор, но не успел, потому что вспомнил что-то еще. — Да, насчет Васьки не парься — я разобрался. Будет доставать — говори. Решу проблему.

— Хорошо. Спасибо, Жень, — нежно и искренне проговорила Аня.

— Не за что, — смущенно буркнул он. — Пока!

— Ну, — вопрошала она у пустой комнаты, — кто-то еще желает мне позвонить?

Настроение было озорное, даже вредное. Хотелось драть горло песнями «Ленинграда» и сыпать из окна на прохожих манной кашей. Аня добралась до ванной, вволю набрызгалась прохладной водой и вернулась в комнату. Что бы надеть, под стать настроению? Но не успела дойти до шкафа, как раздался новый звонок. На этот раз — Сергей.

— Анюта, спишь? — бодро отчеканил он.

— Уже три звонка как нет, — ответила, подражая его тону ответила.

— Слушай, я не понял вчера, за что ты на меня с обаяниями набросилась, но уяснил, что ты мне благодарна. Значит, я тебе помог. Помог и ты мне.

— Все, что пожелаете, в пределах уголовного кодекса, — рассмеялась Аня.

— Хорошее настроение? Поделись!

— Легко! Посмотрим сегодня Карлсона?

— Хорошо, но чуть позже. Анют, можешь за мамой последить немного?

— Что? — Анины брови метнулись на лоб. — Зачем?

— Она сегодня встречается с кем-то, а мне ничего путного не говорит. Темнит, одним словом.

— И ты ревнуешь?

— Немного. Но уже давно, — признался Сергей. — Чувствую, что есть у нее какой-то секрет, а мне не рассказывает, вот и злюсь. Поможешь?

— Попробую. Только где ее искать с тайным воздыхателем?

— Не смешно, — одернул он. — Насколько я расслышал — встречаются через полчаса у

метро Тушино.

— Хорошо, херр-майор! По ходу операции отчитаюсь.

— Ладно, — усмехнулся Сергей. — Жду сообщений.

— Давай, — ответила Аня и сбросила вызов.

Что ж, пошпионить за мамой — самое подходящее дело под сегодняшнее настроение. Пошарив в гардеробе, Аня натянула джинсы и футболку на размер больше, привезенную одним из бывших парней с Евро2004, натянула солнечные очки и бейсболку. Посмотрелась в зеркало и довольная результатом, пошла искать в Яндексе схему метро.

Глава 23

Единственный недостаток гостиничный номеров «Ассоли» — узкие ванные комнаты. Но, насладившись просторным номером с двуспальной кроватью, относительной тишиной и бесплатным шампанским для постоянных клиентов, на такие вещи уже не обращаешь внимания. Марина еще раз обтерла влажные волосы полотенцем, тряхнула ими, рассыпая по плечам. Эта гостиница оказалась спасительной соломинкой в отношениях с Сергеем.

Здесь можно было расслабиться и не думать, кто спит или бодрствует за стенкой — все равно этих людей Марина не знала. К тому же не возникало забот по уборке после бурных утех и не надо тащиться с упадком сил готовить легкий перекус для любимого. А его всегда пробивало на поесть, даже если «до» они забежали в ресторан. Для этого на первом этаже «Ассоли» держали уютное кафе в светлых тонах с длинными рядами столов и лавочек — под манер деревенских посиделок. Почему подобный дизайн прижился в заведении с названием морского оттенка? Может, хозяину нравилась такая обстановка, как и девиз, красовавшийся над входом: «Мы преданно ждем своих клиентов»?

Марина вышла из ванной, присела на кровать рядом с Сергеем, провела ладонью по его груди. Он не шевельнулся. Так и лежал, закинув руки за голову и глядя в окно.

— О чем думаешь? — спросила, прижавшись к нему щекой.

— У тебя кто-то есть? — неожиданно спросил Сергей, пытливо всматриваясь в глаза.

— Нет. Ты чего, Сереж? — Марина улыбнулась, но на душе заскребли кошки. Перед мысленным взором пронесли воспоминания о «Бешенном жеребце».

— Не знаю, — задумчиво протянул он, положил руку на ее плечо, сильнее притягивая к себе. — Ты какая-то странная последнее время, суетная. И когда я тебе в глаза смотрю — отворачиваешься или стараешься глядеть в другую сторону.

— Просто устаю. Сильно.

Марина выбралась из его объятий, делая вид, что обиделась. Села на краю, обхватив ноги.

— Не обижайся.

Сергей поднялся, сел рядом.

— Да я и не обижаюсь, — чувствуя, как в груди и впрямь разжигается обида, произнесла она. — Тебе странно, что я не кручусь вокруг тебя, а мне дико, что ты не понимаешь, что у меня каникул не бывает. И отпусков — тоже. Были бы — я бы не хуже Аньки с тобой всю Москву облазила!

— Мариш, ты что? Ревнуешь опять? — Сергей рассмеялся, обнял Марину со спины, нежно поцеловал в шею. — Не переживай: даже если бы она была не твоя дочка — она не в моем вкусе. Мне нравятся взрослые женщины, а не сопливые девчонки.

Его слова отозвались теплом в Мариной груди. Последнее время ее не отпускали подозрения на Анин счет. Казалось, что дочка так и вьется вокруг Сергея. А все из-за того,

что они сутками напролет оставались вдвоем в квартире. Кто знает, чем они занимаются, когда за Мариной закрывается дверь? Из-за этих подозрений она не раз срывалась на дочку ни за что ни про что. Правда, потом становилось стыдно, но избавиться от подлой ревности не могла.

— Нет, просто хочу, чтобы ты понял — сейчас у меня нет времени. Сюда и то выбираемся пару раз в неделю на ночь глядя.

— Так давай не будем тратиться, у нас своя двухспальная простаивает...

Сергей подался назад, увлекая за собой Марину.

— Я дома не могу, — с раздражением выпалила она. Ведь говорила уже! — крутилось на языке. — А тебе все неймется!

— И что, так и будем по гостиницам шаркаться? Помниться, у меня ты не стеснялась...

— Так это у тебя!

— И что? Там тоже соседи за стенкой. Причем — слышимость, как в музее!

— Но я их не знаю, — внутренне Марина покраснела, когда представила, чего наслушались Сережины соседи. — Кстати, почему бы нам туда не переехать?

На лице Сергея отразилось смятение.

— Хозяин чего-то мозг выносит, грозится выселением. Обождем месяцок — тогда все решится.

— Вот видишь! От меня требуешь свершений, а сам не можешь разобраться со своими проблемами!

— Сдаюсь! — Он улыбнулся и демонстративно поднял руки. — Так я ведь сопливый мальчишка, а ты у меня...

Сергей не договорил — приник к Марининым губам, начал ласкать грудь, сползая ниже... Но тут по комнате разнесся звон мобильного.

— Это мой, — отрываясь от губ любимого, виновато произнесла Марина.

Выбравшись из объятий Сергея, она подошла к креслу, где лежала сумочка с вопящим мобильным внутри. Достала телефон, на дисплее — неизвестный номер.

— Да.

— Марина? — густой басистый голос с долей дрожи. Она не сразу узнала его, но даже через девятнадцать лет не смогла забыть.

— Петя?.. — Глаза зачесались от просящихся на них слез. Поверить в то, что бывший муж нашел ее номер через столько лет! Разве это возможно? Но тут же осеклась — значит, ему что-то нужно от нее. Размякшее было сердце закрипело досадой. Опомнился! Кинул с ребенком, якобы, не смог врать людям в лицо, а теперь хочет чего-то! Сухо и жестко добавила, — что тебе надо?

— Мне надо поговорить с тобой. Насчет того ребенка. Он все еще с тобой?

— Да. Но это тебя уже давно не касается!

— Подожди злиться. Ты знаешь, что отец до сих пор ищет ее? И, похоже, скоро у него все получится.

— Как? — выдохнула, чувствуя, как холодеет в груди.

— Может, не по телефону? — предупредительно кашлянув, ответил Петр. Видимо, кто-то поблизости мешал ему говорить.

Сейчас и Марина вспомнила, что в комнате кроме нее есть и Сергей. Обернулась, ловя его сосредоточенный, прищуренный взгляд.

— Да, конечно. Так будет лучше. Где и во сколько?

— Можешь через полчаса у метро в Тушино?

— Наверное, успею, — посмотрела на часы — без пятнадцати десять.

— Тогда, до встречи.

В мобильной вместо голоса бывшего мужа поселились гудки. Марина сбросила вызов и прижала телефон к губам. На машине она не успеет и к обеду, значит, надо ехать в подземке.

— Кто звонил? — напомнил о себе Сергей.

Марина едва не вздрогнула. Что с ней твориться? Тревога звенела в ушах, застилала глаза. Незнакомый призрак из прошлого снова хочет отнять у нее ребенка! Хорошо, что Петя оказался на чеку, хотя, пока она ничего толком не знает... Но это — дело времени. Марина решительно принялась одеваться.

— Давний знакомый, — ответила, словно отмахиваясь от назойливой мухи. Сергеева ревность ее сейчас волновала меньше всего.

— Что хотел?

— Денег просил, что-то у него там случилось.

— И ты как Чип и Дейл спешешь на помощь?

— Я у него в долгу, — уклончиво произнесла Марина.

Одевшись, посмотрелась в большое зеркало на стене между окнами. Все в порядке. Не мешало бы чуть косметики, но она же не на свидание идет, в самом деле! Хоть и затеплился глубоко в сердце озорной огонек.

— Сереж, машину оставляю тебе. Сама на метро доберусь — так быстрее. Сегодня выходная, так что дома буду рано.

Не дожидаясь ответа и не глядя Сергеем в глаза, Марина поцеловала его в щеку и вышла из номера.

Книги на сайте - Книголюб.нет

Всю дорогу она не находила себе места. Охваченная то страхом потерять дочку, то волнением перед встречей с Петей, Марина смотрела в черное окно подземной электрички и кусала губы. Вдобавок ко всему стало мерещиться, что кто-то следит за ней. Оборачивалась, изучая контингент полупустого вагона и успокаивалась — пара старушек и компания студентов. Наконец-то двери распахнулись и веселый женский голос отчеканил: «Станция Тушинская».

Через минуту Марина стояла у входа в метро, выискивая взглядом знакомый силуэт. Никого. Только какой-то сутулый мужчина стоит к ней спиной с букетом ярко алых роз. Улыбнулась. В его возрасте поздновато караулить подруг у метро. Мужчина словно почувствовал, что на него смотрят и повернулся. Все внутри сжалось и развернулось в одно мгновение — Петя! Постаревший, с глубокими морщинами на лбу и впалыми щеками, но с такими же, как в молодости, озорными бездонными глазами... Мурашки побежали по спине от воспоминаний, как она утопала в них когда-то, таяла в объятиях... Все супружеские годы они горели страстью, как молодожены, но все кончилось, когда в доме появилась Анюта. Марина опомнилась, сжала кулаки. Дочке едва исполнилось полтора года, когда Петр собрал вещи и подал на развод. Он не смог смириться с «украденным» ребенком в доме. Так и не понял, что для Марины Аня оказалась ближе рожденного малыша!

— Здравствуй, — произнесла, подходя ближе.

— Здравствуй, — тепло ответил он, глядя на нее с восхищением. — Ты все так же прекрасна.

Петр протянул букет, задержавшись, передавая его.

— Спасибо. Теперь меня этим не удивить, — горько усмехнулась. — У меня десяток цветочных магазинов. Так что родные дарят мне все, кроме букетов.

— Извини, не знал, — смутился Петр. Кашлянул и отвернулся, будто старался не заплакать.

— Ничего. Я рада, — поднесла цветы к лицу, вдохнула аромат алых бутонов. Только они пахли так сладко и волнующе. — Как кусочек прошлого...

— Для меня оно оставалось настоящим все эти годы...

— Конечно. Именно поэтому ты ушел, — Марина опустила букет, сглотнула, проталкивая встрявший в горле ком.

— Ты знаешь, почему я ушел. Не могу врать — для меня это словно яд. И не терплю несправедливости. А ты... Сама знаешь. Для меня пытка растить ребенка и знать, что его ищет родной отец. Впрочем, ради тебя я так и не выдал тайну. До сих пор.

Петр сцепил руки, снова посмотрел Марине в глаза.

— Спасибо, — искренне ответила она. — Как раз про это я и хочу все знать.

— Да. Конечно, — засуетился бывший муж. — Присядем где-нибудь?

— Я редко бываю в этом районе, — оглядываясь, произнесла Марина. Ни одной вывески кафе поблизости. Если не считать Макдональдса.

— А я снял жилье неподалеку. Могу пригласить в гости, но не уверен, что ты согласишься... — Его взгляд скользнул по ее правой руке. — Не замужем?

— Пока нет.

— Значит, скоро будешь?

— Да. Совсем скоро.

Он закивал.

— Здесь недалеко кофейня. Прохладно и никто не помешает.

— Тогда, пойдем туда.

На обстановку заведения Марина не обращала внимания. Даже лица официантки не запомнила. Ее больше волновали глубокие Петины глаза и его рассказ.

— Недавно пришел ко мне какой-то щуплый смешной парнишка и стал расспрашивать про тебя и дочку. Если бы я начал что-то рассказывать, то непременно проговорился. Пришлось нагрубить. Самым хамским образом. Но пару фраз он все-таки вытянул. А я из него — что девочкин отец надежды не потерял и ищет ее. Будь осторожна...

Петр положил руку на Маринину, нежно сжал.

— Спасибо, что предупредил. — Она осторожно освободилась и посмотрела на часы. — Если это все, то мне пора.

— Конечно. Я не держу.

Марина встала, борясь со смятением, словно ураган пронесившемся в душе. Он до сих пор ее любит! Приехал, снял жилье, нашел номер телефона и добился встречи — все, чтобы еще раз увидеть бывшую жену. Но почему не сделал этого раньше? Мог же примчаться в любую минуту, заполнить прореху в семье. Одного его взгляда хватило бы, чтобы прошлые обиды растаяли, но не сейчас...

Уже отходя от столика, обернулась, борясь с желанием расплакаться:

— Почему ты не приехал раньше?

Петя встрепенулся, словно его облили холодной водой, вскочил, забежал взглядом по ее лицу.

— Я боялся. Ты же вслед кричала, что никогда не простишь, ненавидишь и будешь проклинать до самой смерти...

Марина ощутила, как по щекам потекли капли.

— Я не проклинала... Ни одного дня.

Петр сглотнул, прижал кулак к груди.

— Прости меня... — дрожащим голосом произнес он.

— Уже...

Грустно улыбнувшись на прощание, Марина покинула кафе. Спиной она чувствовала, как бывший муж провожает ее взглядом. Остановить не пытался. Значит, и впрямь помнит, что это бесполезно...

Глава 24

Аня прижалась лбом к стеклу подземной электрички. Озорное настроение сдулось под натиском взмыленных попутчиков, битком заполнивших вагон. Но выходить и ждать более просторного транспорта не стала — не было времени. И без того до Тушино ехать еще минут десять, значит, она в любом случае опоздает. Но это не страшно. Вообще, Аня не верила, что мама и впрямь нуждается в присмотре. С чего Сергей решил, что в этой встрече кроется что-то «криминальное»? Неужели, заразился патологической ревностью? Аня хихикнула. Но тут же погрустнела — в каждой шутке есть доля шутки, а остальное... Мама и правда становилась невыносима, когда видела Аню поблизости от Сергея. Придиралась, ругалась, ворчала, просто хмурила брови и недовольно хмыкала. И последнее было страшнее первого.

Как с этим бороться, Аня не знала. Как прежде проходить мимо друг друга с равнодушной гримасой? Даже если захотела, она не смогла бы этого сделать. Игнорировать того, кого считаешь другом, по меньшей мере — подло. Да и отказывать Сергею, когда он куда-то приглашает, Аня тоже не собиралась. Но не ради себя. Сама она сумела бы разогнать тоску, а вот кого начнет звать на посиделки Сергей, если она не согласится? Почему об этом мама не думает?

Двери открылись, выпуская на просторы платформы порцию облегченно вздыхающих людей. Щукинская. Осталась последняя остановка. Аня протиснулась к выходу следом за пожилым мужчиной. Пристроилась у двери, ища, за что бы ухватиться. Пару раз получив локтем в бок, ухватила за поручень над головой. Пара минут и двери снова распахнулись. Едва Аню выплеснуло на платформу, она поспешила к выходу. Правда, у какого именно искать маму никто не сказал, но не беда. Можно не торопиться — все равно опоздала.

Аня выбралась на улицу. Духота и автомобильные выхлопы ударили в нос, не оставив и воспоминаний о прохладе и вентиляции метрополитена. Огляделась — бабулька с цветами, две девушки у ларька с чипсами и колой, несколько знакомых по подземке лиц на автобусной остановке... Либо мама уже ушла, либо — не тот выход.

Пара минут по переходу — и Аня стояла перед стеклянными дверями, мешаясь на пути выходящих прохожим. Сил сделать еще один шаг не нашлось. На улице, глядя друг другу в глаза, стояли мама и... отец. Аня не сразу узнала — все-таки она давно не разглядывала единственную его черно-белую фотографию. Но нескольких мгновений хватило, чтобы током в мозгу вспыхнула догадка: «Это он!».

Аня хлопала глазами и сжимала кулаки. Людской поток иссяк, и она прижалась к стене, наблюдая, как безмятежно беседуют ее родители. В груди закипала ненависть. Как он мог! Двадцать лет ни слуху, ни духу, а тут на тебе — явился не запылился! Чего он хочет теперь? Увидеть дочь? А вот хрен с постным маслом! Аня кипела. Злость разрасталась, поглощая и

душную улицу, и яркое солнце, и новую череду пешеходов. Вырваться из метро, залепить пощечину отцу и утащить маму за руку... держалась. Выскользнула из дверей, скрылась за ларьком, впитывая каждую черточку отцовского лица. Только тут с удивлением и радостью отметила, что между ними нет ничего общего: черные волосы, поеденные сединой и лысиной, светло-карие глаза, крупный нос с горбинкой... Выходит, зря она скрипела зубами на собственное отражение — от отца ей не досталось ничего.

В кармане запищал мобильный. Вздвогнув, Аня поскорее достала его — Сергей.

— Да, — ответила, стараясь не привлечь внимания мамы и отца. Хотя их, похоже, ничто не могло оторвать друг от друга.

— Как там на невидимом фронте? — бодро, но с тревогой в голосе произнес Сергей.

— Я пока не могу говорить, потом перезвоню...

— Погоди, скажи хоть, с кем она?

— С отцом...

— Но он же погиб, когда ей было...

— Она с моим отцом, — ответила Аня и отключила вызов. А потом — звук на телефоне. Мама и отец направились вдоль по улице, надо было спешить за ними.

Около дверей кафешки, где они скрылись, Аня столкнулась с взъерошенным смешным парнем с раскосыми глазами. Он извинился и отошел в сторону, мельком поглядывая на заведение, а потом пошел дальше. Аня же застыла почти под самыми окнами. Жутко хотелось войти внутрь и подслушать, о чем говорят родители, но тогда сдержать эмоции будет сложнее. В голове не укладывалось, как можно спокойно беседовать с человеком, кинувшим тебя с ребенком на руках? Почему мама терпит его? Шантаж? Жалость? Или незабытая любовь? В голову закралась крамольная мысль: а что если они снова сойдутся, поженятся? Станут жить нормальной семьей... Нет! Аня тряхнула головой, сдерживая злые слезы. Теперь это уже невозможно!

— Какой ты мне отец, — шептала, отойдя к балкону соседнего дома. — Ты просто потрепанный жизнью старпер, вспомнивший вдруг, что скоро помирать, а рядом — никого.

Так и представлялось, что этот мужик, которого не хотелось больше называть отцом, сидит в пустой квартире и глушит водку с тоски. И жалеет, что когда-то ушел, хлопнув дверью от тех, кто его любил...

Аня замешкалась и не заметила, что мама показалась в дверном проеме кафе. Но, похоже, она и сама была не в состоянии видеть окружающих — спешно направилась к метро, вытирая щеки. Ждать, когда заведение покинет он, Аня не стала — ушла вслед за мамой.

Не успела Аня зайти домой, как из гостиной вынырнул Сергей, заиграл бровями, подзывая к себе. Скинув кроссовки, направилась к нему, но тут из кухни показалась мама.

— Где была? — с незнакомой грустинкой в глазах спросила она.

— С Женькой гуляли, — боясь, как бы не сорвался голос, ответила Аня. Грудь раздирало желание броситься к ней на шею, расцеловать, сказать, как сильно любит...

— Мы с Сережей тоже пройдемся, сходишь в магазин? Записка и деньги — на холодильнике.

— Конечно.

Мама прошла в свою комнату, увлекая за собой Сергея. Аня пожала плечами, мол, — в

другой раз. Как только за ними закрылась дверь, отправилась в магазин, чтобы не затягивать с поручением. Кроме хлеба, колбасы и прочих продуктов, прихватила мороженого. Пекущее солнце лизало фисташковый рожок вместе с Аней. А ей, на самом деле, сладкого не хотелось. Почему-то, любимое лакомство казалось приторным... Отец... А может, зря она ушла, не посмотрев ему в глаза? В груди неприятно копошилось сожаление. Конечно, налаживать с ним отношения не стоит, но хотя бы поговорить, узнать — почему? Почему он ушел? Почему не искал с ней контактов все эти годы? Жужжание в кармане вытаскило Аню из размышлений.

— Да? — ответила с долей надежды в голосе. Может, поговорив с мамой, отец нашел и ее номер?

— Вострикова, тебя вызывает Борис Венедиктович завтра с утра, — затараторила в телефонной трубке методистка Маруся.

— А что случилось-то? До сессии же еще далеко...

— Не знаю, но судя по его выражению лица — дело не терпит и до завтра. Просто сегодня выходной, а так бы он тебя и сейчас потребовал.

— Понятно.

— Так, я тебя предупредила, не опаздывай. А то он тоже куда-то собирался. — Через секунду в трубке раздались гудки.

Аня стояла посреди своего двора и соображала, что понадобилось от нее декану? Сессия сдана, никаких книг за ней не числится, долгов по оплате — тоже. Да и потом — для решения таких вопросов есть куратор. Декан такими вещами не занимается. Что ж, завтра она узнает об этом. А сейчас ей хотелось спать. Болезненная сонливость окутала Аню с головой, не оставляя иных желаний. Добравшись до кровати, Аня прилегла и не заметила, как уснула.

Очнувшись не поверила глазам — по комнате бледным лунным светом шарила ночь. Вскочила, вспоминая, что забыла разобрать сумки. Наверняка, мама с Сергеем уже пришли, почему тогда не разбудили? Не стали мешать? Включая по пути свет и зевая, Аня отправилась на кухню — захотелось пить, причем сильнее, чем несколько часов назад — спать. Шаря по стене в поисках выключателя, споткнулась о какой-то кулек под ногами.

— Кто додумался бросать пакеты под ногами, — проворчала вполголоса.

Электрическая лампочка вспыхнула, разгоняя тьму по углам комнаты. Аня удивилась — оказывается, топталась не по чему иному, как по собственной сумке с продуктами. Присела, заглянула внутрь — сливочное масло превратилось в блин под натиском полуразмороженной курицы. Только колбасе и сыру было комфортно в этой обстановке — они лежали сверху и потекшая птица стала для них мини-холодильником. Почему никто не разобрал покупки? Неужели, не заметили? Или пришли так поздно и устали так сильно, что на кухню уже не заходили? Скорее всего — да. Ведь и Аню никто не разбудил, наверное, решили, что она уже перекусила и легла спать. Быстренько распахав продукты по полкам в холодильнике, дошла до литровой банки с кипяченой водой и отхлебнула несколько глотков. Мама ругалась, когда видела такое, но доставать стакан не хотелось. Ничего страшного не случится, если немного пригубить «из общей».

Напившись, Аня вернулась в свою комнату, но от сна не осталось и следа. Лунный свет хозяйничал по кровати, сверху доносился скрип, из кухни в открытую дверь просачивалось мерное тиканье старинных часов. В вымороченной минувшими сновидениями голове было пусто. Утренние события казались нереальными. А был ли отец? Захотелось снова взглянуть

на его фотографию. Кажется, мама спрятала ее где-то в гостиной. Шаркая тапками, Аня направилась туда, включила свет и... тут же выключила. На разложенном диване спал Сергей. Что же случилось, если они с мамой впервые спят порознь? Поругались? А если причиной ссоры стало то, что он узнал про мамину недавнюю встречу? Поборов желание растолкать и расспросить его, Аня вернулась в комнату. Они взрослые и сами разберутся. И в том, что хотят знать и говорить друг другу, и в том, насколько доверяют.

— Надо подумать о чем-то хорошем, приятном... — уговаривала себя.

Кто может развеять тоску? Витя... С их второй встречи в кафе прошло несколько дней, а он все молчит... Нет! Не стоит думать об этом! Лучше просто вспоминать его глаза, мягкие губы, нежные прикосновения... Проведя ладонью по щеке, вздохнула. Села на кровать, обхватив ноги, и уставилась на окно, в которое бесцеремонно заглядывала луна. Надкусанный край, запятнанный лик... Она не стеснялась подглядывать за другими, взамен даря покров призрачного света. Чужое мнение ей неважно, как и стихи, написанные от подаренного ее образом вдохновения. Всего лишь неудавшаяся планета, ставшая спутником более успешной соперницы... Аня все смотрела и смотрела, пока ночное светило не расплылось перед глазами на множество звезд...

Глава 25

Утром Аня вскочила в полной уверенности, что опоздала в универ, но часы успокоили — нет и шести. Потянулась, отдавая дань дреме. Собственное тело казалось ватным, как всегда бывает, если поспать лишнего. А она, наверное, выспалась на неделю вперед. С кухни донесся звон посуды, и Аня поспешила туда — в одиночестве вчера насиделась, больше не хотелось.

На кухне мама хлопотала около плиты, нарочито гремя посудой и раздраженно бормоча что-то под нос. Слов Аня не расслышала, но поняла — мама не в духе.

— Доброе утро, — произнесла чуть охрипшим голосом.

— Доброе, — буркнула мама, не глядя в ее сторону. — Что с голосом? Опять вчера мороженое ела?

— Ну да, — Аня кашлянула, прогоняя осевшую в горле хрипотцу. — Совсем чуть-чуть. Это я просто со сна так...

— Со сна, — передразнила мама. — Знаешь, что холодное тебе нельзя, но все равно трескаешь!

— Так жарко вчера, я чуть-чуть...

— Да делайте вы что хотите! — раздраженно крикнула мама и снова принялась греметь посудой, расставляя чистые тарелки по полкам.

Аня вздохнула и села на табурет, уставилась себе под ноги. На полу чередовались квадраты и полосы желтого линолеума.

— Меня сегодня в деканат вызывают... — попыталась сменить тему разговора.

— Борис Венедиктович? — мама резко повернулась. — Что случилось?

— Не знаю. Вчера Маруся звонила, говорит — срочно. Подробности — сегодня в девять.

— Это поэтому ты ни свет ни заря вскочила?

Аня кивнула.

— Хочешь, я с тобой пойду? — недовольство выветрилось из маминого голоса, а на лице отразилась тревога.

— Не надо. Я же сама взрослая, да и у тебя на работе дел полно...

— Но как только выйдешь от него — обязательно позвони.

— Хорошо, может, тебе помочь?

— Не надо, — грустно вздохнув, ответила мама. — Иди умываться, в кои то веки позавтракаем вместе.

Аня и впрямь не помнила, когда последний раз они утром вместе сидели за столом. Мама убегала слишком рано, оставляя накрытую кастрюльку с кашей и бутерброды или сырники. А когда в выходные она оставалась дома, Аня вставала поздно и опять ела в одиночестве. Только сейчас поняла, как не хватало все это время утренних посиделок за столом. Конечно, за ужином так оно и было — и тут есть своя прелесть: поделиться новостями, переживаниями. Но вечером все устали и стремятся поскорее попасть в кровать. Утром — другое дело. Происшедшие обиды и трудности забываются, становятся незначительными, когда сидишь рядом с родным человеком и точно знаешь — пока есть он, можно справиться с любыми преградами и бедами.

Поспешно умывшись, Аня вернулась на кухню, чмокнула маму в горячую щеку и села рядом. На накрытом скатертью в клубничках столе остывала манка. В Аниной тарелке — с вареньем, как в детстве. Улыбнулась. Наверное, последний раз такую ела классе в девятом. Подняла глаза и осеклась — мама угрюмо копалась ложкой в каше, подперев щеку ладонью.

— Мамусь, случилось чего? — спросила осторожно.

— Нет. Все хорошо, — задумчиво ответила она.

Аня со своей кашей расправилась за пять минут, а вот мама так ничего и не съела.

— Мам, может, ты заболела? — Хотя, зная ее, напрасно вопрошать о здоровье. Иногда Аня шутила, что будь мама присмерти, все равно скажет, что чувствует себя отлично. Сейчас шутка показалась дурацкой.

— Да, что-то неважно себя чувствую...

— Так может, останешься дома? — Аня забеспокоилась — неужели, что-то серьезное?

— Не могу... — отложив ложку, ответила мама. — А идти так не хочется...

Из гостиной послышался шорох и скрип дивана. Похоже, Сергей проснулся и собирает постель. Мама поморщилась, словно он не ее любимый, а дальний навязчивый родственник.

— Пойду, прилягу, — произнесла она, вставая из-за стола. — Посуду помоешь?

— Конечно, — Аня тоже вскочила и принялась убирать тарелки. — Ты иди, отдыхай. Может, в аптеку сбежать или еще чего?

Мама улыбнулась, погладила ее по волосам.

— Не надо. Все хорошо, просто я очень сильно устала.

Через несколько минут после того, как мама ушла, в дверном проеме кухни показалось заспанное лицо Сергея. Заспанное и хмурое.

— Привет, — произнес он, почесывая затылок.

— Привет. — Аня вытирала посуду, убирая сухие тарелки на полку.

На кухне повисла тишина. Расспросы по поводу отношений между мамой и Сергеем казались некорректными. По крайней мере, пока мама была дома.

— Что на завтрак? — Сергей плюхнулся на угловой диванчик.

— Каша, — Аня приподняла крышку кастрюли, — была...

Он хмыкнул, подошел к ней.

— Ну что за детский сад!

— Поссорились? — не выдержав, вполголоса полюбопытствовала Аня.

— Ага, — Сергей шагнул к холодильнику. — Видишь, даже кормить меня не хочет.

Хорошо еще, колбасы купила.

— Это я вчера, — опираясь на раковину, лицом к нему произнесла Аня. — Чего не поделили-то?

— Не знаю, — неохотно ответил Сергей, нарезая бутерброды. — Спросил у нее, когда пойдем брачный контракт подписывать и в ЗАГС подавать, а она вспылила... А что там вчера было? Расскажешь?

— Ну не сейчас же! Мама пока дома, а потом мне в универ надо.

— Понятно...

Сергей налил в стакан молока из холодильника, сел за стол и принялся завтракать.

— Мне тоже надо на квартиру съездить. Может, пересечемся?

— Давай.

Аня кивнула и направилась к выходу, но уйти не успела.

— Компанию не составишь? — отвлекшись от еды, окликнул Сергей. — Как-то неуютно одному есть. Привык уже с Маришкой... — Он замялся и снова приступил к завтраку.

Аня вернулась, села на соседнюю табуретку и, как недавно мама, подперла щеку рукой, наблюдая за убывающими в Сергеевых руках кусками хлеба и колбасы. Он поднял глаза, отпивая молока, а потом отставил стакан и улыбнулся.

— Анька, вот ты на мать не похожа совсем, а жесты, мимика — один в один.

— Бывает, — философски-шутливо ответила она, отвечая улыбкой. — Ты с нами годок-другой поживешь, и тоже станешь походить.

— Да, наверное... — Сергей погрустнел.

Разговор развалился, и теперь они сидели в тишине, разбавленной стуком кухонных часов. Что такое три бутерброда для мужчины? Максимум пять минут делов и изжога. Сергею потребовалось не больше. Страхнув крошки со стола, он встал и подошел к раковине — мыть стакан. Аня не стала дожидаться — отправилась к себе. И без того поняла, что ляпнула что-то не то, и теперь чувствовала себя виноватой. Ни мама, ни Сергей ничего не рассказывали, поэтому оставалось только догадываться, что между ними произошло. И все больше Ане казалось, что ссора случилась из-за ее слежки. От этого становилось еще хуже, но вернуться назад нельзя. Зато можно ретироваться, чтобы в одиночестве глушить воззвания совести.

Через два с половиной часа душная заполненная маршрутка, натужно рыча и пуская выхлоп, мчала Аню в университет. Она сидела в самом конце микроавтобуса, наблюдая за черными клубами дыма, тянувшимися за ним. Машины, немилосердной волей госпожи пробок вынужденные пристраиваться сзади чадающего общественного транспорта, пытались резко перестроиться, уступая место другим «счастливчикам». Аня скользила взглядом по разномастным авто и их владельцам — насколько могла рассмотреть. В каждом салоне кипел островок отчужденной жизни. Мужчина сосредоточенно вцепился в руль, зорко следя по сторонам — на номере код Питера. Может, впервые в Москве, вот и насторожен, растерян? Рядом — девица с броским макияжем беззаботно трещит по телефону. А на той стороне улицы мечется пешеход, пытаюсь проскочить четыре полосы дороги. Неужели не видит надземного перехода над головой?..

Маршрутка дернулась, опрокидывая пассажиров, которым не повезло занять сидение. На Аню грудью навалилась плотная женщина в строгом костюме, в нос ударил острый запах

ландыша. На ее лице, словно маска, скопилось равнодушие. Словно она, как компьютер, включила ждущий режим. Доедет до нужной остановки и отомрет, расталкивая соседей локтями. Как и почти все попутчики... Город либо ломал людей, либо превращал в роботов, которые оживали только дома, в кругу родных и близких, а иногда и вовсе оставались искусственными...

Сдержав чих, Аня выбралась из-под грузного тела попутчицы и принялась пробиваться к выходу. С радостью глубоко вдохнула, освободившись из железного плена микроавтобуса. Но тут же не сдержалась и чихнула, спугнув воробья, ютившегося под крышей пластиковой остановки.

До университета оставалось несколько шагов, но чем ближе Аня подходила, тем больше ею овладевала тревога. Мотивы Бориса Венедиктовича оставались загадкой, но, если верить слухам, в изобилии витавшим под сводами универа — хорошего ждать не стоило. Декан принадлежал к типу людей, которые во всем и везде ищут корысть. Если когда и было иначе — история об этом умалчивала.

Подавляя волнение, Аня преодолела ступеньки крыльца, проходную с улыбчивым охранником дядей Федей, недоуменно проводившим ее взглядом. Два лестничных пролета — и она шаркала кроссовками по широкому коридору, по углам которого прятались тени. Здание университета не подавало признаков жизни — пустые аудитории, тишина, сквозившая отовсюду... Суета, говор студентов, превращавшийся в подобие сверчкового стрекота, размеренные звуки преподавательских голосов, резкие выкрики или грозные наставления, столовая толкотня... Все это испарилось с наступлением каникул. Вот только сейчас казалось, что здание этому не радо. Легкий ветерок, просачивавшийся в открытые форточки, наполнял лестничные пролеты вздохами, словно универ скучает по тем, кто лишал его покоя. Да... Никому не нравится одиночество. Даже каменным стенам.

Аня остановилась перед деканатом. Огромная железная дверь, обшитая кожей, золотистая табличка с крупными буквами. Прислушалась. Шорох бумаг, но он доносился из соседней аудитории. Вот, кто-то прошелся по коридору, стуча каблуками, звон мобильного, приглушенный голос... Нерешительно потоптавшись перед дверью, Аня постучала по мягкой обивке, а потом заглянула в кабинет.

Место секретарши Ирины пустовало. Правда, судя по разбросанным на столе бумагам и косынке, мерцавшей на мониторе компьютера — это явление временное. В два шага преодолев расстояние от двери деканата до непосредственно — Бориса Венедиктовича, Аня застыла. Всмотрелась в окно — серая бесформенная туча гналась за солнцем, стая ворон бороздила небо, мечась из стороны в сторону... Дверь резко распахнулась, на пороге — среднего роста полный мужчина в очках. Широкая лысина прикрыта волосами с затылка, куцые кляксы бровей, крупный нос с мелко подрагивающими ноздрями, тонкий рот с пухлой верхней губой. Борис Венедиктович недовольно окинул приемную взглядом и засопел.

— Где ее носит? — бесцеремонно буркнул он, кивая на сиротливый стул секретаря.

Ни тактом, ни особой вежливостью, декан не отличался. В любезность его могла повергнуть только очередная проверка.

— Здравствуйте, — пискнула Аня. Вид Бориса Венедиктовича действовал на нее, как удав на кролика. — Не знаю.

— А! — он махнул рукой, развернулся, чтобы вернуться в кабинет, но остановился. Его взгляд, как бы говоривший «чего вам всем от меня надо?!», уперся в Аню.

— Вы меня вызывали, — чувствуя, как дрожь ползет к коленкам, ответила она.

— Я? Хм... А...

— Вострикова Анна... — Конечно, декан не обязан знать всех студентов в лицо.

— Вострикова... Вострикова... — перебирал Борис Венедиктович, видимо, пытаясь вспомнить, что ему понадобилось от этой студентки. — Заходи, только времени у меня в обрез — говори все поскорее, — сразу установил рамки декан.

Он зашел в кабинет, опустил грузное тело в кожаное кресло, которое жалобно скрипнув, просело. Аня вошла следом и устроилась на обычном офисном стуле с железными ножками и подобием мягкой седушки. Осмотрелась, выжидая, когда декан начнет разговор. И потом — она первый раз посетила эту «цитадель», и даже страх перед руководителем универа не заглушил любопытства. Высокий потолок с лепниной, хрустальная люстра, напоминающая вереницу сосулек, два огромных окна с бархатными занавесками и тюлью, массивный стол с резными ножками и два книжных шкафа с папками. Над самой головой декана красовался портрет президента в золотистой рамке.

— Я слушаю, — на лице Бориса Венедиктовича отразилось раздражение. Мол, чего молчишь-то, мое время слишком дорого!

— Извините, но вы сами меня вызывали, мне Маруся... Мария Васильевна звонила — наш методист, — вежливо напомнила Аня, начиная трястись от страха под неприветливым взглядом декана.

— Я? Вострикова? — он поправил очки, посмотрел на стол, где под стеклом лежали бумажки с напоминками. — А! Вострикова Аня — четвертый курс, — Борис Венедиктович сощурился. — Как вы поняли — времени мало, поэтому я с вами церемониться не стану. Я знаю, что у вас роман с преподавателем...

Аня потеряла дар речи. Они с Виктором даже за руку не держались, а до декана уже донесли, чтобы между ними есть что-то большее. И она знала, кто мог распустить язык — Васька! Больше никому. Если бы не эта догадка, Аня бы мямлила, подбирая слова. Но ощущение того, что ябеда прячется где-то неподалеку, чтобы насладиться моментом, заставляло вскипать кровь в жилах.

— Вы о чем? — сухо ответила она, глядя декану прямо в глаза.

— Что? А! Так вы отпираться будете... Бесполезно. Даже больше вам скажу — весьма напрасно и на пользу вам не пойдет. Несколько студентов видели вас с Виктором Андреевичем в кафе. Правда, сначала они показали на другую студентку... как ее... Неважно! Мне пришлось очень серьезно с ней побеседовать — гораздо серьезнее, чем с вами, поверьте. Я даже был готов отчислить ее с бюджетного места...

Это Люда! — вспыхнуло в Аниной голове. Вот откуда слухи об их романе с Витей! А она-то зря переживала, что он посмотрел на другую... Жалость сковала Анино сердце, когда представила, как досталось и без того замкнутой девушке по ее вине.

— Но ситуация вовремя разъяснилась, — продолжал вещать декан. — Это не делает чести ни вам, ни Виктору Андреевичу. Думаю, ходить вокруг да около не стоит, и потом, — он глянул на наручные часы, — у меня нет на это времени. Либо вы перестаете охмурять преподавателей, либо вылетаете из моего университета!

На крик Борис Венедиктович не переходил, просто повышал голос в наиболее значимых местах. Видимо, ситуация была для него обыденной, и сейчас из его рта текла стандартная лекция о вреде романов между студентами и администрацией.

— Вы все поняли? — подытожил он.

— Да, — таким же покровительственным тоном ответила Аня. — Вам кто-то

ная бедничал и вы поверили. Между мной и Виктором Андреевичем, — запнулась, произнося его имя, словно иголка кольнула в язык, — ничего нет. А было бы — я бы у вас совета не спрашивала, потому что это уже личное дело каждого человека.

Аня зажмурилась — ждала потока гневных слов, отповедей и угроз, но вместо этого раздался скрипучий смешок. Она открыла глаза — похоже, декан был более чем в хорошем настроении. Брови подрагивали, губы растянулись в улыбке.

— Ну-ну, — успокаивающе произнес он. — У вас есть время подумать. И не надо кипятиться, не вы — первая, не вы — последняя. А теперь — идите.

Аня не нашла, что ответить. Все внутри требовало протеста, но мозг здраво советовал не делать этого. Похоже, декана не проймешь. По крайней мере, не сопливой студентке доводить его до нервного срыва. Борис Венедиктович встал и прошел к двери, открыл ее, словно джентльмен.

— До свидания.

— До свидания, — пискнула Аня.

Вся ее решительность испарилась, и теперь хотелось только одного — скрыться с глаз долой. Она ретировалась, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Не глядя, распахнула дверь деканата и воткнулась в чью-то широкую грудь. Подняла глаза — Виктор! Лазурные глаза подернуты воспаленными сосудами, лицо помято. В носу щекотал его запах — такой родной и желанный... Аня ощутила, как по спине и ногам побежали озорные мурашки. Задержалась ненадолго, наслаждаясь его теплом...

— Добрый день, — вяло поприветствовал Виктор, осторожно отодвинулся от Ани и направился к Борису Венедиктовичу. Он так и не посмотрел на нее, ничем не выдавая волнения. Неужели, решил забыть, сковать свои чувства? Аня проследила за ним глазами и осеклась, столкнувшись взглядом с деканом. Он насмеялся. Это сквозило в каждой черточке его аляпистого лица. Видел ее насквозь — не иначе. Аню охватила досада — как так! Она так рьяно отстаивала свою репутацию, а тут сдала себя с потрохами!..

И ведь не трудно догадаться, о чем между деканом и Виктором пойдет разговор... Аня выскочила из кабинета, быстрым шагом направилась к выходу. А он тоже хорош! Так и не позвонил...

— Ты чего приходила-то? — ласково окликнул на проходной дядя Федя — добрый старичок с впалыми щеками и морщинками вокруг глаз.

— Да так, — ответила Аня, не сдержав слез.

— Начальство наругало? Не надо плакать, — успокаивающе произнес он. — Все переменится.

— Спасибо, — не глядя в сторону дяди Феди, она выбежала из универа. Утешения — не то, что ей сейчас нужно. И потом, Аня испугалась, что от ласковых слов разревется еще сильнее... Достала телефон, набрала номер Сергея. Жесткий, но четкий совет — вот что будет в самый раз.

— Сережа, я около универа, можешь подъехать?

Назвав адрес, Аня отошла в сторону от здания, чтобы ее не было видно из окон.

Глава 26

Грузные тучи заполонили небо, пожирая скудные солнечные лучи. Ветер гнал пыль по тротуарам, застревал в волосах. Аня с тревогой поглядывала на небо, жалея, что не додумалась прихватить зонт. Где же Сергей? Минуты тянулись часами. Аня с надеждой всматривалась в проезжающие мимо автомобили, выискивая знакомый темно-синий Фольксваген пассат. И как всегда, когда ждешь, каждая выныривающая из-за поворота машина казалась похожей на Сережину. Аня нетерпеливо топталась на месте, в голове роились мысли одна другой неприятнее, но она старательно гнала их до времени.

То, что Борис Венедиктович выдвинул ей ультиматум — не беда. Можно без особых проблем перевестись в другое учебное заведение. Правда, хлопот не оберешься, да и маме придется все рассказать... А вот то, что Виктор смотрит сквозь нее... Это было невыносимо. Аня снова и снова вспоминала скользкий мимо взгляд уставших глаз и не знала, чем его оправдать. Не хотел выдать ее? Если бы это было так! Аня посмотрела на часы — прошло только пять минут, а показалось, что полчаса! Где же носит Сергея? Хотя, она даже не знала, где именно он сейчас находится. И не спросила, через сколько будет на месте...

Асфальт под ногами начал темнеть под мелкой моросью. Аня поежилась, ища взглядом, куда бы спрятаться. Недолго думая, перешла дорогу и устроилась под аркой соседнего здания. Кажется — банк. Через стеклянные двери на нее поглядывал охранник — дебелый парень в синей форме с бейджиком. Он наблюдал скорее равнодушно, от нечего делать, чем и вправду заинтересовался подмокшей девчонкой, спрятавшейся от дождя под сводами вверенного ему учреждения. Аня уставилась на дорогу, надеясь, что Сергей не проедет мимо. Мельком поглядывала на крыльцо университета — вдруг Виктор выйдет вслед за ней?

Десять минут... Пятнадцать... Дождь разрастался, обливая улицы холодом и крупными каплями. Аня поежилась, застегивая олимпийку, сцепила руки на груди. Вот еще один автомобиль пронесся мимо, брызгая грязью во все стороны...

— Что, шалава, стухла? — раздался за спиной знакомый и вместе с тем до одури неприятный голос.

Аня даже оборачиваться не стала. Если Ваське хочется поговорить — пусть сама подойдет.

— Любовничка ждешь? — голос раздался уже ближе, совсем за спиной, но Аня продолжала молчать.

А обернуться хотелось. Прямо-таки распирало от желания резко повести плечом и вмазать нахалке звонкую пощечину. Нет, — одернула себя, — не стоит руки марать.

— А-а! — понимающе подытожила Василиса, равняясь с Аней. — Не соизволяем отвечать! Очень гордые! Ты что же думаешь? Раз кобелек твой бывший мне пригрозил, так я от тебя отстану?

Молчание. Только не сорваться. Аня поняла это в ту же секунду. Если на Женькины попытки разобраться такая бурная реакция, то удара в челюсть Васька не простит никогда. И неизвестно, что еще взбредет ей в голову.

— Хм! А ты дрянь! Бросила парня, а потом еще и на других его натравливаешь! И добры бы дала, как нормальная девка! Не-е-ет! Ты свое богатство все для кого-то бережешь... Уж

не для Стерженечка ли?

— Это не твое дело, — не выдержала Аня, с трудом сдерживая кулаки.

Она может ударить. И Васька не успеет ничего сделать, просто потому, что Аня сильнее, хоть и ниже ростом. Ходила в детстве в секцию бокса — мамина прихоть. Правда, всего полтора года. А потом мама сама забрала ее документы при виде синяка под глазом и опухшей щеки. Но и этих знаний хватило бы, чтобы всадить Ваське в глаз и... А что потом? Перейти на другую сторону и мокнуть под дождем?

— Ошибаешься, — прошипела Василиса у самого Аниного уха. — Мы эту несправедливость скоро поправим...

Где же Сережа? Сердце скулило, как брошенный щенок. Пульс отбивал румбу в висках, глаза заболели от напряжения. Аня впивалась взглядом в горизонт, словно могла глазами выпечить оттуда Сережку.

Василиса отошла, многозначительно поглядывая в ее сторону. Достала телефон из кармана. Писк нажимаемых кнопок, звук и вибрация полученного сообщения — все сопровождалось смешками и неразборчивым шепотом. Аня отвернулась, подошла к самому краю арки так, что косые капли падали на кроссовки. Самое правильное и обидное для Васьки — игнор. Безмолвно-равнодушный посыл бесит сильнее, чем колкие слова.

Мимо в очередной раз промчался автомобиль, орошая обочины и тротуары, Аня вздохнула, наблюдая, как грязная вода стекает с обуви. Пусть так. Все лучше, чем находится в непосредственной близости от человека, который тебя ненавидит. Визг тормозов — и черный ниссан сани с помятым боком пристроился около арки. Аня удивилась — кто решил бросить машину, перекрывая проезд?

С заднего сиденья автомобиля вылезли два парня — один среднего роста, коренастый, в белой футболке с черепами и тату на плече в виде кобры, другой — лысый, длинный, тощий, с массивной головой на бычьей шее. Переглянувшись, они направились в арочный проход. Аня инстинктивно проследила за ними взглядом и охнула, когда парни направились напрямик к Ваське. Сердце уже не ныло — оно бешено отбивало чечетку, стремясь вырваться из груди.

— Принцесска! Кортёж прибыл, — насмешливо произнесла Василиса и двинулась к Ане. Парни последовали за ней.

— Проедемся до уголочка, — игриво и развязно сказал тощий, улыбаясь во всю ширь утыканного золотыми зубами рта. Аня никогда не видела его прежде, но сейчас в ее голове отчетливо прозвучали Каринины слова: «клеился ко мне... то ли Лысый, то ли Череп...». Ждать от Васькиных дружков чуда Аня не собиралась.

— Мне в другую сторону, — бросила она и выбралась из-под спасительного укрытия. Уйти. Убежать, скрыться от них, потому что неизвестно, что придет в голову мстительной однокласснице.

— Не так быстро, коза, — парень в белой футболке в два огромных прыжка оказался рядом, перекрыв дорогу.

Аня с надеждой посмотрела на банковского охранника и чуть не заплакала — он с интересом наблюдал за происходящим. Похоже, ситуация его забавляла, ее исход — тоже. Но вмешиваться наемный блюститель порядка, видимо, не собирался.

— Что вам надо? — пытаюсь унять дрожь в голосе, произнесла Аня. Хорошо, что дождь залил ее лицо, иначе отморозки увидели бы ее слезы. А их показывать таким типам ни в коем случае нельзя.

— Да ничего особенного, — ответила за дружков Васька, подходя ближе. Череп так и остался около машины, равнодушно скользя взглядом по сторонам и ежась под дождевыми каплями. — Просто поиграют с тобой ребята — и все. Еще и удовольствие получишь, глупышка, — последнее слово она выговорила по слогам с особым смаком.

— Я с вами никуда не поеду — учтите, — твердо заявила Аня. Плохо, что голос ее не слушался, да и зубы начали постукивать то ли от холода, прокравшегося к телу сквозь мокрую одежду, то ли от страха, выледилившего все внутри. — И если что-то случится — я пойду в милицию.

— Ха! — издал Череп пополам с гортанным всхрипом.

— Да че ты, коза, нас милицией пугаешь? — набычился обладатель белой футболки. — Знай — сунешься к ментам, значит, понравилось тебе, и мы тебя еще раз поймаем. И так — пока охоту не отобьет по казенкам шариться. Будешь хорошей девочкой, мы тебе даже в рот сувать не станем... — он хохотнул. — И разойдемся полюбовно...

Аню охватило отчаяние. Безысходное, превращающее мысли в кисель. Неужели так все и будет? Запихнут в ниссан, увезут неизвестно куда, а потом два или больше отвратительных подонка оттрахают ее в каком-нибудь клоповнике, а может и заморачиваться не станут — сделают это прямо в машине... Нет! Все ее существо воспротивилось этой мысли. Привлечь внимание, орать, отбиваться, тянуть время — сделать все, но не дать им власти над собой. Аня безнадежно огляделась по сторонам — никого. Даже банковский охранник скрылся куда-то со своего поста. Козел!

Пока предавалась размышлениям, стоявший перед ней Васькин приятель шагнул ближе, попытался схватить за руки. Хотелось зажмуриться, забиться в растрескавшийся асфальт и переждать там по уши в грязи, но Аня подавила в себе страх. Я сильнее, — твердила она, метя кулаком в скулу отморозка. Сама удивилась, когда почувствовала под костяшками пальцев небритую щеку. Он, похоже, тоже не ожидал такого отпора. На лице — растерянность, смешанная с мгновенно вспыхнувшей злобой.

— Сука! — взревел он и сгреб Аню в охапку.

Увернуться или еще раз вмазать ему в морду Аня не смогла. Да и как справиться с детиной выше и сильнее тебя? Лягалась, пыталась укусить, но ничего не выходило, подонок только сильнее сжимал ее в ненавистных объятиях. Тогда Аня изловчилась и зарядила ему пяткой между ног.

Рык, который никак не мог принадлежать человеку, огласил улицу, прорываясь сквозь пелену дождя. Васькин приятель разжал руки, хватаясь за ущемленное достоинство. Аня рванулась бежать, но не успела и двух шагов сделать, как цепкие руки схватили ее в капкан. Череп не стал церемониться — сразу потащил жертву в машину. Следом, сияя от радости, чуть не приплясывая, шла Васька.

— Ты попала, дрянь, — довольно процедила она, наклонившись поближе к Аниному лицу. — Рыха тебе за «дружка» по полной отомстит! Он у него — как у жеребца, так что готовь все свои дырки к неприятным приключениям.

Аня дернулась, за что тут же получила острым коленом в живот. Боль вонзилась в кишки, застревая в них пульсирующими нитями. Дыхание перехватило, в висках тарабанил дождь, застилавший мат и угрозы, сыпавшиеся из рта отживевшего Рыха.

— А я буду смотреть и фоткать, а потом твоему любовничку престарелому отправлю — пусть порадуется... — шипела Васька, пока Аню запихивали в машину. — И мамка твоя пусть посмотрит...

Если до этого Аня сдерживала слезы, то теперь зарыдала, сотрясаясь от всхлипов. Попыталась лягнуть Черепа, который заталкивал ее машину, но только еще раз получила — на этот раз по спине. Все зря! Никто не явится, подобно супермену и не раскидает подонков. Сколько таких случаев — и ни разу никто не пришел на помощь. Даже если бы все происходило ясным днем в толпе прохожих, никто бы не дернулся, чтобы остановить негодяев... Сердце затопила тоска, черная и беспросветная, как небо над головой... Только одно удерживало, чтобы не начать умолять похитителей — четкое осознание, что это не поможет. Зато доставит лишнее удовольствие Ваське и ее друзьям. Рядом суетился Рыха, изрыгая проклятья и ругательства. Ему явно нетерпелось «побеседовать» с Аней на заднем сиденье «полнободно»... Но эта мысль уже вяло ползла в ее голове, сознание отстранилось, пытаясь защититься от реальности происходящего...

— Руки вяжи, — услышала Аня за спиной голос Рыхи. — А то эта шалава будет всю дорогу рыпаться.

Возня за спиной, сменилась мощным толчком — Череп уступил место товарищу, который пинком втолкнул ее в салон ниссана. Оскаленное лицо Рыхи нырнуло следом, в руках — капроновая веревка. На Аню навалилась усталость, но сквозь нее снова прорвалось «я сильнее», поддавшись порыву, она зарядила подонку в морду обеими ногами сразу. Но на этот раз он был готов — перехватил и грубо сдавил их. Еще немного, и Анины кости захрустели бы под напором накачанных «клешней». Васька уже устроилась на переднем сидении и оттуда наблюдала за происходящим. Череп открыл заднюю дверцу слева и тоже полез в салон, тронул за плечо третьего товарища, на которого Аня до сих пор не обращала внимания. Да и чего там запоминать? Такой же гладкий мерзкий затылок, что и у остальных...

Анины ноги пульсировали болью. Рыха сминал их, втискивая себя рядом с ней. В его сузившихся до щелок глазах только ярость и издевка. Аня зажмурилась, не в силах больше смотреть, что с ней творится...

— Трогай! — подытожил Рыха, захлопывая дверь. И с этим звуком все оборвалось и обмерло у нее внутри, будто заколотили крышку гроба над головой.

Глава 27

Но водитель не успел выжать сцепление — сзади раздался хруст и треньк разбивающегося стекла. Машина дернулась от удара, опрокидывая пассажиров. Тут уже настала очередь водителя превращаться в взбешенное животное. Чертыхнувшись, он выскочил из салона, прихватив биту из-под сиденья. Звуки возни, стук палки об асфальт, мат...

— Чего там? — Череп кивнул Рыхе, перехватывая у него Анины руки и ноги, которые ловкий приятель успел обмотать веревкой.

— Похоже, дружок нашей крали, — усмехаясь, произнесла Васька, но с ее лица сползла всякая бравада. Похоже, она занервничала, даже закусил губу.

Не дожидаясь приказа о помощи, Рыха вывалился из салона. Надежда вспыхнула в сердце, придавая новые силы бороться за себя. Аня закрутилась, пытаясь разглядеть сквозь тонированные стекла, что происходит. Может, Виктор все увидел из окна и поспешил на выручку?

— Не рыпайся, — гаркнул Череп и треснул ей по затылку.

Аня ударилась лбом о колени, как оказалось — вовремя. Череп схватился за ручку дверцы — видимо, тоже собирался выйти. Но не успел. Бейсбольная бита с размаху влетела в

салон, осыпая пассажиров заднего сидения осколками стекла. Аня уткнулась головой в колени, чувствуя, как крошево сыплется по волосам. Отпрянула, стараясь выпутаться из плена. Тем более, что Васькиному дружку было теперь не до нее — следом за битой в пустоту бокового окна молниеносно ворвались сильные мужские руки, ухватили его за грудки и потащила вон.

Череп, который после удара сидел, удивленно хлопая глазами, очнулся, со всей дури толкнул ногами дверцу, но она не поддалась. Тот, кто стоял по ту сторону оказался сильнее. Несмотря на сопротивление и напряженные выкрики, неизвестный вытащил Васькиного дружку из машины, кинул на капот. Это уже Аня видела сама, попутно освобождая руки и ноги от злосчастных пут. Вот только лица спасителя она так и не смогла рассмотреть. Васька притихла и, кажется, даже начала поскуливать. Аня мельком глянула на ее растерянное лицо и выскочила из машины. Первое, что бросилось в глаза — темно-синий Фольксваген пассат, смявший «зад» ниссана.

— Сережа! — вырвалось у нее со вздохом облегчения и радости.

Захотелось броситься ему на шею, спрятаться в кайме надежных рук... Потрепанный, в мокрой драной футболке, с кровоподтеком под скулой, Сергей никак не отреагировал на Аню. И в ту же секунду она поняла — почему. Скрюченный и тяжело стонущий Череп валялся у него под ногами, водитель — безжизненным шматком на тротуаре. Рыха же с сочащейся из носа кровью пер на неизвестно откуда взявшуюся преграду с ножом в руках.

Аня закусила губы, прижала к ним кулаки. В этот момент забыла про все: Ваську, все еще прятавшуюся в машине, холод, пробравший до костей, отвращение, тошнотой застрявшее в горле. Ничего не осталось в душе — только страх, что накачанный Васькин дружок достигнет цели. Чувствовала, как сводит от напряжения скулы. Происходящее застыло, она уже почти видела, как Рыха нападает и всаживает в Сережин бок кусок стали...

— Сережечка, — глотая слезы, шептала Аня, словно ее слова могли что-то изменить. Зажмурилась, ловя стук собственного сердца...

— А! Сука! Пусти! — раздался вопль Рыхи.

Аня открыла глаза — подонок на цыпочках семенил перед Сергеем, который выворачивал руку с направленным на него оружием. Еще одно едва уловимое движение — и нож шлепнулся в грязевые потоки, поднимая брызги. Церемониться с Рыхой Сергей не стал — поднырнул, потянул за собой плененную конечность, оглашая улицу хрустом костей. Аня ужаснулась, запоздало сообразив, что произошло. Неизвестно откуда всплыла жалость и удивление — образ Сергея никак не укладывался с безжалостным, бесстрастным выражением, плескавшимся на его лице. Будто и не дерется он, а полет грядки — раз, и противник воеет на асфальте, подтягивая неестественно вывернутую руку, два — и Сергей поднимает его на ноги, перехватывает вторую...

— Не надо! — собственный голос показался чужим — визгливым и хриплым. — Сережа! Не надо!

Аня подбежала к нему, обняла со спины, прижимаясь заплаканным лицом к мокрой футболке. Тепло его тела обожгло, вырывая из оцепенения. Только сейчас в сознание ворвалось: «Все будет хорошо. Теперь все закончилось». Кажется, Аня шептала Сергею эти слова, прислушиваясь, как размеренно стучит его сердце. Он не отозвался, но застыл, словно раздумывал — послушаться или все-таки закончить начатое.

— Мразь, — скрипя зубами, произнес он, наконец, и бросил обмякшего Рыху рядом с Черепом.

Скрип распахивающейся дверцы и шорох улепетывающих ног — Васька не выдержала и помчалась прочь, оставляя товарищей на милость победителя.

— Еще раз увижу около Аньки — глаза выдавлю! — крикнул Сергей ей вслед.

Аня вздрогнула — его голос звучал буднично, без тени угрозы или бравады, давая понять, что это не просто слова. Он и впрямь достанет Василису из-под земли и ослепит, если решит, что она этого заслужила. Противоречивые чувства охватили душу — с одной стороны приятно, что есть мужчина, способный порвать любого за тебя, с другой — страшно, когда видишь это порвать своими глазами.

— Пошли, — коротко бросил Сергей, увлекая Аню за собой.

Он схватил ее за руку, помог сесть за заднее сиденье, а сам устроился на водительском. Машина нехотя загудела, отъехала назад. В Аниной голове скользнула мысль, что если бы под колесами оказался кто-нибудь из несостоявшихся похитителей — это не остановило бы Сергея... Резкий разворот — место побоища осталось далеко позади.

Аня стянула олимпийку, бросила под ноги, побоявшись намочить чехлы. Дрожь сотрясала ее с головы до ног, по щекам продолжали течь слезы, но на душе было тепло и радостно. Все кончилось! Она сидит в Сережиной машине, он — за рулем, значит, не может случиться ничего плохого. Друг. Верный, надежный, сильный... А она так и не поблагодарила его!

— Спасибо! — улыбаясь, сказала Аня, заглядывая в зеркало заднего вида. Поймала ответный взгляд.

— Не за что, — буркнул Сергей. — Тебя бы тоже выдрать как следует, чтобы одна по улицам не расхаживала. Тем более, зная о таких доброжелателях.

— Да Васька дальше угроз не заходила... — пролепетала виновато. Как же так? Она же и без того натерпелась, а Сережа вместо утешений взялся лекции читать. Стало даже немного обидно.

— А если бы я опоздал? Или кроссовки твои не увидел и не узнал? Об этом подумала? О матери? Да, потом бы я их нашел и позвончики повыдираю, но это потом!.. Ты хоть знаешь, как я за тебя испугался?! — путано выдал Сережа и, насупившись, замолчал.

Ане стало стыдно. Он рисковал жизнью, пожертвовал машиной, спас ее в конце концов, а она еще имеет наглость дуть губы!

— Сереженька! Ты бы знал, как я тебя люблю!

— Проехали, — отмахнулся он. Показалось, или безотказный прием влияния на маму подействовал и на боевого друга? — Нам с тобой в таком виде домой нельзя. Заедем ко мне, заодно сюрприз тебе покажу.

— Какой сюрприз?

— Ремонт в моем жилище. Мы же после свадьбы ко мне переедем.

— Понятно, — Аня погрустнела. Мысль о том, что их квартира опустеет, а мама и ставший привычным Сережка съедут, угнетала. А ведь скажи ей кто об это пару месяцев назад — прыгала бы от счастья... — Сереж, а ты бандит? — спросила неожиданно для себя самой.

— С чего ты взяла? — он усмехнулся.

— Ты так дерешься здорово, руки у тебя такие мускулистые, — ответила, краснея и ловя себя на том, что кокетничает.

— Я служил в спецназе Морфлота.

— Сереж, а ты убивал когда-нибудь? — удивляясь собственной наглости, задала новый вопрос.

— Тебе это знать не обязательно, — резко оборвал он и замолчал.

Аня поняла, что ответа не дождется, и откинулась на спинку сиденья. Словно по мановению волшебной палочки, на нее навалилась усталость, но сил не было даже на то, чтобы закрыть глаза и уснуть. К тому же продрогшее тело продолжало трястись от холода. Хорошо бы снять с себя все и залезть в горячую ванну, — мечтательно подумала Аня. Она все ждала, что на битой машине их остановят и оштрафуют гаишники, но, видимо, они тоже попрятались от дождя. Аня так и задремала, додумывая эту мысль.

Сквозь размеренную дрему, лишенную сновидений, Аня почувствовала, как кто-то взял ее на руки, встрепенулась было, но тут же успокоилась. Сережка... Нехотя открыла глаза, улыбнулась, крепко обхватывая его шею. Воспоминания о Ваське с друзьями подернулись дымкой, стали казаться кошмаром, а не реальностью. Это все потому, что у них ничего не вышло, — рассудила она. Думать о том, как бы жила, если Сережа не подросел вовремя, не хотелось — становилось до одури страшно, будто заглядываешь в бездну, стоя на ее краю. Сережа занес ее в подъезд, начал подниматься по этажам. В животе больно кольнуло, напоминая об ударе коленом, Аня поморщилась. Ничего — заживет. Сильнее прижалась к Сереже, крепче смыкая руки на шее — пусть ему будет легче нести ее по ступенькам. Через несколько минут он поставил Аню на ноги в прихожей своей съемной квартиры.

— Проходи. Будешь первой гостьей после ремонта, — стягивая рваную футболку, произнес Сергей.

Она скинула кроссовки и, осматриваясь, прошла в комнату. Высокий белоснежный потолок с едва уловимым рисунком, будто нанесенным серым грифелем, янтарные стены с оттиском, паркетный пол. Раскладной диван, кресла и гардероб в бежевых тонах, круглый стол, широкий экран телевизора на высокой тумбе. Светло, уютно, по-домашнему тепло. Аня представила, как Сергей с мамой будут сидеть в обнимку на разложенном диване... Им будет хорошо без нее. В сердце будто кольнули иголкой. Аня вздохнула, хотела присесть на кресло, но не решилась — ее одежда оставалась насквозь мокрой.

— Нравится? — спросил Сергей, входя следом. По интонации Аня догадалась, что ему хочется услышать похвалу.

— Угу. Маме понравится...

— Да... Я надеюсь, — с нотами грусти в голосе произнес Сергей, вытаскивая чистые футболки и шорты из гардероба. Подошел к Ане, положил на стол одни из них. — Это тебе, а свое в ванной на сушилку повесишь.

— Спасибо.

— Хоть скажи, за что они на тебя взъелись? — спросил он, присаживаясь на подлокотник кресла.

— Да это все Васька! Ей все кажется, что я ей жить мешаю! Когда мне хорошо, ей — плохо.

— Понятно... Может, ты у нее парня какого отбила?

— Да нет... наверное... — Аня попыталась вспомнить, когда и вправду переходила дорогу Василисе, но не смогла. Просто не общалась с ней — и все.

— А может, она к Женьке твоему равнодушна? — продолжал строить догадки Сережа.

— Да он не мой уже, — ответила, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— А кто тогда? Анют, не темни, рассказывай, с кем ты встречалась в тот день, когда на меня с объятиями набросилась? И не пробуй врать — со мной такое не прокатывает.

— Я... — набрала в грудь воздуха, словно это могло прибавить храбрости. Сказать или все-таки попробовать ускользнуть от дальнейших откровений? — Виктор Андреевич.

— Почему по отчеству? — удивился Сергей.

— Потому что он мой преподаватель, — поймала себя на том, что давно хотела открыть ему эту тайну.

— Ах, вот оно что!.. — он задумался, потер подбородок. — Вообще, с ними поосторожнее бы...

— Он хороший! — жарко вступилась за любимого Аня.

— Вот это и настораживает.

— Ему лет-то хоть сколько? — Сережины брови съехали к переносице. Похоже, он был готов снова защитить «падчерицу», но на этот раз от того, от кого ей бы не хотелось.

— Сорок... — удивляясь собственной откровенности, выдавила она, — три.

— Сколько?! Анюта!..

— Сереж! Не надо утрировать — я все понимаю. Двадцать лет разницы — это слишком, преподаватель — это не вариант, у него таких студенток, как грязи... Я все это говорила себе сама, когда первый раз увидела его, но Виктор... Он не такой!

— Конечно, — хмыкнул Сережа. — Он шнурки гладит и кошкам дорогу уступает. Анюта! Ты чего как зачарованная?! Двадцать лет разницы — это сейчас кажется пустяком. Пусть у вас все сложится, я, может, первым буду, кто за вас порадует, но! Пройдет десять лет и что? Это сейчас он кажется взрослым, опытным, заманчивым, таким Печориным с печальным взглядом. А потом? Тебе будет тридцать — девка в самом соку, а ему — пятьдесят! Он будет старым хрычом, который максимум способен на за ручку подержаться раз в неделю!

— Сережа! — запротестовала Аня, но он опять ее перебил:

— Что «Сережа»?! Разве я неправду говорю? Или придумываю чего? Так и будет Анют! Разница в возрасте должна быть не больше пяти, максимум семи лет. Если больше — это не продлится долго, поверь!

Аня готова была заплакать. Она никогда не задумывалась об этой стороне медали, но сейчас понимала — Сергей прав. Пока все окрашено в розовые тона, да еще с преградами на пути, нечто иное не имеет значения. Но как только романтика перерастет в быт... Никто не возьмется сказать наверняка, что будет тогда. Почти умоляюще посмотрела на Сережу, словно искала в его глазах помощи.

— А ты тогда что? Или на мужчин такая арифметика не распространяется?

— Почему? Распространяется, — недоумение на его лице казалось неподдельным.

— Но у вас-то с мамой разница в одиннадцать лет, если не во все двенадцать! — смерила его победоносным взглядом.

— Почему одиннадцать? Мне уже тридцать пять, не за горами и все тридцать шесть, — усмехнулся Сергей.

— Ну! Так маме-то сорок шесть! — Аня рассмеялась. Неужели он и впрямь не дружит с арифметикой?

— Сорок шесть? — эхом повторил Сережа, сдуваясь на глазах.

— Ну да, — пожала плечами. Почему он переспрашивает? Первый раз слышит, что

ли? — Сереж, ты чего?

— Да так, — усмехнувшись, ответил он. Ане показалось, что улыбка получилась с горчинкой, словно он взял себя в руки, закрывая от нее истинные эмоции. — Ладно, ты иди — грейся в ванной, переодевайся, сушишь, а мне надо съездить по делам. Дверь никому не открывай, пиво из холодильника не пей. Надеюсь, когда вернусь, успеешь со всем справиться.

— Угу.

Аня стремглаз выделенную ей одежду и, не дожидаясь сопровождения, направилась в ванную — к двери с резной ручкой. На лакированном дереве красовался купающийся малыш — ретро аппликация, которая когда-то висела и у них в доме, но от частого хлопанья дверью слетела и раскололась. Уже находясь перед умывальником, услышала, как мягко стукнула входная дверь — Сергей ушел, деликатно оставив ее в одиночестве приводить себя в порядок.

Глава 28

Марина тоскливо поглядывала на красное око светофора. На душе скребли кошки после вчерашней ссоры с Сережей. И ведь сыр-бор-то весь из-за того, что ему не терпится поскорее затащить ее в ЗАГС! Не заикнись он про брачный контракт, они уже сегодня сидели бы у Ирочки в кабинете и писали заявление. Но нет — не иначе нечистый дернул любимого за язык. Устав отпираться, Марина не выдержала и ляпнула гадость, вот и весь конфликт. И так всегда, когда она не видела выхода из подобной ситуации — просто обижалась и переставала разговаривать. Или уходила, хлопнув дверью. Это было проще, чем пытаться найти нужные слова или открыть правду... И ведь утром специально не хотела видеть Сережу, боялась, что разревется и все расскажет под напором его нежных глаз.

Светофор мигнул зеленым, Марина нажала на газ, подрезая соседнюю «шестерку».

— Сам дурак, — вяло огрызнулась на посыл водителя.

Какое же паршивое настроение! К проблемам в личной жизни добавились еще и рабочие промахи. Словно кто-то макнул ее жизнь в деготь, выстраивая вереницу невезенья. Несколько магазинов по прибыли скатились в минус, а на плечах висел приличный кредит с неприличным ежемесячным взносом... Эх! Как хотелось плюнуть на все, запереться дома и тупо сидеть перед телевизором, глотая без разбора мыльные сериалы, программы новостей и дебильную рекламу. Марина выдохлась. Сил тянуть на пределе бизнес и семью становилось все меньше. Наверное, она сама виновата — потому что все делала молча, покусывая заусенцы и поплакивая в подушку...

На память пришли слова из любимого фильма «Жестокий романс»: «Все себя жалеют, когда же меня кто-нибудь жалеть начнет». Кажется, так сетовала Лариса Огудалова?.. Все Маринино неустройство можно было выразить этой строчкой. Ей хотелось, чтобы ее пожалели, поняли, приласкали, но без напоминаний и просьб, а просто так. Но кто? Анюта закопалась в своих проблемах, привыкнув, что мама сильная и все решает сама. Сережа... Он тоже уверен, что Марина взрослая и походя разметаёт неудачи, стоит только мизинцем пошевелить...

Вздохнула, чувствуя, как на глаза просятся слезы. Может, у Виты занять денег? Или продать на хрен все магазины разом и уехать отдыхать?! Куда-нибудь на необитаемый остров, где кроме obsługi и птиц не будет никого... Мечта! Только мечта...

Резко нажала тормоза — въезд во двор лениво пересекал рыжий кот, толстый и наглый. Марина охнула — неужели, задавила? Выглянула из окна. Котище, не взирая на визг

тормозов и громадину, грозившую оставить о нем лишь воспоминания на асфальте, продолжал чинно перебирать лапами. Марина посигналила, но он лишь смерил ее негодующим взглядом, в котором отчетливо читалось: «И чего ты тут гудишь? Не видишь — я иду!» Маринины губы непроизвольно вытянулись в улыбке. Вот нахал!

Дождавшись, когда кот доберется до противоположной стороны въезда, заехала во двор, припарковала автомобиль на отвоеванном когда-то у соседа месте перед домом. Настроение резко прыгнуло вверх. Это надо же, такая мелочь, как наглый кот способна творить чудеса! Прямо как в детстве, когда цветущая мать-и-мачеха приводила в восторг, который теперь не могли подарить никакие лилии, розы и хризантемы. Обязательно помирюсь с Сережей, — подумала Марина, чувствуя, как душа наполняется радостью. Интересно, он уже приехал? Спешно поднималась по лестничным пролетам, предвкушая примирение. Хорошо бы еще Анюты дома не оказалось...

Буквально влетела в квартиру, скинула туфли, намявшие ноги. Прислушалась — из комнаты доносился звук выдвигаемых ящиков, шорох пакетов. Рванула в комнату, едва сдерживая рвущиеся с языка извинения, но тут же застыла на пороге. Аккуратно разложив на кровати свои вещи, Сережа сосредоточенно убирал их в спортивную сумку. Улыбка мгновенно сползла с Маринино лица, сердце тревожно екнуло.

— Ты чего? — произнесла, чувствуя, как холод крадется к животу.

— Собираю вещи, — лаконично ответил он, все так же фасуя футболки и трусы в целлофановые пакеты.

— Зачем? — спросила, как заправская идиотка. В ушах поселилась глухота, сменявшаяся звоном. Он уходит, — пронеслось в голове. И от этой мысли все внутри сжалось, превращая мир в одну единственную точку — Сережа...

— Съезжаю.

Он даже не взглянул на нее. Застегнул один из отсеков сумки, принялся заполнять другой. Противоречивые желания раздирали Марину пополам. Первое — броситься любимому на шею, разреветься, умоляя остаться, второе — раскидать его вещи по квартире, вышвырнуть самого вон, а сумку сбросить с балкона. Давно позабытый и спрятанный в клетку зверь по имени «безумие» охватил ее, требуя жертвы. И сквозь его дурманящую маску Марина осознала, что не просто любит Сергея — он стал ее страстью. Мысль потерять его, равно как когда-нибудь случайно увидеть в объятиях другой женщины, казалась невыносимой.

— Почему? — снова спросила, пытаясь совладать с собой.

— Потому что ты меня предала, Маришка, — грустно произнес Сергей, остановившись на мгновение.

Сердце вспыхнуло пламенем и ухнуло в пятки — он все знает! Но откуда? Кто, кроме нее и Виты, мог знать про злосчастное приключение в «Бешеном жеребце»? Марина замотала головой, словно это было самым веским аргументом на свете.

— Это не так...

Щеки обожгло слезами, в груди заклокотали рыдания, но Марина подавила их. Ни к чему. Для Сережи она будет взрослой до конца.

— Ты меня обманула, значит, предала, — отворачиваясь, сказал Сергей. Сгреб оставшиеся вещи в сумку, застегнул.

— Я... Я не хотела, Сережа!

— Конечно... — Он встал, перекидывая через плечо лямку сумки. — Я раньше

чувствовал, что ты чего-то не договариваешь, скрываешь, а теперь знаю наверняка. И это так больно... Я тебе больше не верю, Марина... Больше не верю.

Сейчас Марина поняла — Сережа уйдет. Ни уговоры, ни скандал его не остановят, а все потому, что это не первый случай в жизни, когда его предавали... Как она могла?! Покажи тогда перед ее пьяными глазами Сережу с убитым взглядом, отпихнула бы Артура и помчалась домой...

— Тебе это твой доносчик наплел? — с прорывающейся язвинкой произнесла Марина. Всю эту неделю она замечала в толпе одного и того же парнишку — кудрявого, худого, с раскосыми глазами. Не раз мелькала мысль, что он нарочно следит за ней, но тогда Марина лишь усмехалась. Выходит, Сергей и впрямь решился на подобные меры. Вот только знать бы наверняка — давно ли?

— О чем ты? Нет. Анюта сказала, — сухо бросил Сергей и, минуя Марину, направился в прихожую.

Анюта? Разве она знает? А если и видела, как Марина возвращалась домой в тот вечер почему рассказала? Она же ненавидела Сережку... Или уже тогда положила на него глаз? — вспыхнула крамольная мысль. Может, она следила за их с Витой гулянкой? Пряталась где-нибудь за углом, выпрашивала у охранников, караулила у входа... Марина понимала, что снова сходит с ума. Воспаленный мозг не хотел слушать ничего в защиту Анюты, он жаждал мести.

— Да что она знает! — закричала вслед открывающему дверь Сергею. — И вообще, это ты виноват, что я на другого мужика бросилась! Все тебе здесь надо было! А я здесь не могу, слышишь?!

Услышав об измене, Сергей дернулся, как от удара, сжал кулаки. Марине почудилось, что она расслышала хруст костяшек, сердцем завладел неосознанный страх. В начале их отношений Серега шутил, что убьет ее, если узнает про измену. Или говорил всерьез?.. Марина отступила, перестав дышать.

— Поздравляю, — с дрожью в голосе выдохнул он, а потом вышел, оглашая квартиру натужным скрипом двери.

— Ну и катись к Аньке! Она кобыла молодая, утешит тебя! — это были одни из первых скверных слов, сыпавшихся из Маринино рта. Она понимала, что Сережа уже далеко и не слышит, но не могла унять поток бессвязной ругани. Наконец, обессиленная, она села на пол и разрыдалась, давась воздухом и всхлипами. Пустота... Сосущая пустота выжимала из сердца последнее тепло...

Писк мобильного вернул Марину из безысходной злобы. Вытерев щеки, встала плохо соображая, что вообще делает и где находится. Словно робот прошла в прихожую, достала из сумки мобильный — СМС. «Вы знаете, что ваша дочь встречается с мужиком намного старше себя?» Гомерический хохот вырвался из Марининых легких.

— Знаю! — кричала она, целясь телефоном в зеркало. — Знаю! — вопила, колотя кулаком в грудь.

Анюта... Вот в кого ты оборотилась, став взрослой! В кобру, пригретую на груди. Но почему? Что такого сделала Марина? Чем ущемила, когда обидела настолько, что дочка решила отомстить таким образом? Обескураживающая, выбивающая из колеи догадка заползла в голову — Аня все знает! Настоящий отец или тот детектив, который приходил к Пете, нашли ее и все рассказали! И теперь Анюта «оплачивает» просроченный долг...

Впервые Марина подумала о дочери, как о чужом человеке. Чужом и до крайности ненавистном.

А вдруг, это все пустое? Марина не могла поверить до конца, что все так и есть. Ей нужны были доказательства, причем, более веские, чем анонимная СМС-ка. Вырвавшись из каменного оцепенения, Марина схватила сумку и выскочила из квартиры, хлопнув дверью.

До дома, где Сережа снимал жилье, она добралась за считанные минуты. Редко когда позволяла себе лихачить, но не в этот раз. Адреналин хлестал в кровь, будоража и без того kloкотавшее сердце. Марина оставила машину на стоянке торгового центра, чтобы дочка и бывший жених ее не заметили. Вошла во двор, прячась за редкими гаражными боксами. Остановилась, тяжело и прерывисто дыша. Сережина машина стояла недалеко от подъезда. Присмотрелась — где он успел разбить ее? Не успела додумать, как дверь подъезда распахнулась — пожилая женщина с малышом за ручку направилась в сторону детской площадки. Марина криво усмехнулась, успокаивая выскакивающее из груди сердце.

Она не взялась бы сказать, сколько прошло времени. Оно растворилось в злорадной жажде застать врасплох тех, кого еще недавно она считала семьей. Но вот, наконец, из подъезда выпорхнула Аня — веселая, с румянцем на щеках, в слегка мятой одежде и с совершенно растрепанными волосами. Они всегда были такими, когда она сушила голову без фена. Вышла, обернулась, протягивая руку к Сергею. Он тоже улыбался, хоть на лице и проскальзывало что-то еще, что Марина никак не могла уловить. Иуда! Да он просто ждал того момента, когда можно кинуть ее! С трудом сдерживаясь, чтобы не ворваться в их идиллию, закусила губу. До такой степени, что ощутила во рту соленый привкус крови.

Тем временем Аня и Сергей обнялись, он склонился к ней, закрывая Марине обзор. Но она и без этого догадывалась, что происходит — бывший жених шепчет новой страсти на ушко, а потом целует в мягкие губы... Ненавижу! — кричало все ее существо.

Марину начал бить озноб. Стуча зубами, она продолжала наблюдать. Слегка удивилась, когда Сергей отвел Аню в сторону от Фольксвагена. Ах да, конечно! Он же понимает, что нельзя подвозить новую даму сердца до дома, где живет старая... Старая! Марина стиснула зубы, унимая дрожь. Все мужики одинаковые: бесчувственные козлы, стелющиеся за молоденькими соплячками!

Поняв, что еще немного — и выскочит из укрытия, бросаясь на обидчиков, Марина засеменила обратно к торговому центру. Села в машину, резко бросила сцепление, путая газ с тормозом. Машина дернулась, всхрапнула и заглохла. Где же мобильный, чтобы вызвать такси? Принялась шарить в сумке, нервно дергая молнию. Запоздало вспомнила, что оставила его в прихожей на полу в компании зеркальных осколков. Оставив ауди на стоянке, Марина поймала попутку. Пока ехала домой, всю дорогу жалела, что когда-то не послушалась Витиных слов.

Предвкушая разговор с дочерью, Марина сверлила глазами входную дверь. Боялась лишний раз моргнуть, словно маньяк, поджидающий жертву в подъезде. В голове проигрывала сценарии беседы, наслаждаясь каждым придуманным резким словом. Но сквозь пелену безумной злобы прорывалась надежда, что все объяснится. Внутри кто-то до крайности наивный и добрый упорно пытался оправдать Аню. Вот только вера в ее невиновность была слишком мала..

От неудобного пуфика — завсегдатая прихожей, пятая точка налилась свинцом, но менять позу или приносить мягкий стул Марина не собиралась. Вот, раздался шорох ключа в

замочной скважине, опустилась ручка, открылась дверь, впуская Аню. Похоже, она задумалась — шагнула вперед, наклонив голову... Или ей просто стыдно смотреть матери в глаза?

— Где ты была? — каменным голос спросила Марина.

Аня вздрогнула.

— Мам, ты чего? В универе... Я же говорила — Борис Венедиктович вызывал.

— А после?

— После — зашла к Карине, и все — домой.

Марина хмыкнула. Помятый Анин вид бесил ее еще сильнее, чем ложь, слетавшая с дочкиного языка.

— Это с каких пор Карина выросла на две головы и сменила пол? Не ври мне! Я знаю, что ты встречалась с Сергеем!

Похоже, Аня опешила. Открыла рот, собираясь что-то сказать, но промолчала. Наверняка гадает, что мне известно, — скользнуло в Марининой голове.

— Ты следила что ли? Что с тобой происходит-то? — жалобно произнесла Аня, заглядывая в глаза.

— Похоже, меня обманули и при этом хотят, чтобы я радовалась и молчала!

— Мам, да никто никого не обманывал! Да, мы были у Сережи на квартире.

— Какая прелесть! И что же вы там делали? — Марина перешла на крик. Ее трясло, слова вылетали, как пули из автомата. И в этот момент она жалела, что ими нельзя убить.

— Я не могу сказать. Это секрет, понимаешь?

— Так вот как теперь это называется... секрет! И после этого ты смеешь смотреть мне в глаза?!

— Подожди, — Анюта застыла, будто никак не могла что-то понять. — Ты подумала, что мы...

— Ты станешь врать, что это не так?!

— Вообще-то, Сережка приготовил тебе сюрприз... — дочка продолжала оправдываться.

Зря. Марина уже про все догадалась и все решила. Осталось только выяснить, кто именно рассказал Ане про настоящего отца. Кто и когда. Когда она перестала быть ее маленьким чудом и стала ядовитой коброй?

— Хорош сюрприз! Теперь он для тебя Сережка?!.. Так вот — передай этому кобелю, что я в восторге!

— Мам! Да очнись ты! Ничего такого не было! Как ты вообще могла подумать, что я позарюсь на жениха родной матери?!

Но при этих словах Марина только скривила губы. Вот тут-то ты и прокололась, девочка, — мелькнуло в голове.

— Хочешь сказать, ты ничего не знаешь?

— О чем ты?

— Не надо корчить из себя благодарность! Я уже оценила ее! После того, как я двадцать лет тебя растила, ты решила отплатить за заботу черной монетой?! Не думала, что ты настолько обозлишься! Отвечай, кто растрепал, что ты мне приемная?!

Аня остекленела с открытым ртом. Только глаза заморгали чаще обычного, словно в них попала соринка. И впрямь поражена или прикидывается? Щемящее чувство, что натворила то, о чем будет потом жалеть всю жизнь, заскреблось в Маринину душу. Отмахнулась от него

— нет, дочка все знает. Просто прикидывается. Иного объяснения, почему она отбила Сергея, а теперь Марина в этом не сомневалась, не существовало.

— Могу показать документы, — сухо пригвоздила она. — Но, думаю, в этом нет необходимости. Ты и так все знаешь.

Внутри все оборвалось, когда Аня мотнула головой из стороны в сторону.

— Нет...

Слезы заструились по ее щекам, брови съехались «домиком», делая ее лицо жалостливым, несправедливо обиженным. Пелена безумия сползала с Мариных глаз, еще немного, и она бы рухнула рядом с дочерью, умоляя забыть этот разговор. Но секундное замешательство прошло, Аня сглотнула, впиваясь в Марину взглядом, будто хотела запомнить раз и на всю жизнь. А потом дочка выскочила из квартиры, оставив дверь открытой.

— Не может быть, чтобы она не знала, — бормотала Марина, пытаясь дознаться от совести: все ли сделала правильно?

Но та обиженно молчала, тыкая в левую сторону груди острой спицей.

Глава 29

Задернутые шторы, початая бутылка водки на столе, мятое небритое лицо в отражении... Виктор смотрел в зеркало с пренебрежением к собственной физиономии. И не потому, что выглядела она неряшливо и угрюмо — презирал себя за трусость и ханжество. Вместо того, чтобы на трезвую голову разобраться, что же на самом деле происходит в душе, предпочел «посоветоваться» с подзабытым сорокоградусным другом... Зря студенты прозвали его Стержнем. Это на людях он нестигаемый и суровый, а за стенами своего жилища — мягкотелая амеба, боящаяся лишней раз взглянуть по сторонам. Тряпка...

Виктор поморщился, провел ладонью по шершавой щеке. Надо бы побриться, — скользнуло в голове. Но он не сдвинулся с места, продолжая буравить взглядом отражение. А ведь пару дней назад окончательно решил для себя, что постарается забыть Анюту. Но стоило увидеть ее глаза, такие родные, желанные... Сколько сил ушло, чтобы сдержаться, равнодушно пройти мимо, чувствуя, как она смотрит в спину... Отвернулся, потирая ладонью лоб.

Позвонить ей? Объяснить, почему отмалчивался все это время? Попытаться убедить и Аню, и себя, что притяжение между ними не любовь, а какой-то болезненный магнетизм... Ведь это чувство так непохоже на то, что он испытывал к Галюне...

Теплый весенний дождик поливает пыльные Тверские улицы. Стайки студентов спешат укрыться в резных деревянных беседках, прикрывая головы чем попало: плащами, рукавами, портфелями, тетрадями... Виктор увлеченно спорил с другом по только что услышанной лекции. Но вскоре дискуссия зашла в тупик, поскольку ни у одного из оппонентов не хватало доводов и терпения. Досадливо махнув на товарища рукой, он отвернулся, разглядывая здание института — серый монолит, словно скала возвышавшийся над домиками и парковыми деревьями.

Виктору не хотелось уходить домой, вернее — в выделенную ему комнатку общежития. Хотелось поскорее уехать к родителям, пожать крепкую отцовскую руку, вдохнуть травяной аромат чая, который мама неизменно собирала и заваривала сама. Она всегда садилась напротив, пододвигая к нему варенье и духмяные лепешки... После размеренной и спокойной жизни в деревне, где все друг друга знают и всегда готовы помочь, жизнь в

областном городе казалась ненастоящей. Конечно, и тут тебе приветливо улыбались в толпе, но для Виктора город насквозь пропитался суетой и одиночеством.

Дождь почти кончился, сбрасывая редкие капли с крыш и деревьев. Виктор высунулся из укрытия, сделал несколько шагов, но тут же вернулся — словно играя в кошки-мышки, дождь с новой силой застучал по асфальту, забрасывая теплые капли за шиворот застланному врасплох человечку. И тут, будто призрачное видение, на парковые дорожки выпорхнула девушка. Невысокая, худенькая, с копной светлых волос, примятых дождем. Она ничем не закрывалась от небесной влаги, и Виктору даже на миг показалось, что незнакомка не касается ногами земли. И в этот момент он был готов поклясться, что гром и молнии пронесли над головой, оставляя в сердце колющие озорные иголки. Волнение и ощущение полета наполнили душу, которая молила об одном: пусть девушка окажется рядом. Неважно — как и почему. Просто хотелось смотреть в ее глаза, ощущать присутствие, знать, что она есть и будет всегда...

Незнакомка взбежала по ступенькам, устроилась в стороне, глядя себе под ноги, слегка отряхнула юбку-колокольчик. Кто-то из присутствующих поздоровался с ней, но она лишь робко кивнула в ответ. Похоже, окружающие стесняли ее. Виктору казалось, что он чувствует, как ей неуютно стоять в ватаге переговаривающейся, смеющейся и спорящей молодежи. Захотелось подойти, обнять за плечи, шепнуть на ушко, что он всегда будет рядом, значит, ей нечего бояться. Вот только язык предательски прилип к небу, коленки окаменели, давая понять, что не способны сделать и шага. Он так и мялся в сторонке, бросая умоляющие взгляды в сторону незнакомки. Тогда Виктор не знал, что ее зовут Галя, она на два года младше его и совершенно растеряна, потому что еще совсем недавно детдомовские стены ограждали ее от всех невзгод и общения с посторонними людьми.

Все это он узнал гораздо позже, а пока просто стоял истуканом, впитывая в себя каждую мелочь ее эфирного образа...

Воспоминания всколыхнули совесть, разворошили старую рану, которую он тешил все эти годы, а забыл в тот самый день, когда Аня пылко выпалила «люблю». Виктор стукнул кулаком в стену, сотрясая книжные полки. Боль впиалась в сознание, на костяшках пальцев выступила кровь, но наваждение осталось, пульсируя в груди греховным огоньком. Он не может заставить себя не любить, но попробует оставить Анюту в покое. Не искать встреч, отмалчиваться на звонки, которые, наверняка, будут — подобная пожару Анина натура не позволит отступить без боя. И в этом она тоже так похожа на Галечку... Как же тяжело видеть ее образ перед собой и бежать прочь сломя голову!

Скрипнув зубами, Виктор резко развернулся, схватил бутылку со стола, наспех скручивая крышку. Глоток, всего один глоток и знакомое тепло унесет проблемы, развяжет язык и выплеснет наружу скупые мужские слезы... Нет! Отдернул руку, опрокидывая водку на пол. Жалобный звон стекла, расползающаяся на полу лужа... Виктор наблюдал, как струйки горячительного заползали под ботинки, будто сорокоградусная ластится к поработанному хозяину. Отступил, хмуря брови. Хватит. Один раз запой уже стоил ему ребенка, неужели он и впрямь верит, что все само собой разрешится? Нет. Надо действовать, причем, именно сейчас, пока слухи об их романе не разлетелись дальше деканата.

Виктор прошел на кухню, взял со стола мобильный и набрал Анин номер. Гудки... Опять гудки... Оставьте сообщение... Он присел на табурет, продолжая «бомбить» Анюту

звонками. В голову полезли гадкие мысли: вдруг она настолько расстроилась от разговора с Борисом Венедиктовичем, что натворила глупостей? Вдруг ее мать тоже знает про их чувства? Может, Аня разругалась с мамой и сбежала из дома? А если к тому самому жлобу, что водил ее в парк Горького? Виктор почувствовал, как заныли десны — слишком сильно сжал зубы, представляя, что может случиться.

— Возьми же трубку, Анютка!

Теперь Виктор жалел, что не бросился ей вслед. Пусть и не сразу — их разговор с деканом продлился добрых полчаса, но хотя бы потом. Позвонил бы, утешил, разузнал, что бестактный Борис Венедиктович наговорил ей наедине. Нет, предпочел запереться в стенах университета, ковыряясь в прошлогодних контрольных.

— Да, — раздалось на том конце провода, когда Виктор уже перестал надеяться.

— Анюта! Как я рад, что ты ответила! Что случилось? Ты где? Я хочу поговорить...

В трубке — тишина.

— Анюта, только не молчи, прошу! Ты у него?

— Что? — словно очнувшись, откликнулась она. — Витя... Я в парке...

Голос глухой, потерянный, бесцветный. Виктор внутренне содрогнулся. Бежать! Бежать к ней, обнять, согреть у груди, утешая и возвращая искорки в теплые серые глаза.

— Я приеду, какой парк?

Также же бесчувственно, Аня назвала адрес, а потом оставила Виктора наедине с гудками. Не думая ни секунды, он выскочил из дома, по пути вызвав такси, и помчался к ней.

Виктор еле дождался, когда водитель такси пристроит, наконец, свой автомобиль около автобусной остановки. Походя бросив деньги на сиденье, выскочил на улицу, помчался к чередке приземистых кленов. Свернул на утопанные дорожки, не доходя до выложенного плиткой и обрамленного кованым железом входа. Виктор всматривался в каждого встречного, пытался ухватить всех, кто в этот вечер вышел прогуляться под кровом деревьев.

Аня сидела на скамейке в парке и крошила батон себе под ноги. Взлохмаченные воробьи крутились вокруг, выхватывая друг у друга кусочки хлеба. Виктор подошел, сел рядом, боясь заглянуть в опущенные глаза. Он виноват, что выгадывая себе облегчения, не смог оградить ее от сплетен и разбирательств. Виноват, потому что старше и опытнее, а, значит, сильнее.

— Как ты? — неловко взяв ее руку в свои, произнес Виктор. Поразился, какие холодные у нее ладони. А чего удивляться? — одернул сам себя. Вечер наполнил улицы зябью, а на Анюте — только тоненькая футболка и джинсы. Еще неизвестно, сколько она тут сидит.

— Я ей чужая... — не поднимая глаз, ответила Аня все таким же безжизненным голосом, что и по телефону.

— Кому? Что случилось? Это из-за меня?

Не дождавшись ответа, Виктор схватил Аню за плечи, развернул к себе. В глазах — обреченная пустота, будто и не живой человек перед ним, а восковая кукла. Все внутри сжалось в комок, а потом рухнуло вниз.

— Анютка! Не молчи, слышишь?! Только не молчи!

Кажется, он даже целовал ее соленые мокрые щеки, прижимал к себе, шептал что-то на ухо. Все это Виктор делал неосознанно, будто заразившись от Анюты беспамятством.

— Она мне не мать! — очнувшись, затараторила она, бегая взглядом по его лицу. —

Витя! Она мне никто!.. И никогда не любила...

Бессвязные фразы вылетали из ее рта, еще больше запутывая Виктора. Он только и понял, что ее мама сказала или сделала что-то такое, из-за чего Аня больше не хочет считать ее таковой. Но переубеждать или пытаться дальше визнавать правду из содрогающейся рыданиями и плачем Анюты не стал. Всему свое время. Сейчас ему надо успокоить ее, отвести туда, где тепло и можно поесть.

Забота об Ане захлестнула Виктора. Хотелось взять ее на руки, унести к себе домой, прижать к себе, отпаивая горячим молоком с медом. Быть рядом... Всегда... Виктор пресек дерзкие мечтания. Этого не случится. Он найдет в себе силы уйти. Потом...

— Анютка, пойдем куда-нибудь? — ласково, будто разговаривая с ребенком, произнес Виктор. — Если не хочешь домой, то в кафе, или гостиницу...

Аня вскинулась, обхватила его голову руками, прижала к щеке.

— Ты ведь меня любишь? — нервно шептала она. — Только ты меня и любишь по-настоящему?..

Виктор растерялся. Ее руки в один миг стали пламенными, обжигали, делая прикосновение невыносимо соблазнительным. Сейчас он был готов похерить все моральные принципы и терзания совести, чтобы ее руки никогда не размыкались.

— Конечно... — зашептал он в ответ, пытаясь справиться с пожаром в груди. — Я тебя люблю, очень сильно...

— Мы пойдем к тебе? — прижавшись к нему лбом, глядя глаза в глаза, продолжала Аня.

— Я... — Виктор осекся. Отказать? Не станет ли ей еще хуже? Она и так на грани безрассудства. Но кто возьмется обещать, что находясь с ней в такой маленькой квартирке, он сам не сойдет с ума? Сталкиваться в узком коридорчике, соприкасаться коленками под столом, чувствовать ее запах, тонкий и будто давно знакомый... Это будет пыткой, которую вряд ли возможно вытерпеть... — Конечно, мы пойдем ко мне. Смотри, ты совсем замерзла. Разве так можно?

Виктор пытался говорить как можно мягче, чувствуя, как его самого бил озноб. От сердца отлегло, когда Аня встала со скамейки, увлекаемая им, и, прижимаясь, зашагала рядом. Пусть так. Отогреется, поест, разговорится, а там он попытается найти нужные слова, чтобы вернуть ее домой.

Виктор снова вызвал такси — не тащить же Анютку на метро. Стоя под зажженным фонарем, обнимал ее хрупкие плечи, целовал в макушку. Бедная моя девочка, — занозой свербело в сознании, отдавая нитью в груди. Сейчас Виктор отдал бы остаток жизни, лишь бы Аня стала веселой, как прежде.

Глава 30

Аня застыла, отрешенно разглядывая скопище книг, заполонивших Витину крошечную квартиру. Толстые потертые корешки, знакомые и не очень названия и авторы, слой пыли, вольготно разлегшийся на картонных переплетах... Мысли блуждали далеко отсюда, перед глазами стояло когда-то родное лицо с маской ожесточения и ехидной жажды сделать как можно больнее.

В голове не укладывалось, как это может быть правдой? Хотелось вернуться обратно, броситься маме на шею и услышать, что все сказанное тогда — ложь. Хлесткий удар слепой ревности. Вот только теперь Аня не верила ни единому слову той, кого столько лет считала самым близким и любимым человеком на свете. И дело не в том, что она оказалась приемной дочерью — это не так страшно. Другое не укладывалось в голове — почему мама

молчала? Пускай в детстве или подростковом возрасте Аня и впрямь не знала бы, что делать с такой правдой, возможно, начала бы бунтовать. Но сейчас, когда она стала взрослой? Нет! Мама сделала это только когда захотела причинить боль. Настоящую боль, после которой невозможно вздохнуть, а в глазах меркнет свет. Что ж, ей это удалось...

Теперь Ане казалось, что мама и не любила ее никогда. Так — поигралась немного, утоляя женскую потребность в потомстве, заботе о ком-то слабом и беззащитном. А потом вышвырнула прочь, освобождая место для кого-то более нужного... Аня чувствовала себя именно ненужной, брошенной, опустошенной...

Она не шевельнулась и тогда, когда в комнату вошел Виктор, мягко шурша тапками по старому линолеуму. Он нес кружку и бутерброды с сыром на тарелке. Присел рядом, протянул ей еду.

— Поешь что-нибудь?

Аня подняла на него глаза, мотнула головой. Виктор так старался, чтобы утешить ее, но есть совершенно не хотелось. Как и разговаривать. Виктор отставил посуду на стол рядом с пустым стаканом.

— Не хочешь рассказать, что случилось?

— Нет...

Тишина. Ане хотелось утонуть в этой безмолвной массе. Вот только под напором лазурных глаз сердце таяло. Кромешная обида, которую все это время подпитывала разгромными обличениями, испарялась. Еще несколько минут назад Аня сидела в парке и нарочно мерзла, надеясь, что заболит и умрет. Это было по-детски наивное желание из разряда: «я умру, и пусть вам всем будет плохо». Ничем не оправданное и глупое, но казавшееся единственно правильным. Она решила, что ей некуда больше идти — квартира, которую считала домом, стала чужой, как и ее хозяйка.

Правда, чем дольше Аня сидела, согреваемая полным нежности и тревоги взглядом любимого, тем сильнее хотелось открыть ему все. Забраться на колени, прижаться к теплой груди и спрятаться там от всех бед и невыносимых откровений. Словно подслушав ее мысли, Виктор подвинулся ближе и обнял за плечи.

— Скажи, — просящее произнес он, — тогда обязательно станет легче.

Аня набрала в грудь воздуха, чувствуя, как ноют ребра после недавнего побоища около универа.

— Оказывается, я ей не родная... — выдохнула, застыв в ожидании утешений.

— Кому? Маме?

— Да.

Виктор снисходительно улыбнулся, будто услышал, что у нее отняли конфетку.

— С чего ты взяла?

— Она сама рассказала, когда... В общем, неважно, — Аня замолчала и насупилась. Внутри поселилось предчувствие, что Виктор ее не поймет.

— И ты из-за этого ушла из дома? — его брови взлетели вверх. — Или она тебя выгнала?

— Нет... Не помню... Я сама ушла. Витя! Я никогда не была ей нужна! Только, как средство от одиночества. Только одни заводят щенков и котят, а она — ребенка!

По лицу угадывалось, что Виктор едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— И всего-то? Анюта! И что, что ты приемная? Мама же заботилась о тебе все эти годы: кормила, поила, одевала? Или была и заставляла делать грязную работу? Побираться

или чего похуже? Нет ведь! И не имеет значения, что родила другая — та женщина и впрямь не может претендовать на звание матери. Кинула тебя на попечение государства — и все.

— Наверно, — Аня отчаянно цеплялась за саможаление и обиды. Тогда в парке ее доводы казались нерушимыми, но теперь они сыпались под логическими цепочками Виктора. И еще — Аня любовалась им в этот момент. Он казался таким забавным и открытым. — Но почему она раньше ничего не сказала? Зачем было так... Эх!

Аня махнула рукой.

— А чего тут удивляться — ты стала взрослой. Значит, можешь все принять и понять. Твоя мама поступила разумно.

— Если бы она сказала это спокойно, то да. Но она кричала, хотела уязвить, уничтожить меня этими словами!

Словно неведомая фея смахнула улыбку с лица Виктора. Он посерьезнел, крепче прижал Анюту к себе.

— Это из-за меня, да? — скороговоркой выпалил он.

— Нет, там другое... — замялась, но продолжила. Раз уж начала, значит, надо договаривать до конца. — Она приревновала меня к своему жениху. Тому самому, с кем ты видел меня тогда в парке.

— Так это был жених твоей мамы?! — Виктор на мгновение просиял, а потом снова погрузился в задумчивость. — То есть, вы из-за этого поссорились, и она тебе в порыве злости и отчаяния рассказала про удочерение?

Аня кивнула.

— Теперь ты понимаешь? Она меня предала!

— Нет. Не надо так. Она все равно тебя любит, я уверен. Просто пока она считает, что ты хочешь сделать ей больно. Может, тебе стоит ей позвонить?

— Не думаю, что ей это надо, — нахохлившись, произнесла Аня. — Иначе она бы сама позвонила.

Похоже, Виктор решил, что ей надо дать время подумать и успокоиться. Прижав Аню к себе и чмокнув в макушку, он поднялся и направился к выходу, оставив бутерброды на столе.

— Ты куда? — показалось, что вместе с ним оторвался кусочек ее самой. Без него стало холодно и неуютно.

— На кухню. А ты ложись спать.

Аня не стала спорить. Дрема незаметно овладела ею, накрыла покровом сновидений. Бороться с нею не стала — опустила голову на подушку, натянула одеяло до подбородка и так и уснула — в джинсах и футболке. Всю ночь Аня разговаривала с мамой. Вернее — с ее размытым силуэтом, который то и дело ускользал из обозрения. Они спорили, ругались, мирились, просили друг у друга прощения, но это был всего лишь сон...

На следующий день Аня начала жалеть, что поступила, как ребенок — убежала, когда надо было и впрямь посмотреть те документы. Мало ли что наговорит человек в приступе гнева? Вот только зная маму не один год, можно с уверенностью сказать — все сказанное процентов на девяносто — правда. Просто маме никогда не пришло бы в голову придумать такое, и тут ревность или что-то еще не при чем. Видимо, она отчего-то решила, что Аня знает про удочерение и за что-то мстит — вот и выпалила, совершенно уверенная, что ни для кого это больше не секрет.

Время шло дальше, не соизволяя замедлить ход жизни. Виктор с расспросами и

советами не приставал, из дома не гнал. Правда, рано уходил и возвращался ближе в семи. Ане даже стало казаться, что он делал это нарочно, чтобы не сталкиваться с ней в мизерной квартирке. Было обидно, но в то же время такое поведение вселяло: наверняка любимый решил таким образом бороться со своими чувствами. Это он зря. Если сначала Аня влюбилась в Виктора на зрительном и эмоциональном уровнях, то теперь прикипела к нему по-настоящему, душой. Возникло желание помогать по хозяйству: готовить, стирать, убирать; ждать его с работы, заботиться, выслушивать о случившемся за день и сопереживать, просто быть рядом, зная, что ему от этого хорошо. В этом Аня была уверена.

Видела, как светятся Витины глаза, когда по возвращении домой она целует его в щеку и утаскивает тяжелый портфель на кухню, где любимого ждет неумело состряпанный ужин. С этим вообще были сплошные проблемы — то подгорит, то пересолит, то не доварит...

Зато за чередой бытовой суеты Аня перестала мучить себя вечными русскими вопросами: «кто виноват» и «что делать». Может, стоило воспользоваться дневным одиночеством и пораскинуть мозгами, взвесив все как следует и решив, как дальше быть в отношениях с мамой. Но Аня замкнулась на раздутой обиде и четырехстенном миреке Витиной квартиры, боясь высунуться дальше лестничной клетки.

С каждым днем, прожитым рядом с любимым, ее все чаще посещали мысли, что ссора с мамой не что иное, как происки судьбы — одновременно отрывавшей ее от старой жизни и накрепко привязывавшей к любимому человеку. Аня пыталась намекнуть об этом Виктору, пробовала целовать его не в щеку, а в губы — но он всякий раз деликатно отстранялся. Сделать решительный шаг и поговорить напрямую она не могла — не хватало смелости. Для этого надо было посмотреть Вите в глаза, а под его взглядом Аня превращалась в аморфное создание. Обо всем забывала, греясь им, как солнечными лучами. К тому же, словно чувствуя, что вертится у нее на языке, Витя становился донельзя грустный и отрешенный. Аня догадывалась — почему. Наверняка, вспоминает жену. Это бесило, принуждало ревновать, но и придавало сил для скоропалительных действий.

На седьмое утро совместного проживания, Аня задумала Виктора соблазнить. Правда она до конца не понимала, что это значит. В мыслях все представлялось красиво и романтично и никак не вязалось с понятием секса. Вот только жизнь уже не раз доказывала, что не идет на поводу у мечтаний.

Но приняв решение однажды, Аня не стала откладывать все на удобный случай. Проснувшись рано, она прошла на кухню, где на раскладушке спал любимый. В неудобной позе с закинутой за спину рукой, прикрытый до пупка одеялом. Аня улыбнулась, наблюдая, как дергаются его брови и губы, видимо, Виктор был из тех, кто любит поболтать во сне.

Потоптавшись немного в дверном проеме, прошла внутрь, замешкалась, собираясь с духом. Скинула футболку, стянула джинсы, застыла, всматриваясь, как мерно вздымается его грудь. Сердце замирало с каждым его вздохом. Было стыдно и неловко, но вместе с тем — щемящее радостно. Ощущение такое, словно она — ветхозаветная Ева, которая вдыхает аромат запретного яблока... Аня скинула лифчик, подошла вплотную к раскладушке, всмотрелась в лицо любимого мужчины. Бедняжка! Сколько он натерпелся, но ничего, теперь она сделает все, чтобы высушить чашу отведенных ему страданий. Наклонилась, провела ладонью по Витиной щеке, груди... Он заворочался, повернулся на бок. Аня застыла. Одно дело, когда представляешь, как заберешься нагишом под одеяло к любимому человеку, другое — в реальности неловко топтаться, не решаясь преодолеть последнюю преграду.

Ощутила, как запылали щеки при мысли, что Витя сейчас откроет глаза и увидит ее над собой в одних трусах. Да и самой стало неуютно, все-таки ни один мужчина еще не видел ее голышом. Не отдавая себе отчета, Аня поддела со стула Витину рубашку, прикрылась ею, словно еще боролась со стыдом. Вдруг захотелось, как в мыльных сериалах, понюхать ее. Прижалась носом, но ничего не учуяла. Даже стало немножко обидно — в кино девицы так блаженно закатывали глаза, а она не уловила ни единой нотки парфюма или пота. Только едва заметный запах, который и описать-то слов не нашлось. Лишь пробуждающееся от него чувство чего-то родного, словно давно знакомого, но забытого...

Звонок в дверь вырвал Аню из блаженного нюханья Витиной рубашки. Забыв, что не у себя дома, она отправилась открывать, оставив любимого досматривать сны.

Уже в прихожей опомнилась, что в гостях. Неуверенно подошла к двери — не может же она впустить в чужую квартиру кого бы то ни было. Но любопытство брало свое — развернуться, так и не узнав, что за посетители приходят к Вите рано утром, было выше ее сил. Аня отодвинула медный кругляш, прикрывающий стеклянный глазок, наклонилась ближе, всматриваясь в суженную картинку лестничного пролета. Сердце ухнуло, мешая страх с радостью и обидой. Мама.

Хотя нет, мамой она была неделю назад, а сегодня уже — Марина Вячеславовна. Что она делает здесь? Зачем пришла теперь, когда сама оторвала Аню от себя, растоптала связующую ниточку? Отшатнулась, прислушиваясь к внутреннему голосу. Открыть? Хотелось. Но Аня боялась этого желания. Боялась, что не сможет сдержаться, разревется и все простит. Вот только нужно ли маме ее прощение?

О том, как она ее нашла, Аня не подумала. Так и стояла в коридоре, разрываясь между желанием открыть и выпрыгнуть в окно, лишь бы не проявить слабость перед тем, кому больше не верила. А что скажет Виктор и что мама наговорит ему? Лучше разобраться со всем самой. Решительно двинулась в двери и уже обмякающими пальцами открыла замок.

Глава 31

Пять дней Марина прожила, как механический робот — ела, спала, бродила по улицам, но ничего не чувствовала. Движения и жесты стали ломанными, слова — картонными и пустыми. Окружающий мир потерял краски и запахи, словно его облили кислотой. Марина упорно отказывалась признаваться, что все из-за того, что теперь у нее нет дочери. Старалась забыть об Ане, искренне считая ее дрянью и предательницей, а сердце настырно отказывалось верить в доводы разума. Марина скучала и чахла без дочки, но изо всех сил пыталась вычеркнуть из жизни даже воспоминания о ней. Она нарочно не заходила в Анину комнату, но все время ловила себя на том, что непрестанно смотрит на ее дверь.

Теперь у Марины появилось единственное утешение, способное ненадолго отвлечь от бессмысленной борьбы с самой собой — бары. Ночные заведения Москвы неизменно встречали ее оглушающей музыкой, толпами молодежи и горячительным. Но находясь в эпицентре тусовок, она умудрялась оставаться в одиночестве. Тут время для Марины останавливалось, измеряясь только пустевшими бокалами вина.

Бизнес она совершенно запустила, наблюдая со стороны, как он рассыпается в труху. Если раньше он казался оправданной обузой, то теперь стал бессмысленной тратой сил и денег. За пять дней без Анюты Марина ни разу не посетила ни одного своего магазина. Поставщики и сотрудники штурмовали ее мобильный — она с завидной настойчивостью нажимала кнопку «отбой». А на шестой день, слоняясь по обезлюдевшей квартире, решила продать все на хрен. Вот только заниматься сделкой самой: искать покупателя и оформлять документы, не хотелось. Она устала суетиться, оббивая коридоры власти и будуары местных воротил. Но точно знала, кто может помочь сделать все без шума и пыли — Виолетта.

Звонить подруге Марина не стала — не хотелось отбиваться по телефону от расспросов, от которых Вита вряд ли сможет удержаться. Отправила короткое сообщение: «Срочно нужна твоя помощь — приезжай» и села ждать гостью в прихожей. Наконец, по квартире разлился мелодичный «голос» дверного звонка.

Открыла, не сомневаясь, что по ту сторону двери — Вита. Но на пороге стоял молодой человек с кудрявой шевелюрой и узким разрезом глаз. Видимо, он не ожидал, что ему так быстро откроют. Может, даже готовил целую речь, чтобы его пустили. Наверняка, какой-нибудь коммивояжер с кипой ненужного барахла.

— Что вам надо? — не тратя время на любезности, произнесла Марина.

— Здравствуйте, — похоже, парень опомнился. Судя по воодушевившемуся лицу, сейчас он выдаст тираду о супернеобходимой в хозяйстве сушке для носков или чем-то подобном.

— Я ничего покупать не буду и в опросах не участвую, — резко заявила, намереваясь захлопнуть дверь.

Но незнакомец нагло сунул ногу в проем.

— Не торопитесь, — пытаюсь скрасить хамский поступок улыбкой, произнес он. — Я ничего не продаю, но, признаюсь, надеялся услышать от вас ответы на несколько вопросов.

— Уберите ногу, — процедила Марина, чувствуя, как в груди зарождается гнев.

— Не надо сердиться, — дружелюбие исчезло из его голоса. Вместо него проявилась настойчивость. — Давайте поговорим спокойно.

— Нам не о чем разговаривать! Кто вы такой?! Почему позволяете себе такую бестактность?

— Я — частный детектив Антон Карабыжа. Вы можете не представляться — я знаю с вас почти все. В том числе о том, каким образом в вашем доме появился ребенок, — парень протянул удостоверение детектива.

— Да я в метро могу десять таких купить! — резко парировала Марина, безжалостно колотя дверью по его ноге. — А все остальное — не ваше дело!

В голове искрой пронеслась мысль: зачем он заявился, если уже нашел Анюту для настоящего папаши?

— Вы в курсе, что по уголовным делам нет срока давности?! — вместо ответа неожиданно рывкнул детектив. — И не надо оправдываться — у меня достаточно доказательств. Лучше отдайте девочку добровольно!

Марина опешила.

— Да как ты смеешь! Всякое хамье будет тут меня уголовницей обзывать?!

— Что за шум?

Соседняя дверь отворилась, являя в приоткрытую щель, стянутую цепочкой, лицо соседа — Василия Ильича. Сморщенное, с пучками редких волос и рыжими бровями. Не успела Марина попросить его вызвать милицию, как он, оценив ситуацию, тут же скрылся обратно. Она так и застыла с открытым ртом. Вот сволочь! А ведь когда его затопили соседи сверху — всех на уши поднял, и ее — в первую очередь.

Марина внутренне заметалась — как быть? Послать куда подальше? Так ведь этот хам не отстанет. Пойти у него на поводу и поговорить? Нет! Самолюбие встало колом, противясь такому исходу. Наконец, в голову пришел самый приемлемый вариант, как избавиться от непрошенного гостя.

— Ее здесь больше нет, — ледяным голосом отчеканила она.

— Как нет? — с детектива мигом слетели резкость и наглость.

— Вот так, нет, — устало проговорила Марина. Оставив дверь в покое, прижалась спиной к косяку — силы покидали. Все больше в сознании ширилась догадка, что Аня и впрямь ничего не знала.

— А где?..

— Не знаю. Она ушла. И можете не трудиться — я ей все рассказала, — в горле пересохло, губы слипались.

— Как? — неверяще уставившись на нее, пролепетал детектив. — И про то, что украли — тоже?

— Про это — нет.

Воспользовавшись его замешательством, Марина вытолкнула мешавшую ногу и закрыла дверь. Защелкнула замок, чувствуя, как подкашиваются колени и слезы рвутся наружу.

— Уходите! — закричала, прислонившись к двери. — Вам больше нечего здесь делать! — И добавила тихо сама себе: Как и мне...

Марина застыла, прислушиваясь к удаляющимся по ту сторону двери шагам. Когда они стихли, прошла на кухню, села на табурет, бесцельно всматриваясь в одну точку. Зачем ей эта квартира? Для одинокой женщины хватит и однушки. Тем более — для безработной. Надо и жилье продаж, — подумала вскользь. Лишь старинные часы нарушали тишину, совпадая таким с ударами сердца...

Звон мобильного вырвал Марину из дремы. На дисплее — незнакомый номер.

Удивилась, но решила, что это Вита. Мало ли что? Зарядка села или денег нет. Такое часто случалось у шabutной и резвой подруги.

— Да?

— Вострикова Марина Вячеславовна? — раздался в трубке гнусавый приглушенный голос. Услышав подтверждение, он продолжил, — вы знаете, что ваша дочь сожительствоует с мужчиной намного старше себя?

Марина скрипнула зубами. Что же это за чудовище такое? Ей и так плохо — зачем еще лишний раз напоминать о Сережином и Анином предательстве?

— Да и что? — сердито буркнула она.

Видимо, на том конце провода не ожидали такого ответа, потому что не сразу нашли, что ответить. Марина нарочно не стала бросать трубку. Ей было интересно, что еще придумает «доброжелатель», чтобы сделать ей больно?

— И вас не смущает, что у них двадцать лет разницы? — отчаянно выпалил неизвестный. Хотя, голос мог принадлежать и женщине. Или подростку...

Не успела Марина вслух удивиться, почему двадцать, как аноним добавил новую порцию информации.

— И что он ее преподаватель, вас тоже устраивает? — с болезненной надеждой в голосе уточнил он.

— Подождите, — Марина никак не могла понять, о чем речь. — Какой преподаватель? Откуда? Вы кто?

— Доброжелатель, — пискнули на том конце провода, и отключили телефон.

Марина перезвонила, но вежливый голос рапортовал, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Как же так, — лихорадочно суетились мысли в голове. — Преподаватель... На двадцать лет старше... Но это же точно не Сергей! Но как? Она же своими глазами видела, как они обнимаются в его дворе. И не только обнимаются... Хотя про поцелуй она додумала — обзор не позволял рассмотреть...

Голова разболелась, словно разваливалась на части. Ледяной стрелой от сердца до пупка проскочило откровение — Анюта ни в чем не виновата и ничего не знала! И влюблена она совсем в другого человека! Но Марина боялась поверить в эту догадку. Она должна была во всем разобраться, даже если для этого придется наступить себе на горло и встретиться с Сергеем.

Телефон снова пискнул. На этот раз — Виолетта.

— Извини, — с ходу затараторила она. — Но я буду часика через два, сейчас шеф загружил.

— Да мне и самой некогда, — ловя дрожь в собственном голосе, ответила Марина. И, пресекая расспросы подруги, добавила, — позже перезвоню.

Забыв про то, что одета в домашние затертые брюки и рубашку, выскочила из дома. Всю дорогу, пока тряслась в переполненной электричке метрополитена, жалела, что так и не забрала машину со стоянки торгового центра. Не хотела встречаться нос к носу с «влюбленной парочкой»... О том, где теперь Анюта, если и впрямь между ней и Сергеем только дружба, старалась не думать. Сначала надо было убедиться, что это так.

Как же тяжело оказалось подниматься по знакомым ступенькам, стоять перед новой дверью с фигурным номером и ждать, когда она наконец-то откроется. Сердце ухалось в пятки, отдавая нервной дрожью в живот. Марина пыталась справиться с собой, взять себя в руки, но ничего не получалось. «Только бы не заплакать», — крутилось в голове. Прошло

несколько минут прежде, чем на пронзительный писк звонка по ту сторону двери отозвались шаги. Задержались ненадолго у двери, а потом на пороге появился Сергей.

— Привет, — помимо воли расплываясь в улыбке, произнесла Марина. Но тут же себя отдернула. — Аня у тебя?

— Здравствуй, — сухо ответил Сергей. — Нет. А должна?

— Так вы вроде... — она не знала, что сказать дальше. Хорошо бы войти внутрь и посмотреть самой, — мелькнула мысль. — В гости не пригласишь?

— Не обижайся, но нет, — показалось, или на его лице выступила тень страданий. Похоже, ему мучительно видеть ее... Как же она могла проболтаться про измену?! В этот миг Марина кляла себя за поганый язык и неуместные откровения. Одним махом растоптать всех близких людей! Но ведь он и так собирался ее бросить?

— Сереж, почему ты ушел? — спросила, пытаясь проглотить предательский ком в горле.

— Аня проговорила, что тебе сорок шесть, — не глядя на нее, ответил Сергей. — Как оказалось — не зря.

Марина закусила губу. Идиотка! Все еще можно было вернуть!

— А что она делала у тебя? — последняя попытка зацепиться за ложные выводы.

— Я ее с университета подвез, хотел показать, какой сделал ремонт... для тебя, — он кашлянул в кулак.

Новая вспышка догадок — вот о каком сюрпризе шла речь!

— Сережечка, — прошептала, чувствуя, как по щекам текут слезы, — прости меня...

— Извини, — голос Сергей зачерствел. — Не могу...

На лестничной клетке повисла тишина, сквозь которую слышалось, как скулит собака в соседней квартире.

— А что с Анютой? — Сергей первым решил нарушить тягостное молчание.

— Ушла из дома, — все Мариного существо надрывалось криком. — А сегодня кто-то позвонил и сказал, что она с каким-то мужчиной намного старше себя...

— И ты решила, что это я. Как видишь — нет.

Марина закивала, сжимая кулаки. Отчаяние обжигало душу, к горлу подступала дурнота. Где теперь Анюта? Что с ней? Что же она наделала!

— Ты ей звонила?

О Боже! В том ожесточении, которое владело ею несколько минут назад, Марина могла только проклясть. Мотнула головой, обливаясь слезами.

— Да ты что? Совсем с ума сошла от ревности, что ли?

Сергей схватил ее за локти и как следует тряхнул.

— Марина! Очнись! Твоя дочь неизвестно где, а ты даже ей не позвонила? Да что с тобой происходит?!

— Я не знаю, что делать, Сережа, — давясь рыданиями, пролепетала она. — Мне сказали — она с каким-то преподавателем...

— Сорокалетним?

— Да, вроде... На двадцать лет старше.

— Она мне рассказывала про какого-то Андреевича... Имя не помню, — Сережины брови съехались к переносице. — Он у нее преподавал — в их университете. Тебе нужно бежать туда и узнавать адрес. Хочешь, я пойду с тобой?

— Не надо, — ответила, понимая, что в противном случае придется обо всем рассказать

и вновь пережить позорную ссору. Только теперь осознавая абсурдность подозрений и гнева... — Я сама. Спасибо.

Спустившись на один пролет, Марина услышала, как тихонько захлопнулась дверь Сережиной квартиры. Может быть, он все это время смотрел ей в спину, надеясь, что она передумает?

Глава 32

Ступая по университетским коридорам, Марина пыталась вспомнить, где же тут находится деканат. Вежливый дедушка на проходной сказал, на какой этаж идти и куда свернуть, но в голове все смешалось. Теперь же спросить было не у кого. Попетляв из крыла в крыло, Марина наконец наткнулась на золотистую табличку «Деканат». Поморщилась, вспоминая сальности Бориса Венедиктовича, но сейчас гораздо важнее было найти Аню. Ради этого Марина могла стерпеть и большее унижение.

В приемной, не обращая внимания на вошедшую посетительницу, сидела белокурая высокая девушка с массивной грудью. Последняя заметно теснилась в алой блузке, намереваясь выскользнуть наружу при каждом движении хозяйки.

— Здравствуйте, — отрывая секретаршу от переключивания бумаг, произнесла Марина. — Борис Венедиктович у себя?

Девушка обернулась к ней, словно впервые увидела.

— Здравсьте. Да, но он занят и скоро уедет.

— Мне надо срочно с ним поговорить. Я мама одной из студенток...

— Студентов у нас море, их родственников — еще больше. А декан — один. Так что в следующий раз.

Марина ощутила, что звереет. Губы непроизвольно сжались, руки сцепились на груди, затворяясь от грубиянки. Конечно, секретарша скорее выполняла указания начальника, вот только про то, что общаешься с живыми людьми, а не со скотом, тоже надо помнить.

— Вам неплохо бы поучиться хорошим манерам, — отчеканила Марина, сверкая глазами.

— Если вам что-то не нравится... — вновь погружаясь в бумаги начала секретарша.

Но Марина не стала дальше слушать, широкими шагами добралась до двери декана и рывком открыла ее. Борис Венедиктович в развязанном галстуке вальяжно развалился в кресле с рюмкой коньяка. Все то же пухлое лицо, обрюзгшая мешковатая фигура и масляные глазки.

— Можно? — произнесла звенящим голосом.

— Конечно, — ответил он, прищуриваясь. Видимо, пытался вспомнить, с кем разговаривает.

Оставив так и не шелохнувшуюся секретаршу в полном одиночестве, Марина прошла внутрь и захлопнула дверь.

— Я мама Анны Востриковой — студентки четвертого курса юридического факультета, — сразу внесла ясность она.

— А-а! — его губы расплзлись в благодушной улыбке. — Присаживайтесь, — растягивая слова, продолжил декан. — Не узнал вас, хотя, помнил каждую минуту, — в глазах Бориса Венедиктовича мелькнуло разочарование, смешанное с некоторой брезгливостью. Похоже, ухоженная и шикарно одетая Марина нравилась ему больше, чем она же в подобии домохозяйки и без макияжа. — Чем обязан?

— Мне нужно узнать адрес одного из ваших преподавателей, — с ходу выпалила

Марина. Ходить вокруг да около в ее положении было бессмысленно.

— Хм... Наслышан-наслышан. Полагаю, вас интересует Виктор Андреевич Чагин?

— Наверное.

Чагин... Чагин... Эта фамилия крутилась в Мариной голове, словно она раньше слышала ее. Вот только где?

Борис Венедиктович наклонился, покопался в ящиках стола, достал оттуда мятый листок и протянул ей.

— Право, я не знаю, что вам посоветовать. Поверьте, я хотел как лучше, поговорил с вашей дочерью, все объяснил. Но все сходится к тому, что она решила пойти назло мне, вам и всему обществу...

— Вы о чем? — спросила, пробегая глазами по скудному досье.

— Как? Так вы не в курсе дела? Я вызывал Анну, беседовал с нею, и мне показалось, что мы друг друга поняли. Я, признаться, до конца не верил в их роман. А через несколько дней узнаю, что они уже живут вместе!

Марина побагровела. Обсуждать с деканом личную жизнь дочери она не собиралась, тем более в снисходительно ехидном тоне, сквозившем в каждом растянутом слове Бориса Венедиктовича. Но еще мучительнее, чем выслушивать подобные суесловия, было осознавать, что это — ее вина.

— Давайте, не будем об этом, — тактично остановила декана.

— Как пожелаете, — и без того узкие глаза его превратились в щелки, а потом расширились. Он откинулся на спинку кожаного кресла и снова взял бокал. Видимо, Маринына персона его больше не интересовала. Ни как женщина, ни как собеседник.

— Можно, я заберу эту бумагу? Или копию? — поняв, что не сможет сосредоточиться в этих стенах, произнесла Марина.

— Да, конечно. Я ее для вас и напечатал. Знаете — последнее средство воздействия...

— Спасибо, — пресекла дальнейшие наравоучения. — До свидания.

— Да-с, — оборвавшись на полуслове растерянно произнес декан. — Заходите. И это... Если все так и останется, я буду вынужден отчислить Анну. Не обессудьте.

Он демонстративно развел руками, выплескивая коньяк из бокала на махровый ковер. Марина поспешила покинуть его кабинет, приемную, да и сам университет. Впиваясь взглядом в четкие буквы и фотографию в серую крапину, пыталась вспомнить, где видела это лицо?

Марина не помнила, как добралась до нужного дома. Бесконечная масса улиц, поворотов, светофоров слилась в единую массу, будто она крутилась на карусели. В груди горело от ненависти к самой себе. Что же она натворила из-за пустой ревности? Почему не выслушала Анюту, не поверила ей? Ведь было так просто выяснить правду! Марина ежесекундно кляла себя за одержимость Сергеем — иначе не назовешь болезненную привязанность, замешанную на любви.

Подкараулив первого выходявшего из подъезда, проникла внутрь. Не помня себя, добралась до пятого этажа, перепрыгивая через несколько ступенек сразу. Трясущимися пальцами нажала на звонок, борясь с желанием начать колотить в дверь. Тишина... Кажется, кто-то тихонько подошел с той стороны, остановился. Пусть смотрит! — подумала про себя. Ее лицо ничего не скажет этому чудовищу, посмевавшему совратить ее девочку!

То, что время идет, а никто не открывает дверь, доводило до бешенства, заставляло

сердце разрываться в груди тугими толчками. Когда же кончится эта проклятая тишина? Видимо, понял, негодяй, что натворил, и теперь отмалчивается в надежде, что Марина уйдет! Нет уж! Она поднимет на уши всех соседей, весь дом, весь город, если понадобится, но добьется от него ответа!

За дверью послышалось шуршанье и звук отползающей в сторону цепочки. Едва железная преграда отъехала — Марина ворвалась внутрь. Первое, что бросилось в глаза — Анюта в розовых трусах и мужской рубашке. Мир перевернулся, разом превратившись в безумную пародию, фарс. Как она могла допустить, чтобы дочка попала в лапы престарелого ловеласа?! Гнев наполнил каждую клеточку, ища выхода. И Марина знала, на кого его обрушит — за Аниной спиной, растерянно застегивая брюки, стоял Виктор Андреевич.

У Марины потемнело в глазах, кажется, ее даже затрясло от ненависти. Худощавый великовозрастный мужик с отпечатком интеллигентной грусти на лице. Именно такие нравились ей самой примерно в Анином возрасте. Веяло от них какой-то загадкой, печальной историей — хотелось узнать, что с ними случилось и утешить. Но Марина быстро разобралась в натуре одного такого «обиженного жизнью», после чего в молодости мужчины к сорока стали для нее безликими манекенами. У Анюты вышло иначе... А все из-за нее!

— Что? Доволен собой? — произнесла, наполняя слова едким сарказмом.

Виктор Андреевич подался вперед, всматриваясь в Марино лицо.

— Простите, мы знакомы? — близоруко щурясь, спросил он.

— Заочно, ты... — договорить не успела — вмешалась Анюта.

— Это моя мама, — отступая к совратителю, пояснила она. И добавила, как пригвоздила, — приемная.

— Анюта, не вмешивайся. Ты просто не понимаешь, что это за человек.

— Мам... Марина Вячеславовна, я люблю этого человека. И я уже взрослая, чтобы самой за себя постоять.

— Нет! Такие типы идут на все, чтобы поразвлечься с молоденькой девчонкой!

— Простите, — деликатно кашлянув, вмешался Виктор Андреевич. — Но я ни с кем не развлекался. Понимаю, вас обескуражило, что Аня живет у меня. — Аня открыла рот, но он жестом остановил ее. — Но ей больше некуда было податься. Того, о чем вы подумали между нами не было и не будет. Я так решил. Не стану скрывать — я испытываю определенные чувства...

— Знаю я, что ты испытываешь! — перебила Марина. — Как только земля таких носит! Была бы своя дочь, поди, все ляжки кипятком обоссал бы от страха за ребенка!

— Не надо так, — голос негодяя наполнился печальными нотками. — У меня тоже пропала дочка... давным-давно... И я до сих пор не знаю, где она и что с ней...

Он продолжал говорить, но Марина не слушала. Чудовищная догадка вонзилась в сознание, будоража память. Замотала головой — это невозможно! Но сознание услужливо подталкивало к глазам выдержки из газет, до сих пор хранимых в запертом ящике тумбочки:

«Внимание, розыск!

Разыскивается трехмесячная Кристина Чагина. Четвертого июля Галина Чагина, была найдена мертвой на тротуаре около городского парка. Следствием установлено, что она выходила из магазина с ребенком в коляске. На месте гибели обнаружена коляска, но ребенка в ней нет. Просим всех, кто что-то знает, обратиться в местное отделение милиции».

Дальше приписка от лица самого Аниного отца:

«Пожалуйста, верните ребенка! Очень надеюсь, что вы поймете, что я сейчас чувствую, потеряв в один день и жену, и дочку. Или хотя бы сообщите, что с ней все в порядке! Прошу вас! Кто что-нибудь знает или видел — не утаите! Буду благодарен всем отозвавшимся. С надеждой, Виктор Чагин».

И черно-белая фотография: Аня на руках у матери и ее отец, заключающий обеих в широкие объятия...

— Не-е-ет... — сорвалось с Марининых губ. Детектив приходил к ней с утра, значит, Виктор Андреевич еще не в курсе, что Аня — его дочь... Нет! Закричало все Маринино существо. Неужели из-за ее бессмысленной истерики Анюта оказалась в объятиях собственного отца, да еще в такой извращенной форме? Мысль казалась невыносимой, прожигающей душу насквозь отчаянием и угрызениями совести.

— Ты... Ты... — Марина никак не могла произнести этого вслух. — Ублюдок! Ты совратил собственную дочь!

Виктор Андреевич окаменел, перестав даже моргать, а потом стал переводить взгляд с Марины на Анюту. Дочка тоже застыла, прижимая руки в груди. Она во все глаза уставилась на Марину, как бы умоляя «скажи, что это не правда!».

— Да, — Марина продолжала добивать врага. — Это я забрала ребенка из красной коляски, когда твоей жене попала щебенка в висок. И было это в Твери, правда, тогда город назывался Калинин...

Она не отдавала себе отчета, обрушивая на Виктора Андреевича очередную порцию подтверждений. Желание растоптать его, вынудить кусать локти от раскаяния, поглотило ее. Изливая свою вину на другого человека, Марина совершенно забыла про Анюту. Когда же спохватилась — как она отреагирует на сказанное, очнулась и дочка.

Продолжая мотать головой, Аня выскочила из квартиры как была — в трусах и рубашке. Марина рванула следом, но ее остановили цепкие пальцы Виктора Андреевича, впившиеся в предплечье.

— Это правда?! — переходя на крик, спросил он.

— Да. Тебе недостаточно доказательств? Так знай — утром ко мне приходил нанятый тобой детектив. Антон... Фамилию не запомнила, но она какая-то смешная.

Марина попыталась оторвать его руку от себя, но ничего не получилось — она сжималась еще сильнее, грозя оставить синяки.

— Пустите меня!

— Зачем? — в глазах Виктора Андреевича стояли слезы. Марина отвернулась, кроме влаги там еще было что-то такое, чего она не могла выдержать.

— Бог подарил ее мне.

Секунда — и он разжал руку, сползая на порог. Марина побежала вниз, поглощенная одной мыслью — надо догнать Анюту. А там все наладится, да, все будешь хорошо. Главное — догнать Анюту...

Глава 33

Аня бежала, не разбирая дороги, пока не стало колоть в правом боку. В голове резвился ветер, разбрасывая мысли в разные стороны. Сейчас она не думала ни о чем и ничего не соображала. Только в груди все разрывалось на части, не имея возможности выплеснуться слезами. В глаза будто насыпали песка, а губы шептали одно: «Так не бывает...».

Углубляясь в незнакомые переулки, совершенно не запоминала, куда бежит — все дома казались одинаковыми, серыми и убогими великанами. Да и зачем? Она не вернется

обратно. Никогда. Ноги занесли Аню в какой-то узкий двор с коробушками гаражей и бабками у подъезда. Они смерили ее «прокурорскими» взглядами.

— Чего только с молодежью ни делается, — поджав губы, произнесла одна из них — тучная, в цветной кофте и с авоськой в руках.

— Совсем стыд потеряли, — поддержала ее вторая, такая же полная, но ниже ростом и в очках с толстой оправой.

Аня не сразу поняла, что речь идет о ней. А, впрочем, неважно. Теперь все стало неважно... Осмотрелась, выискивая, куда можно было бы пройти дальше. Но двор оказался глухим.

— Да она, поди ж, наркоманка, — подбирая авоську к груди сказала первая бабуся. — Можя, милицию вызвать?

— Да ты что?! Я их и не видала никогда, — искренне всплеснула руками вторая, пристальнее всматриваясь в Анино лицо. — Молодая такая, а уже порченная...

— Да ты смотри: кто в здравом уме по улицам голышом бегают? Точно — наркоманка, либо пьяная... Но пьяная бы на ногах ровно не стояла... А чего их жалеть-то, сволочей? Сами колются и других на дозу подсаживают, — вторая бабуся решительно направилась к подъезду. — В соседнем подъезде у Кириллыча одна такая внука СПИДом заразила.

Сказав это, она скрылась за железной дверью. То ли поспешила вызвать правоохранительные органы, то ли просто испугалась, что наркоманка может и ее заразить чем-нибудь. Подумав об этом, Аня усмехнулась, ощущая, какая кривая и едкая вышла улыбка. Да, скорее всего она и впрямь выглядит ужасно. Растрепанная, с безумным взглядом, в одних трусах и мужской рубашке. Увидев такую в своем дворе, Аня тоже поспешила бы скрыться прочь — от греха подальше. Спихватилась — надо же, вернулась способность мыслить... Вот только о главном и мучительном мозг упорно отказывался рассуждать. Как и верить в реальность происходящего.

— Дочка, — тихо произнесла оставшаяся бабушка. — Ты бы шла домой. Али случилось чего?

— Случилось... — еле выдавила из себя Аня. Нестерпимо захотелось выговориться здесь и сейчас, но слезы застряли в горле и дальше не шли, как и откровения. — А дом... У меня теперь нет дома. И не было никогда...

Бабуля посерьезнела, подошла ближе, впрочем, оставаясь на разумной дистанции.

— Так, может, милицию вызвать?

— Нет, спасибо, — не мигая, ответила Аня. — Милиция мне не поможет...

Не дожидаясь ответа, она помчалась прочь из незнакомого двора. Вернувшись способность мыслить убивала, наполняла душу горечью и страданием. Бежать, ничего не соображая, было легко и свободно. Вот только рыдания все сильнее штурмовали горло и становилось труднее справиться с желанием выплеснуть их в чью-нибудь надежную жилетку.

Видимо, Анины ноги лучше нее самой знали, куда нести хозяйку. Через полчаса, час или полтора — она не знала сколько прошло времени — остановилась, напряженно глотая ртом воздух. Огляделась — знакомый дом с железными балконами. Аня прошла во двор, нажала код подъезда под удивленными взглядами женщин, приглядывавших за возившимися в песочнице детьми. Вошла в подъезд, отсчитала каждую ступеньку, вспоминая, как Сережа нес ее здесь на руках. Память отказала на пятнадцатой.

Очнувшись перед открытой дверью, из которой доносился противный писк звонка. Будто

в вязком сне проследила за своей рукой, беспрестанно трепавшей черную кнопку. Наклонив голову, стала всматриваться в тьму проема — где же Сережа?

— Анюта, да ответь же! — над самым ухом раздался его отчаянный голос.

Оказывается, он тряс ее за плечи. Почему раньше не почувствовала? Мысли пружинили, мешались, ускользали. Каждую становилось крайне сложно додумать.

— Привет... — произнесла, словно кукла, которая хлопает глазами и пищит «мама», когда ее переворачивают.

— Что случилось? — интонация Сергея наполнилась тревогой.

В один миг перед Аниными глазами пронеслась минувшая сцена, больше напоминавшая театральную постановку или дурацкий розыгрыш. Вот когда слезы вырвались наружу.

— Мне плохо... Мне очень плохо, Сережка...

Аня задышалась. Слова застревали в горле, в груди разгорался пожар. Как она могла полюбить родного отца? Кто там наверху решил сыграть с ней такую шутку? А главное — за что? Ане казалось, что она умирает — рыдания рвали легкие. Ей хотелось наказать себя за предательскую, запретную любовь, вырвать сердце и сжать его в кулаке. Она готова была на все — лишь бы оно перестало ныть и вливаться в душу щемящей горечью.

— Анют, расскажи хоть что-нибудь! Я попробую помочь, — Сергей обеспокоенно тормозил ее, пытался заглянуть в глаза.

Но Аня не смогла ответить — из ее рта не вылетало ничего, кроме рыданий. Плечи дрожали, слезы лились сплошным потоком, застилая глаза.

— Препод твой что-то натворил? Марина? — Сережка предпринял новую попытку разговорить ее.

Аня сильнее прижалась к его надежному плечу. Ощутила искреннюю поддержку, заботу, проскальзывавшую в интонации, словах, жестах Сергея. Вот он — настоящий друг, которому всегда можно поплакаться «в жилетку», доверить тайны и в ответ услышать не абстрактное «все наладится», а правду. Он не станет ее жалеть, чтобы полегчало, но поможет исцелиться через мучения и боль. И при этом — всегда будет рядом, защитит. В голову закралась шальная мысль — вот кто поможет ей избавиться от проклятого чувства.

Перестав рыдать, Аня повернулась к Сергею, заглянула в теплые карие глаза, а потом прикоснулась к губам своими. Он не отшатнулся. Сидел, как вкопанный и ждал, когда она перестанет его целовать. Но Аня не унималась. Осознание, что ласкается не к тому, кто оказался так дорог и так недосыгаем, терзало. Хотелось остановиться и убежать. Вот только можно ли скрыться от себя самой?

Аня провела языком по Сережиным губам, прижалась к нему всем телом, еще содрогающимся от плача. Хотелось вжаться в него, почувствовать на себя тяжелую плоть мужчины, который единственный не причинит вреда, потому что не хочет этого делать. Кажется, более опытная в любовных делах Карина говорила, что сильный пол возбуждают прикосновения «там». Замирая от страха и давясь слезами, Аня скользнула рукой к Сережиной ширинке, но он остановил ее.

— Ты этого хочешь? — спросил осипшим голосом.

— Мне это надо, Сереженька... Очень надо... — Аня оторвалась от Сережиных губ и умоляюще посмотрела на него.

Не произнося больше ни слова, Сергей ответил на поцелуй — долго, трепетно, но не страстно. Будто не сексом собирался заняться, а писал кистью на холсте. Так же нежно положил ее на диван и стал расстегивать рубашку. Каждый миг, когда он прикасался к ней,

Аня мысленно благодарила Сережу. Его ласки были не требовательными, а успокаивающими, размеренными, поцелуи согревали. Аня зажмурилась, целиком отдаваясь во власть первого любовника.

Выходило совсем не так, как ей хотелось — вместо наказания она получала утешение. И только острая боль, вонзившая внизу живота, наполнила душу очищающим самобичеванием. Но это именно та боль, которая ей сейчас была нужна.

Аня стояла под прохладными струями душа, равнодушно рассматривая обстановку Сережиной ванной. Голубая плитка на стенах и такой же пол, местами облупившая побелка на потолке... Пустая корзина для грязного белья, с усердием бухающая стиральная машинка и кристально-белый «седалищный друг»... Узкий совмещенный санузел, который казался просторным только из-за того, что вместо привычной чугунной ванной красовалась душевая кабина. Аня закрыла лицо руками. Вот и все... Теперь от ее невинности не осталось и следа — Сергей вовремя сообразил, что произошло и аккуратно подложил под Аню свою рубашку, которая сейчас вертелась в стиральной машинке.

Хотелось плакать, но глаза оставались сухими. Детство кончилось. Причем не час назад на диване, а тогда, когда в дверном проеме квартиры Виктора показалось перекошенное лицо матери... Аня уже смирилась с этим. И теперь в груди разрасталась крошечная пустота, поглощавшая все прочие чувства... В том числе — сожаление о содеянном.

И потом, чего теперь метаться, если все случилось? Не без ее желания случилось... И тут стоит еще раз поблагодарить Сергея — он не стал ее утешать, раскаиваться или мозолить языком тему девственности. Хоть и был удивлен и даже растерян, когда понял, с чем столкнулся. Аня видела это по его лицу. Но недоумение сменилось нежностью, движения стали до крайности плавными, будто Сережа испугался, что она разобьется от очередного толчка. Не разбилась и не рассыпалась... Просто, стала чуть-чуть другой. И потом — она сама хотела этого, к чему теперь терзания и разговоры?

Аня выдохнула, выталкивая из легких тоску вместе с воздухом. Может, много позже она и будет убиваться, но сейчас в этом нет смысла. Когда на плечах висит более тяжелое преступление, такой грешок кажется невесомым, надуманным... Отец... Сколько раз, несмотря на ненависть к выдуманному образу, Ане хотелось его ласки, доброго совета, строгости в конце концов! В детском саду и начальных классах она с завистью слушала рассказы других детей, когда на двадцать третье февраля они хвастались храбрыми и умелыми папами. А потом просто перестала верить в чудо и ждать, что отец вернется. Бросит разлучницу и найдет их с мамой... Вот идиотка! Она и впрямь верила в это! Жила мечтой и, как казалось, стерегла для папы место в маминой сердце...

Теперь у нее нет мамы... Той самой, которая пела колыбельные и ругалась из-за двоек... Той самой, которой единственной можно было рассказать обо всех проказах, замирая от страха в ожидании упреков. И вместе с тем, заботливее и роднее которой не существовало во всем мире другого человека... Все — ложь! Даже сейчас в голове не укладывалось, что случившееся — правда... словно Аня впала в забытие и оказалась в кошмаре, где каждый близкий превратился в оборотня: мать — в монстра-воровку, а любимый — в заблудшего отца...

Аня закрыла рот ладонью, давясь яростным стоном. Почему она?! Этот вопрос мучил ее неотступно. Чем провинилась? В Москве миллионы людей, а такое «счастье» свалилось именно на ее голову! Уж лучше бы кирпич — так хотя бы не пришлось жить дальше с

полученными ранами... А ей придется... Смотреть в зеркало, видеть глаза, которые подарила ей настоящая мать, вспоминать волнующие поцелуи того, кого язык отчаянно отказывался называть отцом... И жить с этим.

Взгляд скользнул по станку, видимо, оставленному Сергеем после утреннего бритья. Хотя... Всего несколько полос на запястьях и все проблемы растворятся в бесконечности небытия... Пугающей пустоте, заглянув в которую душа сжимается в комок, а сердце обливается кровью. Аня вздрогнула, собственные мысли заставляли трястись, но не от холода, а от пожирающего сознание страха. Она подалась вперед, потом отшатнулась. «Этим ничего не решишь...» — шептали губы, а руки все равно тянулись к лезвиям. Надо только разломать станок, чтобы вытащить их из безопасного плена. Суицид перестал казаться невозможным, наоборот — все больше манил исцеляющей силой забвения.

Дверь в ванной открылась, на пороге застыл Сережа с полотенцем в руках. Аня инстинктивно прикрылась правой рукой, а левую спрятала за спину — в ней сейчас был зажат бритвенный станок. Почувствовала, как кровь прилила к щекам. «Веду себя, как ребенок, застанный с коробком спичек», — досадливо подумала. Более того, внутри поселилось раздражение, что Сергей ворвался в самый неподходящий момент. Видимо, он заметил смятение на ее лице, отвернулся и протянул полотенце.

— Держи, хватит мокнуть, пойдем — чаю горячего попьем с медом, — в голосе сквозила наигранная бодрость.

Наверное, Сережа и впрямь хотел поднять Ане настроение, но сейчас ей было нужно только одно — чтобы он поскорее ушел.

— Ты иди, — пробурчала она, скрывая досаду. — Полотенце брось куда-нибудь, я еще не закончила, — со смаком выговорила последнее слово. Скоро будет конец всему: и купаниям, и угрызениям совести...

Сергей оставил полотенце на стиральной машине и ретировался. Аня развернулась к душевой, полная решимости покончить с этой никчемной жизнью. Взгляд наткнулся на капли, разукрасившие алым голубизну кафеля. Аня поморщилась, раскрыла левую ладонь, из тонких полос на которой сочилась кровь. Видимо, она слишком сильно зажала станок в кулаке — он сломался, и лезвия впились в нежную кожу.

Аня подошла к раковине, включила воду и подставила туда руку. Прозрачные струи становились розовыми и уносились в сток. Вот так и ее силы умчаться из порезанных вен в просторы канализации, а вместе с ними и все ее существо. Сознание померкнет под аккомпанемент терзающей душу ненависти к самой себе...

— Анют! Хватит угнетать себя в одиночку! — раздался голос Сергея из-за двери. — Выходи уже!

Аня вздрогнула и очнулась от заволаживающего зрелища. Схватила за руку, словно на ней зияла смертельная рана, и опрометью выскочила из ванной.

Глава 34

В дверном проеме Аня столкнулась с Сергеем, уткнулась ему в грудь и разревелась, размазывая слезы и кровь по лицу. Он крепко обнял ее, погладил по волосам широкой ладонью.

— Ну, хватит, успокаивайся, — произнес нарочито жестко, прижимаясь щекой к Аниной голове. — Все пройдет...

— Нет... Это всегда будет со мной, — с трудом выговорила она. — Сережа...

— Это что у тебя? — резко оборвал он, заметив кровь на ее ладонях.

Спрятать руки Аня не успела — Сергей с силой притянул их поближе, нахмурился, рассматривая порезы. Внутренне сжалась, готовясь выслушать ругань и воззвания к совести, но он не проронил ни слова. Так же молча провел ее в комнату и усадил в кресло, залез в тумбу, извлекая пузырек перекиси и бинты. Аня следила за его размеренными движениями, разглядывала Сережино сердитое лицо... Оно действовало, как горькая микстура — может, неприятно на вкус, зато целебно. Внезапно захотелось все ему рассказать, довериться даже в большей степени, чем несколько часов назад. Слова скатывались с языка, унося с собой частицу той боли, что kloкотала в груди. Ощущение безнадежной прострации истлевало под напором Сережиных заботливых рук, бинтовавших располосованную ладонь.

Перестав говорить, Аня уткнулась Сергею в плечо, будто пряталась от чувства вины, просыпавшегося под его строгим взглядом. Он затянул тугий узелок, обрезал махровые края повязки, задержался, согревая ее руки своими. Потом снял с себя футболку и одел на нее, как на ребенка.

— Это того не стоит, — после нескольких минут раздумий произнес Сергей.

— У меня теперь ничего не осталось, — на глаза опять запросились слезы. — Ни семьи, ни любимого человека...

— Нет, — Сергей решительно мотнул головой. — Есть ты. Значит, ты должна жить ради себя.

Аня кисло улыбнулась.

— Тебе легко говорить... — отвернулась, разглядывая лакированный подлокотник кресла.

— Анют, почему ты так уверена, что только тебе бывает плохо? — Сергей резко перешел на грубый тон, вырывая ее из очередной волны саможаления. — Откуда этот малолетний эгоизм? Вроде уже взрослая девчонка, а все думаешь, что у всех текут молочные реки с кисельными берегами, кроме тебя!

— Можно подумать, ты испытывал нечто подобное! — огрызнулась Аня, но тут же пожалела. Желание отговариваться и сыпать гадостями невольно захватывало верх над здравым смыслом.

— Не совсем. Но было. Не надо замыкаться на себе — оглянись, и увидишь, что в душе у каждого тонет камень, круги от которого никак не перестанут бежать... Да, тебе досталось от старухи-жизни, но у нее же припасено до хрена предательств для других.

Сергей встал и вышел из комнаты. Вскоре из кухни донесся щелчок чайника и хлопанье холодильника. Бесприютная тишина повисла над Аниной головой. Казалось, что в густоте беззвучия слышно, как бьется тугими толчками ее сердце. Без Сережиной опеки стало сиротливо и зябко. Поежившись, Аня тоже отправилась на кухню. Сергей стоял около раковины и ополаскивал кружки. На плите грелся ковшик с молоком.

— Тебя тоже предавали? — спросила, присаживаясь на уголковый диван.

— Да, — не поворачиваясь, ответил Сережа.

— Кто? — это не было любопытством. Ане и впрямь казалось необходимым знать, что не ей одной пришлось пройти через подобное.

— Моя девушка, — с вымученной улыбкой ответил он, ставя чистые кружки на стол. — Но это было давно, когда я служил еще. История банальная, так что с твоей никак не сравнима.

Сергей выключил конфорку, разлил пышущее жаром молоко по бокалам, подвинул к Ане деревянную крынку с медом.

— Угощайся.

— Не дождалась? — продолжала допытываться она, запуская ложку в мед.

— Да. Причем, я ведь не знал ничего. Просто погано как-то стало на душе. Вот и написал ей: «Что, сука, натрахалась?», а она в ответ всего два слова... «Как узнал». Вот и вся любовь...

Сергей мешал молоко, забыв положить туда меда.

— Ты ее до сих пор любишь? — замирая от страха, спросила Аня. Боялась не того, как он отреагирует на подобные расспросы, ответ был важен для нее самой. Она словно примеряла на себя Сережину боль, взвешивая, сумеет ли пережить свою?

— Нет, — чересчур резкий ответ. Будто оторвал и бросил от себя еще кровоточащий кусок плоти. — Я ее похоронил в тот самый день. И тогда мне тоже не хотелось жить, казалось — больше ничего не будет и не было никогда. Но потом опомнился — оставалась мать, отец, который еще не погряз в беспробудном пьянстве. Но вот возвращаться домой я не торопился. Остался служить. Тогда как раз начался путч, вся эта грызня с развалом СССР. А потом — Чечня... Вот где понимаешь, что нет ничего дороже жизни. Там все другое теряет смысл...

Аню распирало узнать побольше о Сережиной службе, но глядя в его подернутые задумчивой пеленой глаза, удержалась. Да и не станет он рассказывать про пережитое на войне.

— Ты убивал? — все-таки не смогла справиться с любопытством.

Сережа рассмеялся. Кажется, он даже обрадовался такому вопросу.

— Тебе это знать не обязательно.

Аня тоже улыбнулась, вспомнив, как в тот день, когда Сережа спас ее, спрашивала нечто подобное. Да, теперь нападение Васькиной шайки казалось таким далеким, зыбким. Если бы все забывалось столь же быстро и легко! Отхлебнула горячего молока, пахнущего липой и акацией, наверное, все и впрямь наладится. Когда-нибудь... Но что ей делать сейчас?

— Сережка, а что делать мне? Тоже их похоронить?

Обжигаясь, Аня сделала еще глоток. Сережа ответил сразу, видимо, для него все было просто и очевидно.

— Конечно, нет. Как бы то ни было — они твои родные люди. Марина... Не знаю, о чем она думала, почему не отдала тебя родному отцу? Знаю одно — неизвестно, что с тобой случилось бы на безлюдной улице, если бы не она. Она тебя вырастила, воспитала, выучила... И нельзя так просто вычеркнуть ее из жизни. Все равно она — мать. Пусть и не родная по крови. А вот Андреич... Пока видишь в нем мужчину — не стоит пересекаться. Надо остыть, подумать, отвлечься... Не знаю. Тут я тебе вряд ли советчик.

— А ты как... отвлекался... когда с армии вернулся? — задала щекотливый вопрос, до сих пор вертевшийся на языке.

— Мужикам проще — пошел девок портить направо и налево. Мстил, — ироничная усмешка сорвалась с его губ. — А потом успокоился и просто стал жить. Но для тебя это не выход, — тут же добавил строго. — Узнаю что плохое — уши оторву.

— Я бы уехала, но куда? У меня теперь и документов-то нет.

— Все у Марины?

— Да.

— Я заберу. А про уехать, — Сереже потер подбородок, — найдем куда. У меня тетка

живет в Подмосковье. Отправлю к ней в качестве дамы сердца. Заодно и откормит тебя козым молоком.

Он перешел на шутливый тон, но в голосе все еще проскальзывала грустинка.

— Спасибо. — Аня положила свою руку на его.

— Да не за что. Иди — поспи, а я пока смотаюсь на работу. Сегодня моя первая смена после отпуска.

Аня послушно отправилась в комнату, забралась с ногами в широкое кресло и забылась. В этой дреме не было ни снов, ни печалей. Только ощущение, что кто-то большой и сильный смотрел на нее с неба. И этот кто-то, в отличие от нее, точно знал — все пройдет. Пройдет и это.

Аня бестолково сновала по Сережиной квартире. Насидевшись у Виктора, она больше не хотела замыкаться в четырех стенах. Если бы у нее было, что одеть — пошла бы прогуляться, подумать. А так... Оставалось только смотреть «зомбоящик». Звонок в дверь заставил вздрогнуть. Нехорошее предчувствие закопошилось в животе, будто кто-то поселился внутри. Нерешительно потоптавшись, Аня отправилась к двери. Может, Сергей забыл ключи?

Глазок представил взору смутно знакомого парня — кудрявого с раскосыми глазами. Где же она видела его раньше? Но Аня не стала тратить время на воспоминания. Чутье подсказывало, что открывать не стоит. Отойдя от двери, села в прихожей, обхватив колени. Очередной настойчивый звонок, за ним — еще один. Страх сменился раздражением. Он что, так и будет стоять, вдавливая пальцем кнопку?

— Откройте! Я знаю, что вы там!

Аня молчала.

— Прошу, откройте! Я частный детектив, искал вас по просьбе вашего отца! Виктора Андреевича!

Аня вздрогнула, но только сильнее подтянула ноги к груди, будто на полу разлили кислоту и она боялась в нее вляпаться.

— Я все знаю! Простите его, прошу! Он очень вас любит и искал двадцать лет! Понимаю, сейчас вы не захотите с ним разговаривать, но, может, потом решитесь на новую встречу? Прошу вас, откройте!

Послышались глухие толчки в дверь.

— Уходите! — не выдержав, закричала она. — Я никого не хочу видеть!

По ту сторону двери послышалось шуршание, а потом приглушенный топот удаляющихся шагов.

Осторожно, будто ступая по стеклу, Аня подошла к двери. Прислушалась — тишина. Замирая от волнения, открыла замок, выглянула. Безлюдный лестничный пролет с клетчатой плиткой на полу и гнутыми железными поручнями. Взгляд упал на белый листок, валявшийся под ногами. Наверное, выпал из-за ручки двери.

Аня нависла над ним, будто размышляла — брать или нет, а потом молниеносно схватила, беспощадно комкая, и юркнула обратно за спасительную преграду.

«Анна! Можете злиться на отца, но очень прошу с ним связаться хоть когда-нибудь. Он очень страдает.»

Ниже — телефоны и адреса — Московские и Тверские.

Скомкав листок, Аня отправилась на кухню. Выбросить. Нет, лучше сжечь! Еще раз

столкнуться с Виктором... Нет! Аня предпочла бы броситься в огонь, чем оказаться с ним рядом. По крайней мере, настоящее пламя должно быть более милосердно, чем геенна стыда и ненависти к самой себе.

Аня села к окну и стала ждать, когда придет Сережа. Угасающее вечернее солнце отползало со двора, и вместе с ним редели мамочки с колясками и карапузами на детской площадке. Вчерашние бабули чинно вышли из подъезда и устроились на скамейке, похозяйски оглядывая двор. Аня готова была наблюдать даже за разноцветной кошкой, разлегшейся на капоте разбитой «девятки». Лишь бы не думать ни о чем другом и ничего не вспоминать...

Сергей пришел только к девяти. Вымотанный, понурый, будто работал гладиатором и только что побратался со львом. Аня обрадовано крутилась рядом, как щенок, наконец-то дождавшийся хозяина. Рассказывать было нечего, поесть она ничего не приготовила, поэтому звать на кухню тоже не имело смысла. Осталось только преданно заглядывать в глаза.

— Держи, — Сергей протянул широкий раздутый пакет. — Там паспорт и кое-какие вещи, мобильный.

Аня прижала авоську к груди.

— Ты был у нее? — язык присох к небу.

— Не совсем. Заходил, но Марины не было дома. Думаю, вам лучше пока не видится. Хорошо, если ты уедешь завтра с утра.

— А как же универ? — Аня невольно цеплялась за прежнюю жизнь, от которой у нее ничего не осталось. — Хотя, видеть его... Нет. Но и прогуливать тоже не очень...

— Пиши заявление на академотпуск. Я отнесу. Я взял билеты на двенадцатичасовую электричку до Можайска. Можно и раньше, но хочу тебя проводить, если не против...

— Конечно... Спасибо, Сереж, — Аня поцеловала его в щеку. Только сейчас осознала, что до сих пор комкает листок с Витиными адресами в руках. — Только... Я не поеду в Можайск.

— Как? Тебе надо...

— Да, но я поеду в другое место. Думаю, еще есть родня, которая будет рада меня видеть. По крайней мере, хочу на них посмотреть. А уже потом — к твоей тете.

— Тогда ладно. Ты ела чего?

Аня отрицательно мотнула головой.

— Зря, в холодильнике навалом харчей. Я, собственно, уже отчаливаю — на работу так и не попал, а ты голодом не морись — и так одни глаза остались. Поешь и спать. Да, заявление в деканат напиши, не забудь.

— Хорошо.

Сережа чмокнул ее в макушку и ушел, опять оставив в одиночку разглядывать стены квартиры и изученный вдоль и поперек двор. Аню лихорадило, внезапно вспыхнувшая идея пугала и одновременно притягивала. Конечно, только в мечтах все гладко, но разве от этого люди перестают мечтать?

Новый день настал слишком быстро. Аня не успела стряхнуть остатки дремы, как Сережа уже вез ее в выпрошенной у друга напрокат Митцубисси Паджеро цвета мокрого асфальта. Машина послушно вплывала в виражи, замирала на светофорах. Но Ане казалось,

что она едет слишком медленно и в то же время чересчур быстро. Может, потому, что ей самой и хотелось оказаться подальше от бывшего дома, и нет?

Толпы людей, толкавшихся на перроне, смущали ее. Вот что, значит, неделю просидеть взаперти — начнешь шарахаться от собственной тени. Одергивая себя от желания спрятаться за Сережиной спиной, Аня шла рядом с ним и разглядывала возможных попутчиков. Мужчины, женщины, дети... Бесконечные кутули и сумки на колесиках... Расслабленные и наоборот, напряженные лица... Интересно, как выглядит она? Аня вздохнула. Ей и сейчас не хотелось смотреться в зеркало, не то, что вчера вечером или сегодня с утра...

— Пришли.

Сергей остановился, поставил на асфальт перрона спортивную сумку с Анины вещами. Часть из них те, что он привез вчера от мамы, другую они купили буквально час назад в ближайшем к дому торговом центре.

— Ты звони, если что. Да и просто так...

Аня прижалась к его груди, потерлась щекой, вдыхая запах, ставший родным.

— Спасибо.

— Я это... Симку тебе новую купил — на себя записал. Но старая тоже в пакете с телефоном — перепишешь оттуда номера, какие посчитаешь нужным, — показалось, или он смутился? Похоже, Сергей не хотел с ней расставаться...

— Я буду скучать, — искренне улыбнулась, а потом, озорно сверкнув глазами, дотянулась до его губ и поцеловала.

Сережа не отпрянул, но и не ответил на прикосновение.

— Иди уже, — натужно рассмеявшись, произнес он и хлопнул ее по попе.

— Иду! Вот прямо не терпится тебе от меня избавиться!

Аня зашла в вагон, устроилась у окна, кинула сумку в ноги. Народу было немного — несколько мужчин в костюмах и с портфелями, бабушки с корзинками и с сумками, одна женщина в легком платье... Через несколько секунд раздался зычный женский голос, объявивший следующую остановку. Сережа не махал на прощание — просто не сводил с нее глаз все то время, что электричка, медленно разгоняясь, отползала от перрона...

— Прощай, — сдерживаясь, чтобы не заплакать, сказала сама себе.

Московские высотки замелькали перед глазами, словно кто-то отматывал назад пленку кинофильма. Вся эта насыщенная суeta останется позади, а что ждет впереди — об этом пока не знает никто. Но стоило вылезти из подростковой скорлупы, чтобы узнать это.

Глава 35

Хмурое вечернее небо нависало над головой. Дома подмигивали окнами, возвещая о приходе хозяев. Марина сидела на качелях в соседнем дворе, равнодушно глядя себе под ноги. Суетящиеся над мусорными баками галки, подростки, кутившие под козырьком подъезда, мелкий дождик, крапивший крыши припаркованных автомобилей... Ничто не отвлекало ее от безучастного созерцания... Раньше Анюта всегда пряталась здесь от семейных неурядиц. И почему соседский двор казался ей укромным и надежным? А, может, дочка хотела, чтобы Марина поскорее ее находила? Но, видимо, не в этот раз...

Марина не успела догнать Аню, вернее, слишком поздно выбралась от Чагина. От Анютиного пребывания около его дома не осталось и следов, и только переходивший дорогу дед с клюкой указал в сторону, куда убежала «бесстыдная девица». Но это не помогло отыскать ее.

Доблестная же милиция, на которую единственно оставалась надежда, вообще

отказалась шевелиться. Едва услышав, что пропал ребенок, голос дежурного на том конце провода оживился, но от подробностей про возраст, только хмыкнул в трубку. Мол, девочка уже взрослая и у них нет времени обыскивать весь округ, чтобы в конце концов узнать, что она в изрядном подпитии явилась домой под утро. Марина потеряла дар речи от подобной наглости, но возмущаться было некому — в телефоне остались только гудки. Звонила и Ане, но с горечью слышала знакомый писк в прихожей — дочкина сумка с телефоном сиротливо пряталась под крючками с пальто и куртками...

Что теперь делать, где искать Анюту? Марина не знала. Чувство безысходности охватывало ее, отнимая способность здраво мыслить. В каждом углу мерещились хмурые тени, в голову поочередно впивались огненные булавки. Как тогда, когда Марина упала и ударилась об пол. Перед глазами проносились сцены семейной жизни с Петей — беззаботное время, полное любви и взаимопонимания... Вот только не могла она назвать эти годы по-настоящему счастливыми... Потом — их жизнь втроем с Анютой, состоявшая из забот о ребенке, материнской нежности и скандалов... И, наконец, ополовиненное счастье после ухода бывшего мужа... Марине стало страшно от тех мыслей и откровений, что лезли в голову. Неужели, она и впрямь не была счастлива ни одного дня с тех пор, как вышла замуж? Или это клеймо ущербности появилось гораздо позже, когда Марина пыталась бороться, а потом — смириться с проклятым диагнозом?

Старинные кухонные часы печально тикали, напоминая, что невозможно вернуть время вспять. Этот звук отдавал гулом в груди, но мучительнее казалось осознавать, что Анюта неизвестно где, а все из-за нее... Словно злой рок преследовал Марину по пятам, выжидая удобного случая, чтобы окончательно уничтожить... Поймав себя на этой мысли, она сбежала из пустой квартиры, в которой сразу стало невыносимо холодно и тоскливо. Именно сбежала, оставляя позади и незапертую дверь, и сонм воспоминаний...

Жужжание в кармане вывело Марину из ступора. Разговаривать ни с кем не хотелось, но она все равно механически схватилась за трубку, нажала зеленую кнопку и застыла, забыв прислонить мобильный к уху.

— Слушай, я все жду и жду, а ты все не звонишь, — раздался звонкий Витин голос. — Что у тебя там случилось?

— Ни-че-го, — безучастно ответила Марина.

— Как это «ничего»? Что у тебя с голосом? Ты где? — Похоже, подруга всерьез забеспокоилась, оттого и завалила ее вопросами.

— Я? Какая разница... А вот где Анюта?.. — Марина будто впала в транс, в голове поселилась пустота. Только редкие всполохи сознания «выключали» ее.

— Ты дома?! — резко заорала в трубку Виолетта, заставляя Марину вздрогнуть.

— Нет, я на качелях... Анюта любила...

Марина сбросила вызов, не договорив. Слезы душили, не давая глотнуть воздуха. А что если у Ани с Виктором все-таки была близость? Большой мерзости казалось трудно представить! Марина пыталась отогнать эту назойливую догадку, но она хуже всякой мухи стремилась ужалить побольнее. Все из-за нее... Она виновата... Боже, как же безумно тяжело смириться с этим!

— Господи! — закричала, выворачивая легкие наружу. — За что?! За что ты проклял меня?!

Небо безмолвствовало. Только мелкий дождь набирал силу, смывая следы прошедшего

дня и добавляя влаги на лице. На Маринины воззвания никто, из бывших во дворе, не обратил внимания. Всем хватает своих проблем, чужая боль не нужна никому...

— Вострикова! — как разряд тока разнесся по позвоночнику голос Виты. — Отдери свой зад от качелей и иди за мной!

Не поднимая головы, Марина подчинилась. Безвольной куклой она поплелась следом за подругой, зашла в подъезд своего дома, поднялась по лесенкам, словно ее вели на веревочке. У двери в квартиру чуть не налетела на Виту.

— Ключи где? — все так же по-командирски спросила подруга.

Марина безучастно пожала плечами — мол, не знаю, отстань от меня. Скрипя зубами, Виолетта дернула ручку двери и только руками всплеснула. Железная преграда со скрипом, но без малейшего сопротивления, подалась, впуская их внутрь.

— И давно ты там сидишь, пока у тебя тут все нараспашку? — Вита еще пыталась достучаться до Марины.

Она же не смогла произнести ничего внятного. Из рта текли слюни, прерываемые хрипами, но не слова. Казалось, они застряли в голове и никак не могли выбраться наружу, путая мысли. Только когда подруга затащила Марину в ванную и окатила холодной водой из душа, она пришла в себя. И тут же испугала Виту отчаянным рыком. Осознавать случившееся оказалось невыносимо, гораздо проще было чахнуть в чужом дворе, чем снова и снова вспоминать Анюту в Чагинской рубашке...

— Все хорошо, я рядом, все наладится, — приговаривала подруга, пытаясь прижать Маринину голову к груди. — Успокойся...

— Ничего не будет хорошо. Раньше было, а теперь — нет! Я виновата! — твердила, колотя себя кулаком в грудь и вырываясь.

Хотелось вновь забыться, утратить нить реальности, сойти с ума окончательно и бродить по психушке в смиренной рубашке, разглядывая казенные стены... Хлесткие пощечины посыпались на Марину, вырывая из капкана депрессии. Обжигающая щеки боль отрезвила лучше ледяной воды. Перестав стонать и брыкаться, застыла, тяжело дыша и переводя взгляд с кафельного пола на Виолетту. Ее тревожный взгляд и забота развязали язык, и уже через несколько минут Марина, выговорившись, беспомощно обвисла на руках подруги.

— Теперь понимаешь? — бормотала, ища в ее глазах сочувствия.

Вита молчала, слегка покачивая головой. И Марине стало зябко от этой тишины.

— Нет, — наконец произнесла подруга. — Я все могу понять, но как ты могла украсть ребенка?!

Слова уязвили сильнее пощечин.

— Да что же вы все заладили: украла-украла! Это мой ребенок, мой! Мне Бог подарил!

Казалось, безумие вновь охватывает Марину. Она кричала, сжимая кулаки, будто собиралась силой отстаивать свою правду.

— Нет, — жестко одернула ее Вита. — Ты именно украла. Нагло и беспринципно. Вот сейчас ты считаешь себя матерью — так хоть раз представь, каково это, когда твоего малыша воруют, а ты ничего не можешь сделать.

— Но она умерла, — от агрессии перешла в защиту. За долгих двадцать лет ни разу не вспоминала про настоящую Анину маму — просто забыла, словно ее и не было.

— И что? — напирала подруга. — Вот тебя убей, так ты и мертвая припрешься

выцарапать глаза тому, кто твою Анюту обидит.

Марина не сразу поняла, что Вита шутит. Слабо улыбнулась.

— Наверное...

— Вот и подумай, каково это, — снова посерьезнела Виолетта. — И еще — не стоит опускать руки. Ищи Аню везде, где только можно. Обзвони друзей, знакомых, дальних родственников — всех. Про дело не беспокойся — временно возьму твои магазины на себя. Доходов не обещаю, но и убытков постараюсь не плодить.

— Да хрен с ними... Продай их!

— Хорошо-хорошо, продам. А пока тебе надо поспать.

Подруга за руку отвела ее в комнату и уложила на кровать, убаюкивая как малыша. Марина натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Вместо слов из колыбельной, в голове крутилось: «представь, каково ей...». Тяжело вздохнув, она провалилась в сон.

Душный воздух вытягивал влагу, сушил нёбо. Размытые очертания домов, ветвистые тени деревьев... Марина с удивлением узнала Тверские улицы, навсегда вычеркнутые из жизни. Шла по тротуару, выстукивая толстым каблуком. Несмотря на жару, было легко и спокойно, даже радостно. Конечно, ведь она не просто гуляла по родному городу — показывала его новорожденной дочурке, сладко посапывавшей в коляске. Марина улыбалась, наблюдая, как хмурятся и распрямляются ее бровки, сжимаются кулачки...

Слетевшая лямка на туфле советской топорной промышленности остановила идиллию. Марина досадливо поморщилась, нагнулась, чтобы вернуть ее на место... Боковым зрением как в замедленной съемке заметила, как кусок щебенки летит к виску, но увернуться не смогла. Так и застыла, разглядывая приближающуюся смерть. Алая вспышка, боль, врезающаяся в сознание острым краем, а потом тьма и тишина...

Для Марины время истерлось, унося все радости и переживания, накопленные в жизни. И только щемящее чувство, что что-то еще осталось там, за порогом старухи с косой, не давало померкнуть сознанию. Вспышка — и она увидела свысока, как лохматая черная фигура вынимает ребенка из красной коляски, бешено озирается, а потом нечеловеческими прыжками устремляется прочь. Марина напрягла угасающую память — кажется, опустевшая люлька что-то значила для нее. Вот только вспомнить бы — что?.. Внезапная догадка опрокинула мироздание: Анюта!

Марина рванула вниз, к тому существу, что утаскивало ее дочку неизвестно куда. Беспомощным сизым облачком она кружилась над его головой, пыталась ударить — но ничего не выходило. Косматая фигура только прибавила шагу, а потом и вовсе унеслась с неуловимой для глаза скоростью.

Растрепанной обиженной душой Марина осталась висеть над пустой коляской, роняя бесплотные слезы в распотрошенные пеленки...

Глава 36

Марина очнулась, прижимаясь к мокрой подушке. Живая! — пульсировало в висках. — Слава Богу, живая! В груди гулял холод, утаскивавший сердце вниз живота. Раскаяние щипало глаза, подталкивало ком к горлу. Сейчас Марина не находила слов, чтобы себя оправдать...

— Прости, — шептала, надеясь, что Анина мама все-таки где-то есть и слышит. — Прости меня...

Но ощущение потусторонней грани испарилось вместе со сном. Стены в россыпи тусклого предрассветного солнца молчали, подпирая потолок. В этой квартире не было тех людей, кто мог дать ей прощение. Но она найдет их. Во что бы то ни стало, отыщет Анюту, а потом попробует объясниться с Чагиным.

Рывком встав с кровати, Марина отправилась за телефоном. Покопалась в записной книге, поочередно обзванивая всех, кто что-то мог знать о дочери. Но все отвечали одно и то же, словно сговорились — «не видела», «не знаю», «давно не встречал». Исчерпав своих знакомых, решила взяться за Анютиных. Но в оставленной в прихожей сумке ее мобильного не оказалось. Марина только скрипнула зубами — сама же вчера не закрыла дверь, чего теперь удивляться, что их ограбили? Хотя, деньги целы... Станный вор, может, наркоман? Схватил первое, что попало под руку, да сбежал? Почему тогда не утащил всю сумку целиком?

Отягощенная смутными догадками, Марина поспешила в дочкину комнату, прошлась взглядом по книжным полкам, заглянула в шкаф. Вроде все на месте... Правда, в нижнем белье ощутимая выемка и нет любимых анютиных брюк. Боясь выдохнуть, сунулась в ящик стола, где лежал Анин паспорт и свидетельство о рождении — пусто! Даже страховки, и той нет! Обидная и вместе с тем радостная новость прибавила сил — Аня была здесь! Забрала документы и вещи, но вот оставаться не захотела...

— Хоть так, — нервно перебирая пальцы, твердила Марина, измеряя шагами коридор.

Вот только как добраться до дочкиных друзей? Единственный выход — спросить в деканате адреса и телефоны ее однокурсников. Не теряя времени, Марина выскочила из дома. Только садясь за руль опомнилась — сейчас полседьмого, кого в такую рань можно застать на работе? Но возвращаться домой не хотелось — мучительная пустота словно высасывала жизненные соки. Включив зажигание и выжав сцепление, Марина помчала на старушке-ауди по Московским улицам, убивая время.

Несколько часов она самозабвенно наблюдала, как исчезает серый асфальт под колесами автомобиля, а потом спохватилась — и направилась к университету. Вот только добраться туда оказалось не так-то просто. Застряв на кольце, Марина кляла себя, что не поехала сразу в заведение. Ничего, что пришлось бы посидеть час-другой в машине. Скрепя сердце, давила то на газ, то на тормоз, еле плетясь за грузеной газелью. Преодолев километровые пробки, Марина бросила машину у университета и вбежала внутрь.

Лестничные пролеты и приемная, казалось, промелькнули перед глазами. Проигнорировав восклицания секретарши, Марина ворвалась в кабинет декана. Борис

Венедиктович все так же чинно восседал в кресле, будто никуда и не уходил со времени их последнего разговора. Вот только вместо бокала на этот раз в его руках обнаружились бумаги.

— Борис Венедиктович, мне нужна ваша помощь! — с порога воскликнула она, привлекая внимание декана.

— Ум...

Он оторвал взгляд от документов и уставился на Марину. По его лбу побежали морщины — неужели, пытается вспомнить, кто она?

— Я мама Ани Востриковой...

Договорить не успела.

— Помню, — с нотой раздражения в голосе произнес он. — И что вам еще надо? Кажется, я уже пошел на встречу вашему брату...

— Какому брату?

— Приходил тут такой высокий... — ерзая в кресле так, что оно натужно кряхтело, проговорил декан в обычной поучительной манере, — серьезный мужчина. Документов я не спрашивал, но мне этого и не надо... Принес заявление от вашей дочери на академический отпуск.

— Давно? — это все, что Марина смогла произнести. В голове с быстротой молний одна за другой проносились мысли. Кто это? Виктор. Нет, тогда бы Борис Венедиктович сказал преподаватель... Анин парень? Как его?.. Женька, что ли? Нет, тогда бы тоже была ясность.

— Буквально минут двадцать назад. Я бы даже сказал, что вы ходите друг за другом, — декан самодовольно ухмыльнулся.

— В смысле? — Марина нахмурилась. Это что еще за намеки?

— Сначала Виктор Андреевич... Вот — заявление принес по собственному желанию. Потом этот ваш брат, а следом — вы, — Борис Венедиктович прищурился. — Не хочу лезть в вашу личную жизнь, но вы бы разобрались сначала с собой, а потом уже помогали дочери.

— Вы о чем?

— Ну, если мать пьет, чего тогда ждать от дочери? — спокойно заявил декан. — Неудивительно, что она ищет убежища в объятиях зрелых мужчин...

Последние слова переполнило чашу Маринино терпения.

— Да как вы смеете! — выпалила, неосознанно порывая надежду выпросить у Бориса Венедиктовича телефоны Аниных однокурсников.

— Не смотрите на меня так, — предосудительно покачивая головой, продолжал он. — Стоить вспомнить, какая вы были и взглянуть — во что превратились сейчас, чтобы понять, что без зеленого змея не обошлось.

Марина задохнулась от негодования. Да как он смеет! Как у него только язык повернулся! Наверняка, она и впрямь выглядит не лучшим образом, потому что не только не пользовалась косметикой — в зеркало не смотрелась уже несколько дней. Но разве это дает право кому бы то ни было ее оскорблять?

— Да вы... Да вы — хам! — едва сдерживаясь, чтобы не залепить декану пощечину выпалила она. — Как вы можете так судить?!

— А вы — пьяница и неряха, — с пренебрежением произнес он, возвращаясь к бумагам. — И видеть ни вас, ни каких-либо других ваших родственников в своем учебном заведении я не желаю. Так что избавьте меня от своего присутствия.

Борис Венедиктович сделал жест рукой, который значил одно: «пошла вон». Не сдержавшись, Марина подскочила к нахалу и залепила ему пощечину.

— Негодяй! — выпалила она и выскочила из кабинета.

— Чтоб я тебя больше никогда!.. — донеслось следом, но Марина не останавливалась.

Выбежав из университета, прислонилась спиной к дверям и разрыдалась. Как же так? Всякая самодовольная скотина будет тыкать в нее пальцем только потому, что она споткнулась в жизни? Повернулась, всматриваясь в отражение в заляпанном стекле входа. Висящий мешком спортивный костюм, впалые щеки с синими разводами, морщины, потухший взгляд... Зря она разозлилась на декана. И впрямь, пьяница... Марина отошла от двери, села на грязные каменные ступеньки и уткнулась лицом в колени.

— Теперь у меня остался только ты, Чагин, — шептала, унимая спазмы в животе. — Только ты...

Она побрела к машине. Кажется, в бардачке валялась бумажка с его адресом...

Марина безуспешно колотила в железную дверь после десятиминутного терзания звонка. Похоже, открывать ей никто не собирался. Она приникала к обивке, вслушиваясь к происходящему в квартире, но не улавливала ничего, что выдавало бы чье-то присутствие. Не выдержав, Марина закричала во все горло:

— Открывайте! Слышите? Открывайте немедленно!

— Вы к кому? — окликнула ее опрятного вида женщина лет пятидесяти с кухонным полотенцем в руках, выглянувшая из соседней квартиры.

— Сюда... — Марина растерянно ткнула пальцем в дверь Чагина.

— Тетя Зося ее уже сдала, — простосердечно сообщила соседка Виктора.

— Так я к жильцу...

— А! Это к профессору, что ли? Так он съехал.

— Давно? — произнесла на выдохе, понимая, что теряет последнюю ниточку.

— Вчера откланялся, — соседка прыснула со смеха. — Смешной такой, интеллигентный...

— Да-да... А может, он вам говорил — куда уезжает?

— Нет. Этого не знаю, — соседка пожала плечами. Из глубины ее квартиры донесся детский плач, и она тут же скрылась, хлопнув дверь.

Марина смотрела в разбитое окно на лестничной площадке и кусала губы. Уволился, уехал... Последняя надежда рассыпалась горьким сигаретным пеплом. Пальцы на автомате влезли в сумку, расстегнули запретный карман, где хранилась последняя сигарета. Ее Марина так и не выкурила — бросила. Правда, оставила на память о победе над вредной привычкой. Из года в год перекладывала вместе с косметичкой в разные сумки, как талисман, а потом и вовсе забыла, что такое вкус сигаретного дыма...

Подрагивающими губами обхватила «никотиновую палочку», зашарила по карманам, выискивая зажигалку. Пусто. Надсаживаясь истерическим хохотом, Марина принялась колотить по чистым зеленым стенам. Проклятье! Сохранив сигарету, она избавилась даже от спичек! Глотая злые слезы, Марина побрела прочь...

Марина близоруко шарила взглядом под ногами. Это надо же — потерять ключи. Хотя, куда ей теперь ехать? Разве что опять в милицию — донимать их, пока не зашевелиятся?

— Вам помочь?

Марина подняла глаза — сухонький седой мужчина с добрыми глазами.

— Нет, спасибо.

— А вы что, потеряли что-то?

— С чего вы взяли?

— Стоите тут, как сирота, землю разглядываете, — старичок ободряюще улыбнулся.

— Да, потеряла. Только вряд ли найду...

— Отчаиваться не надо, — проговорил он, положив ей руку на плечо. — Как Бог-то говорил, стучите — и откроют, ищите — и обрящете...

— Если бы так, — Марина горько усмехнулась. Напоминание про Бога мало утешило. Сейчас она ни во что не верила.

— Конечно так, иначе и быть не может, — рассмеялся старичок. — Вот ты в уме помолись, и сразу станет легче.

Больше для того, чтобы он оставил ее в покое, Марина прикрыла глаза и мысленно произнесла: «Помоги, Господи!». Прислушалась к себе — ничего. Но действительно стало как-то свободнее, легче. И тут же возникло ощущение, что она сказала как-то не так. Или не то...

— Прости меня, Господи! — зашептала, едва шевеля губами.

В кармане зажужжал мобильный, заставляя хозяйку вздрогнуть. Марина достала телефон, мельком глянула на дисплей — Сергей.

— Привет, — раздалось в трубке. Вот только привычной дрожи и истомы от Сережиного баритона Марина не испытала.

— Здравствуй, что хотел? — постаралась поскорее избавиться от собеседника. Нет, она еще не перестала любить его, просто ни с кем не хотела разговаривать.

— Хотел сказать, что с Аней все в порядке.

Марина вскочила, едва удержавшись, чтобы не завалиться обратно. В глазах потемнело.

— Где она, что с ней?

— С ней все хорошо...

— Анюта у тебя? — перебила она.

— Ей больше некуда было идти...

— От кого-то я уже слышала подобное, — горько усмехнувшись, произнесла Марина. — При этом она стояла рядом с этим кого-то в его рубашке...

— Поверь, секса у них не было.

— Она тебе сказала?

— Нет. Но знаю. Как мужчина.

— Ты с ней?.. — очередная нервная струна порвалась с жалобным треньком.

— Знаю, что ты сейчас скажешь, но уж лучше я, чем неизвестно кто в грязном подъезде. Ей это было нужно, я чувствовал.

— Она сейчас у тебя?

— Нет. Она уехала. Думаю, так будет лучше.

— Для кого?

— Для нее, для тебя. Для вас обоих, — в голосе ни намек на издевку. Спокойный, даже заботливый тон.

— Я хочу с ней поговорить, все объяснить, — Марина ухватила за него, как за соломинку. — Я приеду...

— Не надо. Я же сказал — она уехала. Я ей все объяснил, пускай сама решит, как ей

быть. Поверь, она взрослая девочка и во всем разберется.

— Взрослая? — переспросила Марина, распознавая в Сережином тоне незнакомую жилку. — Поэтому ты в нее и влюбился?

— Не только поэтому, — после секундной паузы, ответил Сергей. — Не надо торопиться. Сейчас ни ты ни она не найдете общих слов. Думаю, года будет достаточно, чтобы все хорошо взвесить.

— Спасибо.

Марина нажала кнопку сброса, Прижала телефон к груди. Анюта жива и здорова — это главное. А остальное... Теперь невозможно что-то изменить.

— Спасибо, — произнесла она еще раз, обращаясь неизвестно к кому.

Спохватилась — где тот старичок, что надоумил ее помолиться? Оглянулась, но за спиной никого не было. Только золотые кресты на голубых маковках приветливо поблескивали ей в ответ, проглядывая сквозь серые монолиты домов и офисных центров.

Эпилог

несколько месяцев спустя

Августовское солнце немилосердно выскребало прохожих. Марина брела по незнакомой деревне, разглядывая фасады деревянных домов и синие таблички с наименованиями улиц. Сердце замирало с каждым пройденным шагом — седьмой дом, девятый, одиннадцатый... Двухэтажный наполовину кирпичный коттедж с обвитым лианами забором. Тринадцатый. Всю дорогу Марина молилась, чтобы эта цифра стала для нее счастливой.

Осмотрелась, выискивая кнопку звонка на калитке или табличку с надписью «осторожно, злая собака». Не найдя ничего похожего, решительно двинулась во двор, взобралась по лестенке с балясинами, замерла у добротной железной двери. А если не откроют? Просто не откроют, давая понять, что она зря мчалась сюда из Москвы? И потом — Марина точно не знает, тут ли Анюта... А если тут — захочет ли она говорить с ней? Простила ли? Все внутри сковало дрожью... Неважно! Лишь бы взглянуть на нее последний разок, убедиться, что все в порядке: ей здесь хорошо и ее любят...

Палец настойчиво ткнулся в белую кнопку звонка, разливая по ту сторону двери приятную мелодию. Тишина... Марина замерла, ловя каждый шорох...

— Здравствуйте, — раздалось за спиной.

Марина вздрогнула и шарахнулась к перилам. Но тут же успокоилась — перед ней стояла невысокая старушка в голубом халате смотрела на нее пронзительно-добрым взглядом. Казалось, она все знает и понимает.

— Вы к кому?

— Здравствуйте, — опомнившись, ответила Марина. И продолжила, борясь со слезами, — я хотела поговорить с Аней, если она у вас...

— У нас, — старушка кивнула, поднялась по ступенькам, неся в руках несколько яиц. — А вы кто будете?

— Я... — Марина не нашла, что сказать. Более того — язык перестал ее слушаться и лишь бестолково сновал во рту, издавая нечленораздельные звуки.

— Понятно, — остановила ее мучения собеседница. Голос ее наполнился силой, даже судейской властью. — А я — ее бабушка. В дом вас пока не позову, извините. Но про то, что вы приехали — скажу. А там уже как она сама решит.

Марина закивала, размазывая слезы по щекам. Отошла в сторону, пропуская старушку в

дом, а сама осталась ждать Аниной милости. После щелчка запираемого замка, время обленилось, едва передвигая стрелки наручных часов. Марину лихорадило — то бил озноб, то становилось жарко. Больше всего боялась, что дверь для нее так и не откроется... Но тут же раздался новый щелчок и на пороге показалась Анина бабушка.

— Проходите, — без тени эмоций произнесла она.

Марина пыталась разглядеть в ее морщинках, что ожидает за порогом, но в них было только чинное спокойствие. Не напрашиваясь на повторное приглашение, прошла внутрь, окунаясь в прохладу коридора. За ним — прихожей, и только потом, разувшись, направилась в просторную светлую комнату с широким круглым столом, обшитыми бархатом стульями, и портретами на стенах. С одного из них на нее смотрела женщина, как двойник похожая на Анюту... К Маринину горлу подступил ком, а подсохшие слезы вновь напомнили о себе.

— Прости меня... — зашептала, размазывая соленую влагу по щекам. — Прости...

Неожиданно ее заключили в объятия, щекоча лицо волосами. Марина пыталась разглядеть — кто, но не могла. Глаза заволокло пеленой, будто тучами небо. Наконец, справившись с потоком слез, углядела пепельную макушку Анюты и задохнулась от счастья...

— Анечка, прости меня! — продолжала шептать, целуя дочку в щеки и макушку.

Скорее почувствовала, чем увидела, что в комнату вошел еще один человек. Виктор. Марина напряглась, предчувствуя ссору. Что он скажет и что она ответит — сейчас это стало неважно. Главное, что Анюта ее простила. Марина вытянулась струной, готовая принять и стерпеть упреки и резкости, крепче прижала к себе дочку. Но не успела и рта открыть, как она опередила. Задорный голос разнесся ко комнате, лишая Марину малейшего желания ссориться:

— Пап, знакомься — это моя мама!..

Больше книг на сайте - Knigolub.net